

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

*Посвящается всем участникам ликвидации
последствий аварии на Чернобыльской АЭС –
людям, чьё мужество стало частью
истории нашей страны*

г. КУРГАН 2026

ББК 84(2 Рос=Рус)6
П 62

Последняя битва Советского Союза.
Курган: ООО «Типография Дамми», 2026 – 212 с.

В сборник «Последняя битва Советского Союза» вошли рассказы, статьи, эссе и стихи семидесяти двух авторов, посвятивших свои произведения памяти героев-ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Многие из них отдали свои жизни, и все пожертвовали здоровьем ради спасения миллионов людей от радиационной катастрофы. Пусть эта книга будет той небольшой данью памяти и напоминает о том, что все мы должны этим мужественным людям.

Изложенные в авторских текстах сведения, касающиеся хронологии событий и технических вопросов, являются оценочными суждениями авторов и не претендуют на документальную достоверность.

Редакционный совет:

Мишкарев С.И.
Кокорин С.А.
Антонова Л.Л.

ISBN 978-5-6055897-4-7

© ООО «Типография Дамми», 2026

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ты держишь в руках книгу, время которой пришло уже давно. В ней представлены произведения авторов разных – как по возрасту, так и по роду занятий. Среди них есть уже известные литераторы, и те, кто впервые представил на суд читателей своё произведение. Кто знает, может быть, через десяток лет их имена займут достойное место в ряду писателей. Произведения разные по жанрам, по объёму, по стилю. Но их объединяет священное и ёмкое понятие – НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ. Память о событии, которое произошло сорок лет назад. О тех людях, которых мы называем ликвидаторами. Их становится всё меньше и меньше. Но память меньше не становится. Такая книга могла быть издана и раньше. Пять лет назад, десять, двадцать, тридцать! Хорошо, что это сделано сейчас. Любая страна живёт, пока есть люди, для которых память – это не пустой звук, а конкретные дела, которые мы делаем, потому что не можем их не делать. И совсем не случайно в Москве на Поклонной горе стоит памятник, на котором высечены слова: «Это была наша война. И наша победа!»

Мы назвали сборник – «Последняя битва Советского Союза», потому что это действительно была битва. И, как во всякой битве, был взрыв. Были погибшие. Были раненые. Но не во всякой битве, как в этой, погибшие и раненые появлялись через десятки лет после сражения. И потому они, конечно же, заслуживают заботы и внимания. Особенно от нашей медицины.

Отдельного упоминания заслуживают книги, которые стали призёрами в своей номинации, но по понятным причинам не вошли в наш сборник: Цейтин К.Ф. «Ядерные и радиационные аварии и катастрофы», Малышев В.Ю. «Чернобыльский крест».

Для чего написаны эти произведения? Чтобы помнить. О том, что случилось сорок лет назад. О тех, кого называли «Атомными солдатами», кто вступил в эту битву, безоглядно рискуя собой. Чьи смерти и группы инвалидности даже через сорок лет связывают с той битвой против смертельной радиации. В чью честь день закрытия саркофага – 30 ноября 1986 года называли Чернобыльским Днём Победы.

Я благодарю Курганское региональное отделение Союза писателей России, его председателя Кокорина Сергея Аркадьевича за организацию и проведение литературного конкурса, организацию работы жюри конкурса, Фонд Президентских грантов и типографию «Дамми» за возможность издания этого сборника.

***Участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС,
Председатель Курганской региональной организации Союз «Чернобыль»
С. Мишкарёв***

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Предлагаемый вашему вниманию сборник сформирован по итогам литературного конкурса «Последняя битва Советского Союза», который был организован и проведён Курганской региональной организацией Союз «Чернобыль» и Союз писателей России в год 40-летия Чернобыльской катастрофы.

В сборник вошли рассказы, стихи, очерки, эссе и статьи семидесяти двух авторов. Необходимо отметить, что художественный уровень произведений был не единственным критерием, по которому отбирались произведения. Составителям хотелось как можно шире осветить тему подвига советских людей, объединившихся в борьбе с последствиями самой серьёзной катастрофы в истории не только советской, но и мировой атомной энергетики, что особенно значимо учитывая, что 2026-й год объявлен Годом единства народов России.

В сборнике представлены авторы городов Кургана и Шадринска, а также пятнадцати муниципальных округов Зауралья. Есть участники из других регионов. Отдельно размещены произведения молодёжи: школьников и студентов. Организаторов проекта порадовало активное участие молодых людей в конкурсе. Ведь очень важно, чтобы подрастающее поколение знало об исторических событиях в нашей стране. Знало и интересовалось этим, узнавая информацию непосредственно от самих «Атомных солдат», как образно назвал поэт ликвидаторов аварии на ЧАЭС. Тем более, это необходимо в условиях гибридной, информационной войны, развязанной Западом против России.

Для простого человека история – это не те документы, что лежат на архивных полках, не те артефакты, что находят археологи. Для него история – это то, что он прочёл в журнале, в книге, в интернете, увидел на экране. И вдвойне ценно получить эту информацию, пока живы непосредственные участники событий – герои-ликвидаторы, чей подвиг, говоря откровенно, с исторической точки зрения ещё недооценён, так как последовавшие политические события конца 80-х, начала 90-х годов и развал Советского Союза отодвинули в сознании людей трагические события апреля 1986 года и последующую борьбу за спасение миллионов людей от смертельной радиации. Пусть этот сборник будет небольшой долей той благодарности, что мы должны этим мужественным людям.

***Председатель Курганского регионального отделения
Союза писателей России***

С. Кокорин

Юлия СЕМЁНОВА
г. Москва

ПОМОЩЬ ПРИДЕТ С НЕБЕС
Героизм авиаторов Зауралья при ликвидации последствий
Чернобыльской катастрофы

Ангелы Чернобыля

Каждый раз, когда я приезжаю почтить память моих близких на Митинское кладбище в Москве, подхожу к памятнику ликвидаторам последствий Чернобыльской аварии. Человек, закрывающий собой мир от ядерного взрыва... Эти люди, эти герои — для меня такие же близкие. Также как я благодарна своим родителям, своим бабушкам и дедушкам за данную мне жизнь, я благодарна людям, которые ценой своей жизни защитили всех нас в момент страшной катастрофы.

Мой отец, летчик гражданской авиации, почти 50 лет служил авиации Зауралья. Эту статью я посвящаю авиаторам, коллегам отца, принимавшим участие в ликвидации последствий Чернобыльской аварии. Какие они, эти люди? Общаясь с ними, можно сделать вывод — они не считали себя героями, просто выполняли свой долг перед Богом и людьми. Их так и называли — «Ангелы Чернобыля».

Смотрели в глаза смерти

Первыми, кто посмотрел в жерло пылающего реактора, были военные вертолетчики. Можно сказать, что они смотрели в глаза самой смерти. Вместе с пожарными они приняли на себя самый страшный удар в первые часы и дни после аварии. Руководил действиями Сводной авиагруппы, направленной на ликвидацию аварии, начальник штаба ВВС Киевского военного округа генерал Николай Тимофеевич Антошкин.

Одним из участников событий стал наш земляк, уроженец Шумихинского района Курганской области Владимир Борисович Евдокимов. Владимир Евдокимов закончил Кировское военное авиационно-техническое училище в 1982 году в звании лейтенанта и получил распределение в Белоруссию, где нес службу в Полоцком вертолетном полку, летал в составе экипажа транспортно-десантного вертолета Ми-26 в качестве бортового техника.

Взрыв реактора 4-го энергоблока в городе Припяти был в половине второго ночи. Вертолетчиков ВВС Киевского округа подняли по тревоге. Первый же

разведывательный полет показал, что единственным способом погасить бушующий очаг радиации, может быть только сброс с вертолетов 5–6 тысяч тонн песка, смешанного с доломитовой крошкой, карбидом бора и свинцом. Об этом заявила правительственная комиссия во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР Борисом Щербиной.

Вертолеты Ми-26, которые в состоянии взять 20 тонн груза на внешней подвеске, были у ближайших соседей из ВВС Белорусского округа.

Первые Ми-26 276-го отдельного вертолетного полка, где служил двадцатитрехлетний лейтенант Евдокимов, приземлились на аэродроме в Чернигове 27 апреля. «Там уже стоял Александровский полк. Остальные экипажи Ми-26 перелетели из Полоцка 29 апреля. Всего прибыло 11 бортов», — рассказывает Владимир Евдокимов. Когда подлетали к Чернигову, была команда — «выключить кондиционер». О взрыве на реакторе в тот момент знал только командир.

28 апреля экипаж Евдокимова начал полеты над ядерным жерлом, внутри которого продолжало гореть не менее 2,5 тысяч тонн графита, облако радиоактивного дыма поднималось на 400–600 метров и разносилось меняющимся ветром. Температура в котле доходила до 2300 градусов Цельсия.

Горение реактора, со слов нашего земляка, напоминало сварочный автоген, синевато-красноватое пламя вырывалось под давлением. Летчики называли горящий реактор «исчадием ада», «атомной чумой». Внутри все клокотало и полыхало, и дым...

Температура за бортом по докладу экипажей — 180 градусов, а в кабине доходила до 50 градусов Цельсия и более. Дозиметр на борту, рассчитанный на 500 рентген, зашкаливал.

В таких условиях приступил к тушению пожара экипаж бортового техника Евдокимова.

Первые мешки с песком авиаторы стали сбрасывать уже 27 апреля с имеющихся на тот момент вертолетов Ми-8. При этом приходилось зависать над реактором. Бортовые техники, бортовые механики, прикрепившись к вертолету страховочными поясами, сами, прямо через открытую дверь вертолета, высунув голову и целясь «на глаз», сбрасывали мешки весом до 100 кг. У человека при прямом контакте с такой высокой температурой и радиоактивной пылью — лицо сразу становилось багрово-красным, начиналась тошнота, рвота. Решили приспособить доску, как рычаг, чтобы сбрасывать мешки. Нагрузка чуть меньше, но проблема не решалась.

28 апреля, в первый день работы, «винтокрылый богатырь» — вертолет Ми-26 Евдокимова сделал 2 захода над реактором. «Люк открыт, контейнер с песком и свинцом на внешней подвеске, мы в кабине без кондиционера, ощущение сильнейшего жара и духоты, — рассказывает Владимир Борисович, — зависали над реактором на высоте 100–150 метров, целились, а потом выдергивалась чека. За первый день каждый член экипажа получил облучение в количестве 13 рентген (при норме 5 рентген в сутки).

На следующий день работу продолжили.

Вставали в 5–6 утра, летели от места базирования в Чернигове до площадки, рядом с местом аварии под названием «Кубок-1». На площадке прицепляли груз с песком и свинцом. Работали до 6–7 часов вечера, затем возвращались в Чернигов, там вертолет обливали водой из машины с бочкой. Нас проверяли «химики», сколько «хапнули». Наш командир, капитан Виталий Яковлевич Жуков, даже на обратной дороге в Чернигов, когда мы уже отлетали суточную норму, и

доза радиации была уже большая, все равно брал груз, и мы летели над реактором. Хотелось побыстрее погасить».

К месту аварии продолжали прибывать авиационные части со всей страны — Троицк, Торжок, Телави. Одновременно СССР вел боевые действия в Афганистане. Среди экипажей вертолетчиков были те, кто только буквально перелетел «с войны на войну».

Приходилось решать множество вопросов. Для обеспечения эффективности и точности сбросов песка и смесей — на крыше гостинцы «Полесье», которая находилась на расстоянии 1800 метров от горящего реактора, поместили руководителя полетов.

Была разработана защита для людей и вертолетов с использованием свинца, респираторы с графитом, но во время первых полетов над реактором люди и машины были совершенно беззащитны перед невидимым врагом — радиацией. Как говорили участники боевых действий — на войне пуля может быть и пролетит мимо, а здесь мы знали, что 100 процентов будут последствия.

Карусель Полбина-Антошкина

В первые сутки после аварии авиаторы подвергались сильнейшему воздействию радиации: после полетов болела голова, присутствовала тошнота, у некоторых рвота. Приказом командования количество членов экипажа уменьшили — не брали штурманов, бортмехаников, радистов. Берегли людей. «Стали летать втроем: командир вертолета, правый пилот и я, бортовой техник», — говорит Владимир Борисович. Одна из главнейших задач — увеличить в разы количество сбрасываемого в кратер песка, глины, доломитовой крошки, карбида бора и свинца. «Нашли «обратное» применение парашютам», — рассказывает Владимир Евдокимов. Грузили мешки с песком в купола авиационных тормозных парашютов — получались своеобразные сетки-корзинки, которые подвешивали под брюхо вертолета и сбрасывали на реактор. «Стали брать по 5 парашютов, в каждом по 1 тонне смеси свинца и песка. Теперь мы уже не висели над реактором, а проходили над ним. Сброс парашютов напоминал бомбометание. На втором заходе над реактором обнаружили, что пламя погасло, только дымок поднимается. Сделали 14 заходов», — вспоминает авиатор.

Сбрасывая парашюты со смесью, экипажи вылетали друг за другом, с интервалом 30 секунд, на высоте 200 метров со скоростью 90–120 км/ч. «Как пчелы в улей» — такое сравнение сделал генерал Антошкин, придумавший карусель из вертолетов Ми-8, Ми-6 и Ми-26, используя фронтовой опыт героя Великой Отечественной войны летчика И.С.Полбина.

После сброса парашютов уходили на свои площадки, опять погрузка и укладка в купола мешков с песком, глиной, доломитовой крошкой и другими сыпучими грузами.

Работа по загрузке мешков в парашюты невероятно тяжелая. Вспоминает Владимир Евдокимов: «Как-то сели, а до мешков метров 10. Нам четверых «партизан», гражданских ребят, прислали из ближайших деревень. Они помогали. Грузили, парашюты набивали. И вот мы впятером пять тонн по земле подтащили к вертолету. Зацепили, полетели...».

Когда стал работать вертолетный конвейер, выброс радиации упал в сотни раз (от 3500 до 40–60 рентген/час). Вечером 30 апреля не стало видно и горящего костра в самом реакторе. Но утром 1 мая он опять вспыхнул, к 11 часам костер удалось полностью засыпать. Вскоре выяснилось, что под слоем песка начала

расти температура, возросла угроза взрыва. Решили сбрасывать свинец, способный охладить ядерное топливо. По выражению летчиков, это была настоящая «свинцовая атака». Для свинцовых чушек мешок не нужен, их подвешивали на стропы парашютов. В качестве источника свинца сбрасывали даже охотничью дробь.

«Наш вертолет выдержал. Показал себя с лучшей стороны», — говорит Владимир Борисович. Вертолетчики бесконечно благодарны авиаконструкторам МВЗ им М.Л.Миля за создание таких мощных и надежных машин, летавших над реактором при температуре 160–180 градусов.

Цена в рентгенах

2 мая 1986 года экипаж вертолета Ми-26, совершивший 24 вылета на реактор, забрали в Москву, в ЦНИАГ — центральный авиационный госпиталь, где проводят медицинскую проверку космонавты.

У молодого борттехника Владимира Евдокимова, в отличие от остальных членов экипажа, опасных симптомов не обнаружили. Находились на карантине 21 день.

Владимир Борисович рассказывает: «Доктора попросили нарисовать схему, сколько мы получили радиации. Потом сказали нам, что мы, наверное, неправильно записали и наша доза радиации гораздо больше».

Военным врачам, трудившимся рука об руку с авиаторами, пришлось принимать сложнейшие решения. Николай Алексеевич Померанцев, первый руководитель медицинского коллектива Сводной авиационной группы с 27 апреля по 14 мая 1986 года, сам участвовал в экспериментальном полете над реактором. Законы военного времени, которые действовали в тот момент в Чернобыле, диктовали свои условия: необходимо срочно закрыть бушующий реактор, из которого бил восходящий поток радиоактивного газа, ионизированного нейтронами и гамма-лучами. Это приказ. Но численность летного состава Сводной авиационной группы ограничена. Пришлось забыть о летных сменах, пересмотреть индивидуальную нагрузку. Не было доверия и к старым дозиметрам. Первоначальный расчет предполагал, что радиационное излучение на высоте 200 метров составляет 1000 рентген/час. На самом деле, как потом заявил академик Валерий Легасов, уровень радиации достигал 3000–3500 рентген/час.

Совершая по 20–30 полетов над реактором в день, вертолетчики за 2–3 дня набирали предельную дозу — 25 рентген, после чего экипаж подлежал замене и отправке в госпиталь.

О подвигах авиаторов в зоне аварии можно написать не одну книгу.

В ежедневном бою с невидимой смертью, они остановили цепную реакцию и закрыли активную зону реактора толстым слоем песка, свинца и доломита.

Когда на 3-й день аварии над Чернобылем пошел дождь, для разгона туч вызвали метеосамолеты.

Крылатые машины Ан-12 и Ан-26, груженные «под завязку», доставляли к месту аварии тормозные парашюты со всей страны.

Вертолеты радиохимической разведки Ми-24Р поднимали в район реактора ученых и дозиметристов, которые с воздуха оценивали обстановку и отработывали методику захода на цель, безопасный путь к реакторам.

Ми-8МТ и Ка-27Е зависали над реактором, пилоты спускали с помощью тросов технику, аппараты, которые мерили уровень радиации, фотографировали местность.

Это и участие в операции, получившей негласное название «Промокашка», когда за 3 дня вертолеты очистили крышу машинного зала реактора от кусков урановых стержней и графита с помощью специальной «липкой» платформы, разработанной учеными. В результате были спасены сотни жизней солдат, очищающих крыши в условиях, в которых даже роботы-манипуляторы для этого предназначенные, быстро выходили из строя.

Вокруг АЭС после катастрофы горели леса, их тоже нужно было поливать, чтобы радиоактивный дым и пепел не разносился по округе. Был создан вертолет-танкер для распыления специальной жидкости. Использовали патоку и каучук.

Служащие внутренних войск, летая на вертолетах, патрулировали территории закрытой зоны, охраняли от мародеров. Авиаторы со всем возможным сочувствием относились к людям, которым пришлось покинуть родной дом. Тяжело было видеть опустевший город, безлюдные села, домашних животных, оставшихся без хозяев.

В своем интервью Юрий Яковлев, в 1986 году командир эскадрильи Ми-8 51-го гвардейского Александровского полка говорил, что ощутил, когда увидел колонну автобусов «Икарус», вывозивших людей из Припяти: «По спине мурашки, какое горе охватило народ. И сознание той беды. Внутри себя принято решение, что здесь придется работать если не до смерти, то здоровье точно будет подорвано».

Гражданские крылья Зауралья

Не жалея своих сил, спасали человеческие жизни и гражданские авиаторы Зауралья.

Рассказывает ветеран Курганского авиапредприятия бортмеханик Владимир Александрович Маркелов: «В 1986 году несколько человек из бортмехаников курганского авиаотряда были командированы для работы в город Ижевск (тогда Устинов), где в этот период не хватало специалистов. Новость об аварии на Чернобыльской АЭС была уже известна».

Ижевские экипажи пассажирских самолетов Ан-24, в которые входили бортмеханики из Кургана Александр Шумков и Владимир Маркелов, участвовали в эвакуации женщин и детей из Киева. Людей вывозили в Харьков, в Краснодар, в Ростов.

Рассказывает В.А.Маркелов: «Первым в начале мая был спецрейс из Ижевска в Киев - везли специалистов, физиков. Проживали мы в профилактории в Жулянах, вместе с военными летчиками. Наши Ан-24 делали 2-3 рейса в день: Киев-Харьков-Киев, Киев-Краснодар-Киев. В Жулянах подходили дозиметристы, самолет обрабатывали. Уровень радиации был очень высокий, даже от кресел самолета.

В Киевском аэропорте Жуляны обстановка была очень тревожная, местами паническая. Целые толпы народа, все старались улететь. При посадке бросалось в глаза, что в самолет садятся только женщины и дети. Некоторые рейсы — 5–6 взрослых, остальные дети, самолеты были полностью заполнены. Дети с рюкзаками, как будто поехали в пионерский лагерь. И идут строем».

Юрий Алексеевич Коровин – командир эскадрильи самолетов Ан-24, а затем Ан-26, вспоминает: «Мы вылетели из Кургана в Киев (аэропорт Жуляны) вторым рейсом на грузовом самолете Ан-26, везли системы для переливания крови, которые делал Курганский завод. Салон был полностью заполнен медицинским

оборудованием. Прилетели в Киев, аэропорт Жуляны. Там переполох, люди в ужасе. Выгрузили аппараты.

На обратной дороге летели через Харьков, где нас переправили на дальнюю стоянку. Подошли дозиметристы в ОЗК (защитных костюмах), измерили уровень радиации. Облили самолет, только потом выпустили экипаж».

В Курганских экипажах, направленных в Киев, работали: командир воздушного судна Юрий Григорьевич Карпунин, старший штурман летного отряда Юрий Михайлович Титов, пилот Петр Прокопьевич Степченко, бортмеханики Валерий Викторович Лапханов и Александр Михайлович Форофонов. Уровень радиации в тот момент в Киеве доходил до 130–140 мР/час (при норме менее 30).

Зауральские авиаторы говорят, что в момент выполнения задания, они особенно не береглись, не задумывались над опасностью. Да и о радиации мало что знали.

Эхо войны

После обследования в Москве и пребывания на карантине Владимир Борисович Евдокимов вновь кружил на своем вертолете над радиоактивным Чернобылем, еще четыре смены по месяцу каждая. Он вспоминает: «После госпиталя была работа полегче — облет зоны, тушение возгораний в зоне аварии».

После выполнения заданий Ми-26 приземлялись на полевой аэродром «Малейки» (недалеко от аэродрома базирования), где был пункт дезактивации. Те люди, кто занимался дезактивацией, также серьезно пострадали от радиации.

Большинство вертолетов, в том числе Ми-26, получивших огромную дозу облучения, дезактивации не поддались. «Сколько тогда не пытались отмыть машины от радиации, даже двигатели меняли, они все равно светились. Летали на них до 1988 года, потом угнали на могильник в Чернобыль».

Владимир Евдокимов служил в авиации до 1994 года, закончил службу в звании капитана.

Сегодня Владимир Борисович Евдокимов живет на родине, в Шумихинском районе Курганской области. Уже никого нет из его боевых товарищей, членов экипажа. Ушли в вечность. Главной наградой для Владимира Борисовича стала сама жизнь.

Меня потрясла история жизни академика Валерия Легасова — великого ученого, который был «мозгом» всей операции. В статье об авиаторах нельзя не упомянуть эпизод с попыткой тушения пожара в реакторе с помощью воды. Получив задание «сбросить воду на реактор», группа вертолетов поднялась с аэродрома в Чернигове, наполнила бочки водой из Припяти и строем взяла курс на реактор. «От неминуемой смерти спас академик Валерий Легасов. Узнав о том, что собираются предпринять, он вышел в эфир и истошно кричал: «Летчики, я запрещаю вам сброс воды в реактор, немедленно вернитесь», — рассказывал генерал Николай Антошкин. Только потом летчики узнали, что образовавшаяся в реакторе горячая смесь, достигшая нескольких тысяч градусов по Цельсию, при попадании в нее воды, стала бы катализатором, и мощнейшего взрыва было бы не избежать».

В связи с засекречиванием данных о катастрофе и утаиванием информации о влиянии радиации на организм человека, авиаторы не были достойно отмечены наградами за свой подвиг. Военным вертолетчикам пришлось доказывать свою принадлежность к участникам ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, так как места базирования (аэродромы), где личный состав проходил санобработку

и ночевал (Чернигов, Жуляны, Овруч, Гончаровское, Борисполь) находились на расстоянии более чем 30 км от зоны аварии. А для чиновников это означало, что никаких льгот не полагается.

У ликвидаторов последствий радиационной аварии стали возникать онкологические заболевания, которые запрещено было связывать с полученной дозой радиации. Пострадало множество людей, не стали исключением и курганские авиаторы. Некоторые в настоящее время борются с онкологией.

Послесловие

От мемориала ликвидаторам последствий Чернобыльской аварии иду в храм на Митинском кладбище, к иконе «Чернобыльский Спас». Склоняю голову перед подвигом советских людей. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя (Евангелие от Иоанна 15:13). Герои, защитившие нас от ядерной катастрофы, где бы вы ни были, в вашу честь вечно будут звучать эти слова — как олицетворение благодарности и самой высокой оценки вашего подвига. Исторические события апреля 1986 года напоминают нам о том, какая опасность для человечества — нарушение эксплуатации ядерных реакторов, как бережно мы должны относиться друг к другу.

Виктор ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

г. Миасс

Челябинская обл.

1000 ЧАСОВ ЖИЗНИ В ЗОНЕ ОТЧУЖДЕНИЯ (отрывок из мемуаров)

12 июня 1986 года.

Оставшаяся часть роты до обеда продолжала заниматься дезактивацией села, после обеда солдатам дали возможность отдохнуть до 17.30. А уже с 19.00 они заступили на сутки на ПуСО (пункт специальной обработки). В их задачу входила санитарная обработка техники, которая по разным причинам выезжала с атомной.

Пункт санобработки был оборудован в конце села Копачи на развилке дорог Припять - АЭС. Атомную и пункт санобработки разделяло три километра. Солдаты тщательно мыли весь транспорт, который выезжал с атомной, потом проверяли на облучение и в случае загрязнения техники возвращали ее на повторную обработку. Всего было девять АРСов (авторазливочная станция), и расставлены они следующим образом: три стояли на дороге Копачи-Припять, шесть машин - на дороге Копачи-атомная станция.

Проработав остаток дня, Загребельный понял, что работа ПуСО организована неверно. Три машины, стоявшие в направлении Припяти, бездействовали, а

ребята, которые трудились по направлению к станции, падали от усталости. Только за сутки было обработано около 600 машин, едущих со станции, в то время как в сторону Припяти проехало до 10.

Лейтенант Загребельный наперекор командованию принял решение: двоих человек и один АР С оставить на этой площадке, всех остальных и технику направить на помощь тем солдатам, которые принимали транспорт с атомной. Дозиметрист тоже уехал, а лейтенант, одев на шею армейский дозиметр ДП-5, сам контролировал обработку автомашин. Его вездесущий дозиметр «заглядывал» в наиболее труднодоступные места.

Почти каждые две минуты проходило по одной машине. Нужно хорошенько ее помыть, замерить радиационный фон, записать номерной знак. Проходили все виды транспорта: грузовые, бортовые автомашины, самосвалы, автобусы, УАЗики, БТРы. На солдатах были защитные средства - общевойсковой защитный комплект и респираторы на лице. У Загребельного из средств защиты был только респиратор. Но ребятам приходилось особенно тяжело. В жару они целые сутки были одеты в резиновые плащи и сапоги. Активность движения начала стихать после полуночи, а с двух часов ночи и до четырех утра прошли несколько автомашин с разведчиками. Необходимо было хотя бы присесть где-то, отдохнуть. На их счастье, возле ПУСо стоял брошенный автобус. У него пробуксовывало сцепление, ключи от зажигания даже оставили. Виктор Васильевич заглянул в автобус, замерил радиацию. Внутри автобуса она не очень отличалась от той, что была на ПУСо.

- Занять «оборону» в автобусе на один час, завтра предстоит очень тяжелый, напряженный день.

Через пять минут все уже спали. Сон оберегал лейтенант Загребельный. Он то и дело на сиденье «клевал» носом, поглядывая на часы.

Около шести утра движение транспорта начало набирать обороты и уже не стихало до глубокой ночи. Атомной станции на этом пункте не было видно - ее закрывал лес.

Существовали машины, которые солдаты не «обрабатывали» - бетоносмесители. Откуда-то из-за зоны они везли бетон, затем в районе ПуСО перегружали в такие же бетоносмесители, а дальше бетон загружали в бетоносмесители которые курсировали между ПуСО и АЭС и не выезжали дальше. Они набрали столько радиации, что им нельзя было покидать зону. Бетон ждали строители, они готовили «укрытие» на атомной.

Воду для АРСов подвозила одна поливочная машина. Водитель набирал воду в г. Припять. Порой из-за отсутствия воды простаивал грузовой транспорт, а это уже беда.

Тогда лейтенант Загребельный решил посмотреть маршрут водовоза с тем, чтобы осуществить забор воды поближе и с выполнением всех правил безопасности. Прихватив с собой дозиметр (это был его личный, подарили ребята из майского призыва), они поехали в сторону г. Припять. Дорога была пуста, транспорта нет. Только в двух местах на обочине валялись две грузовые автомашины, потерпевшие аварию. Гражданские водители старались пулей вскочить в зону и как можно быстрее из нее выехать это было в интересах их личной безопасности. А нам спешить было некуда, все мы жили в зоне.

Во время движения лейтенант включил дозиметр. Машина шла на скорости до ста километров в час. На подъезде к Припяти излучение начало расти. Загребельный не успевал переводить шкалу дозиметра в большую градацию

- дозиметр зашкаливал. Загребельный так и не смог измерить излучение.

На полосе около 3 км дозиметр зашкаливал, а когда проехали этот участок, излучение вновь стало резко падать. Позже он узнал, что это был «рыжий» лес. Во время аварии атомное облако пошло именно в этом направлении. Из-за большой радиации хвоя на деревьях пожелтела и стала рыжей. Они быстро проехали участок и начали подниматься на мост через реку Припять. Перед ними открылась панорама необыкновенной красоты: впереди лежал один из красивейших городов Украины. Просматривались только многоэтажки, частного сектора не было, а вокруг леса, да река Припять.

Как жалко было этот город, людей, строивших его и живших в нем. Ведь сколько в него вложено труда, любви, фантазии. Ровные улицы, геометрически правильно расположенные районы, зелень вокруг города, в его скверах, на улицах, площадях. И сейчас вся эта красота лежала в зоне отчуждения мертвая, как в гробу. И все из-за трагической аварии на атомной станции, которая была практически рядом с городом, с правой его стороны. Границей между городом и станцией была только река.

Автомашина остановилась возле первых девятиэтажек. Рядом был гидрант, и ребята стали оперативно заправляться водой. Виктор Васильевич замерил радиационный фон в районе гидранта. Он был практически такой же, как и на ПуСО, но стоило ему сделать несколько шагов к обочине от гидранта, как излучение стало быстро расти. Лейтенант понял, что вода смывала радиационную пыль возле гидранта и доза становилась меньше. Это убедило его и в другом. Выезжая на особо опасные работы, необходимо было двигаться с максимальной скоростью и не отклоняться от установленного маршрута ни на метр, иначе можно попасть под большую дозу излучения, а личных дозиметров у них не было, да и с каждым разом не ездили дозиметристы, поэтому была вероятность получить неучтенную дозу. «Когда мы приехали, - пишет в своем дневнике лейтенант Загребельный, - то у первых, майских, солдат еще были индивидуальные дозиметры-карандаши, но, как выяснилось, солдаты - очень сообразительный народ. Один из них придумал такой способ «заработать» себе облучение. Нашел радиационное пятно в лесу и на ночь клал туда свой дозиметр-карандаш. Командование только удивлялось, да несколько дней перебивало в замешательстве: работает со всеми, а доза облучения у него большая. Понаблюдали за всеми. Как правило, тайное всегда становится явным. Заметили, что тот солдат постоянно отлучается в одно и то же место, потом спросили, где его дозиметр, а утром он уже вел туда командиров. И с того времени все дозиметры изъяли. Но это версия командования, а что на самом деле побудило руководство так поступить? Те дозиметры показывали более или менее реальные цифры облучения солдат, и которые уже тогда говорили о том, что личный состав переоблучается...

Кто-то из ученых посчитал, что человек за 75 лет жизни получает естественное облучение до 35 рентген. Поэтому в 1986 году было решено, что солдат может получить облучение до 25 рентген, и эта доза считалась допустимой.

Издали приказ. Тот, кто допустит переоблучение личного состава свыше 25 рентген, пойдет под суд. Поэтому в 1986-м говорили: 25 рентген допустимо в мирное время, 50 - в военное. А уже дома, через несколько лет после возвращения из Чернобыля, я узнал, что до аварии атомщик в случае, если в течение года он получал суммарную дозу облучения в 5 рентген, отстраняли от работ с радиоактивными элементами минимум на один год».

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБСЛУЖИВАТЕЛЯ
ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ
73413

МАРШРУТНЫЙ ЛИСТ

И. *сирота* 90.
№ *163*

Участника ликвидации последствий аварии на
Чернобыльской АЭС ЗАГРЕБЕЛЬНОГО Виктора Василь-
евича

Место прохождения службы во время участия в выполнении работ по
ЛПА на ЧАЭС войсковая часть 73413 – заместитель командира роты
химической защиты по политической части.

Время выполнения обязанностей по ЛПА на ЧАЭС с 9 июня по
19 июня 1986 г.

Дата	Кол-во часов	Место выполнения работ	Характер работ
9.06.86г.	24	п.Диброва	
10.06.86	12	п.Диброва	сан.обработка л/с и техники
10.06.86	12	п.Диброва	
11.06.86	12	п.Диброва	сан.обработка л/с и техники
11.06.86	12	п.Диброва	
12.06.86	12	п.Копачи	ПУСО дезактивация техники
12.06.86	12	п.Диброва	
13.06.86	12	п.Диброва	сан.обработка л/с и техники
13.06.86	12	п.Диброва	
14.06.86	12	п.Диброва	сан.обработка л/с и техники
14.06.86	12	п.Диброва	
15.06.86	12	п.Диброва	сан.обработка л/с и техники
15.06.86	12	п.Диброва	
16.06.86	12	п.Диброва	сан.обработка л/с и техники
16.06.86	12	п.Диброва	
17.06.86	12	г.Чернобыль	дезактивация улиц
17.06.86	12	п.Диброва	
18.06.86	12	г.Чернобыль	дезактивация улиц
18.06.86	12	п.Диброва	
19.06.86	12	г.Чернобыль	дезактивация улиц
19.06.86	12	п.Диброва	

Маршрутный лист составлен для уточнения полученной дозы радиацион-
ного облучения во время выполнения обязанностей по ЛПА на ЧАЭС.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 73413
ПОЛКОВНИК

В.КАЛЕНЯК

...Машина заправлена во-
дой. Замполит продолжал смо-
треть на пустынный мертвый
город. Где-то на балконе су-
шилось белье, где-то - тарань.
Хлопала на ветру не закрытая
форточка. И ни одного живого
звука, голоса. Как в фантасти-
ческом фильме о звездных во-
йнах, но все это только не на
экране, а наяву, и ты созерца-
ешь все это не лежа на диване,
а находишься непосредственно
в центре событий. От таких реал-
ий становится жутко.

- Поехали как можно бы-
стрее на ПуСО, - всего и сказал
лейтенант.

Машина ехала на пре-
дельной скорости. Водитель бо-
ялся того, что может произойти
поломка. И тогда гуляй, Вася,
пешком. О здоровье можно и не
говорить.

На обратном пути лейте-
нанту вновь не удалось заме-

рить радиацию: дозиметр постоянно зашкаливал. Без приключений добрались
на ПуСО. Заправили машины водой.

Виктор Васильевич понимал - нужно искать новый источник воды, более
безопасный, но района он не знал, да и времени на это не отводилось. Из полка
привезли завтрак. Возле ПУСо кто-то бросил «уазик»... Решили сидя в нем поза-
втракать, но когда лейтенант проходил возле УАЗа, стрелка дозиметра поползла
вверх. От казалось бы хорошей идеи сразу отказались. Завтракали поодиночке
стоя, а другие не прекращали работу.

Не успели солдаты закончить завтрак, как к ПуСО лихо подкатил «уазик». На
зараженную землю твердо ступил генерал-майор. Он поинтересовался положе-
нием дел на ПуСо. Лейтенант четко отпарентовал.

– Держимся, товарищ генерал, но плохо с водой, неправильно расставлены
машины, слишком мало солдат обслуживают ПуСО.

– Приказываю ехать в г. Чернобыль, там на берегу реки Припять стоит по-
жарная машина и качает воду.

– Слушаюсь, товарищ генерал!

Загребельный немедленно выехал в район Чернобыля на поиски воды.
На берегу Припяти нашли пожарную и целую вереницу машин, ожидающих
очереди. Как выяснилось, пожарная машина заправляла машины своего пол-
ка в первую очередь, а им пришлось ждать целый час. Хотя все делали одно
дело, лейтенант нервничал, но быстрее не получалось. На ПуСО уже ждали
воду.

Следующий рейс за водой снова пришлось делать в г. Припять. Заправив

АРСы водой, экипаж вновь выехал в Чернобыль на поиски заправки, однако, они не увенчались успехом. Зато парни наткнулись на солдатскую столовую, где за деньги хорошо и вкусно отобедали.

«Уезжая из столовой, - пишет в дневнике лейтенант Загребельный, - я включил дозиметр. Штанга с датчиком находилась рядом с моими сапогами. Дозиметр показывал такой же фон, какой был на ПуСО. Я удивился, ведь ПуСО находилось непосредственно под атомной станцией, а г. Чернобыль на значительном удалении. Но когда я повел штангой дозиметра немного в сторону от себя, фон стал снижаться, подвел штангу к себе, фон начал повышаться. Теперь я убедился, что моя обувь, одежда издавали излучение больше, чем оно было в Чернобыле. На этот раз на ПуСО мы возвращались без воды».

У Загребельного оборвались тесемки на респираторе. Запасных, не было, а оставаться рядом со станцией без респиратора рискованно. На дозиметрический контроль остановился автобус с атомщиками. Стекла в автобусе были закрыты листами свинца. Только у водителя — небольшое окошко, через которое он видел дорогу. Так делали на многих автобусах атомщики, так делали на БТРах, даже вертолетчики клали листы свинца на пол вертолета. Таким образом, поднимающаяся с реактора радиация меньше облучала пилотов.

Лейтенант вошел в автобус и попросил пару респираторов. К офицеру со всех сидений потянулись руки атомщиков. Виктор Васильевич уносил из автобуса около трех десятков защитных средств.

Уже перед обедом на ПуСО появился другой генерал. Он походил, покрутил головой и в резкой форме произнес:

– Здесь стоять небезопасно. Нужно немедленно сниматься и передислоцироваться дальше от атомной по дороге на Чернобыль... Мыть только военную технику.

Лейтенант даже не успел отрапортовать. Начальник сел в машину и удалился.

Офицер удивился такой команде. Два часа назад он проезжал с водителем по той дороге и нигде не заметил оборудованного пункта санитарной обработки. Не могли же его за это время оборудовать. Но приказ есть приказ, и его необходимо выполнять, но как? Этого как раз Загребельный и не понимал. Только и сказал своим подчиненным:

– Продолжаем мыть всю технику, военную, гражданскую - всю.

«Была бы лишняя техника и солдаты, - размышлял офицер, - можно было бы в назначенном месте начать работу, а здесь постепенно сворачиваться. Но у меня нет ни одного лишнего солдата на этом пункте, более того их не хватает. Парни выдыхаются...». Но офицер, выполняя приказ генерала, снял с действующего пункта два АРСа, пять солдат и выехал в указанный район.

На самом деле в нескольких километрах от действующего пункта прямо в поле приступили к оборудованию ямы, отстойников. Экскаватор натужно выбирал ковшом песчаную землю. Принятое генералом решение было неверным. Пункт только начали оборудовать. Готовность составляла процентов десять. Загребельный молча стоял и раздумывал: «Как же поступить?» Подъехал командир полка. Офицер подробно доложил о сложившейся ситуации.

– Правильное, лейтенант, вы приняли решение. Нельзя сейчас передислоцироваться в заданный район. Надо продолжать работать на прежнем месте.

«Моя ошибка, - пишет Виктор Васильевич, в дневнике, - была в том, что я

не спросил у генерала его фамилии. Генеральские погоны меня чуть испугали. Мы решили подождать генерала на новом пункте. Надеялись, что он подъедет проконтролировать исполнение своего приказа. Я начал измерять фон. На дороге появилось пятно, раза в два превышающее допустимый фон, который был у нас там па пункте. Я принес командиру полка показания дозиметра. Он был очень раздражен и, дав мне понять, что я нашел пятно с радиоактивной грязью, приказал вымыть дорогу, а если не поможет, то передислоцироваться в сторону от того пятна. На мой вопрос, какую дозу облучения я должен поставить солдатам за сутки пребывания на ПуСО, командир полка ответил - 3,2 рентгена. Но предыдущая смена выставила - 4,2 рентгена. Однако спорить с ним в такой момент не имело смысла. И я поставил солдатам дозу облучения 4,2, а себе — 3,2, чтобы меня не могли ни в чем обвинить. Я заведомо наказывал себя на 1 рентген».

Привезли обед. Командир полка уехал. Лейтенант Загребельный обедать не стал. Настроение было препаршивое. Солдаты возвращались из короткой «командировки» на прежнее место и продолжали работать.

Вскоре на пункт подъехал тот же беспокойный генерал. По старой командной привычке он начал орать на всех. Загребельный пытался объяснить, что объект не готов к работе. Тот лишь глянул в их сторону, махнул рукой, не дослушав объяснение, и уехал.

День заканчивался. Прошедшие сутки были тяжелыми. Сдали смену, вернулись в полк, помылись, поужинали и легли спать. На следующий день рота выехала обрабатывать село.

Сергей УЛЬЯНОВ
п. Введенское
Кетовский МО

НАШ ЧЕРНОБЫЛЬ **воспоминания через призму четверти века...**

*Нам не забыть тот день,
Поросший чёрной былью,
Не вычеркнуть из памяти те дни...*

Весной 1987 года я уволился из депо Курган, где работал помощником машиниста электровоза в колонне № 2, а устроился газорезчиком в организацию «Вторчермет».

Сразу после увольнения, примерно через месяц, из почтового ящика я вынул первую повестку. Потом были ещё попытки военкомата таким путём вручить этот документ. И, сколько бы я ни игнорировал действия Советского РВК г. Кургана, всё же одна повестка нашла своего адресата.

Не помню точно, когда это было, кажется, в конце лета. Повестку мне вручил начальник цеха «Вторчермет» Высоцкий, сотрудники военкомата нашли меня на работе. Пришлось идти на медкомиссию, которую я прошёл успешно 23.07.1987 года. Годен. Началось ожидание, когда же меня призовут на ликвидацию аварии ЧАЭС. И это случилось в мой день рождения - 11 ноября 1987 года.

Всех нас направили на повторную медкомиссию в областной военкомат. После отпустили на несколько часов домой. На скорую руку отметил свой день

рождения, а примерно к 18-00 прибыл на мобилизационный пункт. Во дворе облвоенкомата нас построили, началась проверка. После объявили, что есть лишние люди по набору и кто не хочет ехать, пусть сделает шаг вперёд. Пока я раздумывал, выйти или нет, действие уже свершилось: я остался в строю.

К военкомату подошли два троллейбуса, и мы поехали на центральный вокзал. К поезду, следующему через станцию Каменск-Уральский, пришли жёны. Их было не так много, но моя жена Катерина была среди провожающих. Вглядываясь в её лицо через стекло вагона, я внимательно смотрел ей в глаза и хотел увидеть в них, понимает ли она суть происходящего. Тогда я этого не увидел. Может ни я, ни она сама не осознавали трагедию случившегося и уж, конечно, не знали, что будет дальше. Хотя я прекрасно понимал, какая опасность меня ждала. Кое-какие знания о воздействии радиации на человеческий организм у меня были, ведь я в своё время окончил «учебку» (в/ч 11570 г. Камышлов, Свердловской области осенью 1974 - весной 1975 г. по воинской специальности «химик-разведчик»).

Поезд тронулся... Прощай, Курган! В вагоне никто не пел, кто ехал рядом, все знакомились друг с другом. За четверть века из памяти стёрлись имена и фамилии тех, с кем по воле судьбы ехал я тогда на место аварии. Под стук колёс уносила нас судьба всё дальше и дальше от дома, где остались наши семьи, близкие, друзья, работа. На ст. Каменск-Уральский – пересадка, и мы уже едем до ст. Челябинск. Вот так прошёл мой очередной день рождения, а исполнился мне тогда 31 год...

Прошла ночь. Утром прибыли на центральный вокзал г. Челябинска, ожидали несколько часов и, наконец, – посадка в электричку. Там к нам присоединяются «партизаны» – челябинцы. Примерно к обеду прибыли на центральный вокзал г. Златоуста, построение и пешком в гору до места дальнейшей дислокации в/ч 29767. Место, где находилась наша часть (если несколько барakov можно было назвать частью), было расположено рядом с территорией хим. батальона. Это был бывший летний лагерь пионеров или спортсменов. После острыми умами «партизан» ему было придумано название. Не могу написать, как это произносилось, но не случайно в русском языке есть поговорка: «Не в бровь, а в глаз». Так вот «народное» название, а в данном случае «партизанское», – самое точное...

Построение, переключка. Офицеры зачитывают фамилии, кто куда направлен. Я попал в 1-ю роту, где нас позже начали готовить по воинской специальности «химик-дегазатор». Командир роты капитан Рыбалко – ликвидатор аварии ЧАЭС. Замполит, майор Хохлов – ликвидатор аварии ЧАЭС. Фамилии тех, кого я запомнил.

Нас направляют в первый барак. Производится выдача обмундирования с дальнейшей «подгонкой» его. Получив вещмешок, котелок, кружку, ложку, я готов вновь служить Отечеству. Перечисляю фамилии, имена тех, кто остался в памяти. Со мной служили Валерий Журавлёв (п. Варгаши), Александр Паршуков (г. Курган), ныне покойный Владимир Брагин (посёлок Лебяжье), Алексей Федотов (Лебяжье-Вский район), Вячеслав Дегусар (г. Курган), челябинцы Анатолий Чигинцев, Николай Евсиков. Вот и все фамилии, что остались в памяти.

Начали обживаться и знакомиться ближе друг с другом. В казарме было холодно, в некоторых местах в щель в полу проходил палец, батареи еле-еле грели. Когда ударили морозы ниже -30, стало совсем холодно. Спали в обуви, бушлатах и шапках. Надо было что-то делать с отоплением. В то время котлы топили солдаты срочной службы, которые жили рядом с нами. Увидев многих из них днём, можно было ужаснуться, какие они были грязные. Повар, который нам

готовил еду, был чернее котла. Дисциплина у них хромала на обе ноги, чем занимались товарищи командиры в этой части – не трудно догадаться. Про наших офицеров такого сказать не могу. Всё было в пределах Устава Воинской службы.

Так вот, мы предложили командованию части к отопительным котлам поставить наших ребят, тех, кто на гражданке занимался этой работой. Такие нашлись. После первого посещения кочегарки стало ясно, почему батареи не грели: разводка была сделана неправильно, и кочегары из солдат срочной службы, спали на котлах во время дежурства. Мы с Володей Брагиным были сварщиками и после ревизии отопительной системы предложили её переделать. Что и сделали первым же делом. Потом мы с ним занялись сварочными работами отопления в новой столовой.

Питались под открытым небом, только позже мы перешли в холодную казарму – столовую. Кормили ужасно, но голод не тётка, ели и эту баланду. Холоду в казармах скоро пришёл конец – система отопления начала работать. Кочегары, набранные из наших ребят, работали на совесть. В казарме вскоре мы покрыли пол ДСП. Началась работа и в ленинской комнате, были организованы занятия по подготовке личного состава по воинской специальности. Когда на улице было тепло, занимались тактико-технической подготовкой.

Нам же с Володей Брагиным, Валерием Журавлёвым и другими ребятами пришлось заниматься сварочными и слесарными работами в новой строящейся столовой. Так шли дни. Мы познакомились ближе с офицерами нашей роты. Расспрашивали их, чем они занимались во время службы на ЧАЭС. Они отвечали нам коротко и просто: «Приедете на станцию – всё узнаете сами». Оказалось, что майор Хохлов служил вместе с полковником Шаминым в Уральском полку в Чернобыле. Шамин был моим ротным в «учебке» во время прохождения срочной службы. И моё первое желание после рассказанного, конечно же, было попасть именно в Уральский полк и обязательно встретиться со своим командиром. Выяснилось, что старший брат Валерия Журавлёва, Виктор, вместе с майором Хохловым служил в Уральском полку, водителем. Через некоторое время после прибытия со службы домой Виктор умер. Валерий потерял старшего брата... В эти дни появились первые потери среди нас – ликвидаторов. Семьи теряли кормильцев, мужей, отцов, сыновей. Но тогда мы ещё не знали, что судьба готовила нам ещё много испытаний и потерь...

20 декабря. Общее построение. Нам зачитывают приказ о том, кто, куда и в какую часть распределён. Потом нас ждал ночной вокзал Златоуста. На перроне – все наши три роты и провожающие. Быстрое прощание с офицерами нашей роты без духового оркестра – всё делалось тихо. Посадка в пассажирский поезд, и мы следуем до столицы Украины – города-героя Киева.

Прибыли. Строем выдвигаемся на привокзальную площадь. Небольшое ожидание. Удивительно, но в памяти о том моменте почти ничего не осталось, даже не могу вспомнить всех красот Киевского вокзала – всё стёрто. Потом подошли автобусы «Икарус», и вот мы следуем до города Белая Церковь.

Таким же маршрутом прошли и пройдут ещё десятки тысяч ликвидаторов аварии ЧАЭС. И этот поток прекратится только в 1991 году. Шла страшная война по ликвидации катастрофы. А чиновники, приняв все бюрократические меры, не признают сейчас того, что мы принимали участие в боевых действиях, а всё из-за того, что за это надо платить деньги и предоставлять льготы. Мерило всего сейчас в нашем обществе – деньги, а не почёт, уважение, исполнение Законов и Конституционного права. Хотя в справке МСЭ, которую мне выдали гораздо позднее,

после получения инвалидности, написано: «Группа инвалидности: вторая. Причина инвалидности: увечье, получено при исполнении обязанностей военной службы, связано с аварией на ЧАЭС». Это всё нас ждало после ликвидации аварии: болезни, потеря друзей, унижения, суды, борьба с чиновничьим произволом...

А тогда нас ждал город Белая Церковь, где во время Великой Отечественной войны шли кровопролитные бои, где насмерть дрались и побеждали наши отцы и деды. Теперь и нам предстояло победить и доказать, что мы достойные их потомки.

Автобусы прибыли после обеда на территорию воинской части, где нас разместили на несколько часов. Проверка документов, перекличка, построение. Потом подошли крытые автомашины «Урал». Звучит команда: «По машинам!» И снова дорога, которая ведёт нас увидеть своими глазами, познать, испытать последствия аварии ЧАЭС. ...Несколько часов пути, и мы прибыли в пункт дислокации 25-й бригады в село Оранное Иванковского района Киевской области. Ждали долго, пока нас распределят по воинским частям. Снега не было. Влажный, пронизывающий насквозь ветер вселял в душу непонятную ещё тогда тревогу. Для укрытия от непогоды стояла одна палатка, печки там не было, но от ветра можно было укрыться. Потихоньку наша группа уменьшалась, представители («покупатели») выкрикивали фамилии и после уводили к себе в часть. Нас, последних шестерых, забрали последними после полуночи.

87-й банно-прачечный батальон располагался рядом с 25-й бригадой в трёхстах метрах напротив. С одной стороны – сосновый лес, с другой – болото. Мы прошли через КПП. Сопровождал нас ст. сержант из «хоззвода». Зашли в крайнюю палатку вместимостью сорок человек. На каркас из сосновых жердей был натянут брезент, слегка испачканный сажей, окон не было. Стояли две буржуйки – одна на входе, а другая – в конце палатки. По краям палатки стояли кровати в два яруса. Горела одна лампочка, но настроения она не прибавляла. Закопчённый потолок мрачно нависал над нами. Но было натоплено, и после долгого пребывания на холоде мы, наконец-то, оказались в тепле. Стали знакомиться с теми, кто находился в палатке. Это были несколько человек, приехавших недавно со второй смены с Припяти. Нам показали, где находится умывальник. Он тоже отапливался таким же способом, как и палатки, только ещё и с подогревом воды. На душе стало полегче, когда мы освежили себя водой и ощутили аромат душистого мыла.

После приятной процедуры мы зашли в палатку, старшина «обалдел» от нашего вида. Мы были все в одинаковых футболках белого цвета. На груди у нас красовалась эмблема, придуманная нами в Златоусте. Нарисовал её художник – оформитель Слава Дигусар, он остался на Урале завершать оформление ленинской комнаты. Мы переделали эмблему американских «зелёных беретов». Череп, на нём зелёный берет с кокардой на фоне распластанных крыльев. Кокарду мы заменили на знак «Осторожно: радиация», а на крыльях написали крупными буквами «ЧЕРНОБЫЛЬ». Глаза старшего сержанта заблестели, и он громко закричал: «Махнём! На два новых тельника!». Я согласился. Комплекции мы были одной – сделка произошла мгновенно. Так моя футболка поехала в качестве подарка племяннику старшины...

Отбой, короткий сон, подъём, туалетные процедуры и первый завтрак. То, что мы видели в нашей столовой в Златоусте и что увидели здесь, было как небо и земля. Отличалась пища по разнообразию продуктов и по качеству приготовления блюд, что немаловажно при работе в зонах с радиационной нагрузкой. После долгого принятия пищи всухомятку (а это были

солдатские сухие пайки) горячая и свежая еда пришлась нам по вкусу. После завтрака – утренний развод. Нас распределили по ротам, роты выезжали на работу по сменам, их было три. Работали без выходных в городе Припять, на территории бывшего хлебозавода. Там стояли передвижные прачечные комплексы «шхуны», где и проводилась дезактивация (стирка) заражённого обмундирования. Если выражаться точнее, это было нательное (зимнее) бельё. Рубашки, кальсоны, портянки, которые привозили со станции. После окончания работы на станции проводился, помыв личного состава, со сменой нижнего белья. Загрязнённое бельё старшины подразделений привозили к нам. Меняли на чистое бельё, прошедшее дезактивацию специальными растворами (вода, порошок СФ2-У, сода и белая глина), остальные компоненты я не помню. Контрольные замеры мной проводились при помощи бета-гаммарадиометра КРБГ-1, до и после стирки, и сушки белья. Для этого было определено специальное место, с самым маленьким уровнем радиации, на территории хлебозавода. Насколько помню, дезактивация снижала уровень радиоактивного загрязнения примерно в пять раз. На территории хлебозавода находился и объект «НАУКА». В одном из боксов бывшего гаража, была установлена стиральная машина, похожа она была на большую бетономешалку. Работали на ней наши ребята. На вечерней проверке зачитывались фамилии тех «счастливчиков», кто должен был работать на этом объекте, в зоне повышенной радиации. Всё отмечалось специальным приказом по части. С ними работал и я, проводя контрольные замеры, уровень радиации на объекте был более одного Р/ч. Проводилась дезактивация с повышенным загрязнением радионуклидами обмундирования, которое привозилось со станции. На «НАУКЕ» применялись новые составы дезактивирующих растворов, состав их и кем они разрабатывались, я не знаю. Точно помню одно, раз в неделю, на объект приезжали какие-то люди, старших офицерских чинов. Просили предоставить данные моих замеров, переписывали их с моей тетради, после чего уезжали.

Это всё произошло позже, а пока нас на станцию не направляли. Я ходил дежурным по штабу, мой земляк Александр Паршуков принял командирский УАЗ и возил комбата по фамилии Пасичка, призванного из запаса. Челябинцы Коля Евсиков ходил дежурным по КПП, Анатолий Чигинцев был назначен хлеботоргом в столовую, Александра – фамилию запомнил – назначили на должность санинструктора, в его обязанности входило выдавать витамины и вести учёт выехавших ликвидаторов на станцию, а также приглашать вовремя для забора крови медиков. Контроль проводился раз в две недели. Главной героиней и любимицей батальона была гусыня Галка. Она расхаживала по батальону, зорко следила за нарушителями дисциплины и спокойствия. Для неё было отведено специальное место и построена будка, а за кормление Галки отвечал дежурный по штабу. Был у Галки и гусак, но его до нашего приезда зарезали дембеля из Донбасса, зажарили на закуску перед отъездом – таким образом, приняв ещё одну небольшую дозу радиации.

С Галкой иногда проходили смешные курьёзы, вот один из них. Когда в батальоне кто-то из личного состава выражал громко свои эмоции, гусыня бежала в ту сторону, громко хлопая крыльями и щипала за ноги нарушителя спокойствия. Так произошло и в этот раз. Шёл утренний развод. После обращения комбата к личному составу слово взял начальник штаба. Народ его недолюбливал за скверный характер и пижонские выходки. Прозвище ему дали точное – «Окурочек» – из-за его издевательских выходок. После развода часто из его уст вылетала крыла-

тая фраза: «Операция «Окурок». Это значило одно: всем идти и собирать окурки, разбросанные недобросовестными курильщиками. Не любила его и Галка, а всё из-за того, что он любил пофорсить и покричать на подчинённых, прогуливаясь вдоль строя. Ничего серьёзного и умного в нравоучениях не было. Из строя иногда в его сторону летели шуточки, и он ещё больше раздражался. Так случилось и в этот раз. На крик начальника штаба вылетела гусыня и, изогнув шею, помчалась в его сторону. Со всего «разбега» она врезалась в кричавшего, чего он не ожидал, Галка наступала, щипала клювом его штаны, а он пытался увернуться от её ударов и отступал. Раздался дружный хохот и выкрики из строя: «Поделом ему! Галка, ату его, ату!» Начальник штаба быстро ретировался в сторону своей палатки. Вскоре он демобилизовался. Прибыл новый начальник штаба – большая противоположность предыдущему. Позже, когда меня назначили дозиметристом батальона, я проверил оперенье гусыни специальным прибором, улавливающим и измеряющим излучение бета-частиц. Индикатор загорелся красным цветом, это значило, что уровень загрязнения превышал норму.

31 декабря меня назначили дежурным по КПП, и после ужина я заступил в наряд. Новый 1988 год пришлось встретить один на один. После 12-ти часов кто-то из ребят принёс мне на КПП праздничное угощение. Поедая сладости и запивая пепси, я писал письмо домой. Утром меня сменили. Год старый сменил новый, а работа по ликвидации аварии на атомной станции не прекращалась ни на одну минуту. Колонны машин за колоннами везли людей на смену и со смены. Батальон располагался рядом с дорогой, и, когда какая-нибудь колонна двигалась в сторону станции или обратно, это было хорошо слышно. Движение не прекращалось круглосуточно.

Дорога на ЧАЭС

Колонна за колонной машины идут.
Дорога на ЧАЭС – у нас один маршрут.
Мы победить пришли беду сюда -
Дорога подвига, в бессмертие года.

Припев:

Дорога, дорога, дорога на ЧАЭС,
А рядом у дороги погибший Рыжий лес,
Дорога с Украины, она вела меня,
Дорога с Белоруссии, она вела тебя.
Одна дорога нас ждала тогда,
Работа день и ночь без отдыха и сна.
Дорога, что в конце пути?
ЧАЭС - и это Ад нам за грехи!
Поле боя идём, идём, идём,
Рота за ротой, полк за полком,
Бой будет долгим, годы пройдут,
Рота за ротой, в небо уйдут.

Припев:

Мы о себе не думали тогда,
Так Бог решил, и мы пришли сюда.
Дорога на ЧАЭС - отметина в судьбе,
Ты, Боже, нас прости, когда придём к тебе.
Ты, Боже, нас прости, когда придём к тебе.

В начале января выпал снег, прикрыв загрязнённую радиоактивными элементами землю, но радиационный фон не изменился. Пришло время и нам с Николаем Евсиковым увидеть станцию своими глазами. Вторая смена. Из части мы выехали примерно в 16-00. Крытый брезентом Урал выехал из части с поворотом налево и помчал нас на первую встречу с ЧАЭС. Названия полков, которые располагались вдоль дороги: «Белорусский», «Московский», «Одесский», были и отдельные батальоны: «Ремонтный», «Химический» и т.д. Все эти части находились в сосновом лесу, через который проходила дорога.

Доехали до пункта смены машин Лилёв, дальше следовать на чистой машине было запрещено. Пересаживаемся в автобус ПА3, въезжаем в тридцатикилометровую зону. По пути следования встречаются населённые пункты, где дома с зияющими чёрными проёмами вместо окон... Ушли люди, ушла жизнь, и всё поросло бурьяном. Эта картина разрухи наводила грусть. На душе было тоскливо от того, что я увидел. В разговоре с ребятами я не участвовал, смотрел в окно автобуса.

Когда подъезжали к станции, уже издалека увидели грандиозное сооружение над четвёртым энергоблоком, именуемое «Саркофаг». Наша дорога в г. Припять вела мимо станции. Вечерело, и от этого саркофаг казался ещё больше в размерах. Этакая громадина – бетон, обшитый листовым свинцом, казался каким-то инопланетным объектом. Мы смотрели молча, не задавая вопросов, всё было просто и ясно. В город заезжали со стороны «Рыжего леса». Почему он погиб – можно было только предполагать. Его валили бульдозерами и сгребали в бурты. Дальше шли бывшие дачи энергетиков, маленькие домики постепенно разрушались без присутствия человека.

Въезд в город Припять охранялся нарядом милиции. Короткая проверка документов, поднят заградительный шлагбаум. Вот мы и в городе. Хлебозавод находился на южной окраине, откуда мы и ехали.

Въезжаем в ворота предприятия, и автобус останавливается в центре бывшего хлебозавода. Возможно, некоторые моменты и детали пребывания в Припяти стёрты из памяти временем: не помню точного расположения «шхун», строений, какая была погода. Заводик окружал сосновый лес с двух сторон. Забора не было, его заменял кустарник, когда-то старательно выровненный людьми. Позднее, когда мне пришлось проводить контрольные замеры радиации на территории, он оказался более 2-х рентген/час (российское обозначение - Р/ч). Справа от выезда через ворота, на территории завода, зияла огромная яма под мусор. Я подошёл к ней с прибором бета-гаммарадиометром КРБГ-1 (с его помощью вёлся контроль уровня радиации). В тот момент он был настроен на обнаружение «бета» частиц загрязнения. Когда нас обучали работе с прибором в учебном подразделении, было интересно слушать треск в наушниках, вызываемый учебным источником радиационного излучения. А тут было всё на самом деле. Прибор был включён на диапазон (миллирентген) МР/ч. Я подошёл к яме – стрелка на шкале прибора зашкаливала, в наушниках треск увеличился. Прибор сигнализировал, что рядом находится источник большого радиационного загрязнения. Переключил в другой диапазон Р/ч. И что я увидел?! Боже, стрелка показала более 5 Р/ч! Испуга не было – только огромное любопытство. Вот он, этот миг познания!

...Всё это было позже, а пока в первую смену выезда в зону меня определили помощником машиниста передвижной дизельной установки. Она подогревала воду и подавала на «шхуны». Ночь прошла без приключений. С машинистом мы быстро нашли общий язык, он был с Украины. Рассказали друг другу о себе, по-

том он научил меня, как управлять установкой. Дежурили по очереди, меняясь через 2 часа. Ничего сложного в управлении не было, надо было просто запомнить порядок подачи воды, следя за процессом по показанию манометров.

Иногда я выходил на улицу подышать свежим воздухом. Было темно, только в небе ярко сияли звёзды. Глядя на них, я затягивался сигаретой и думал о том, что где-то за тысячи километров, кто-то у нас в Кургане так же смотрит на небо. С нежностью думал о жене, дочери и сыне, мысленно передавая им привет... Холодный ветерок быстро прогонял сон, и я снова возвращался выполнять свои обязанности. 12 часов пролетели, как один миг, наступило утро, приехала другая смена.

Снова посадка в автобус, едем назад.

Вот примерная карта нашего маршрута движения: Припять, ЧАЭС, Копачи, Лелёв (пересадка с загрязненного радионуклидами автобуса на чистую машину «Урал»). До Чернобыля от станции было примерно 18 км, мы объезжали город южнее, следуя на Черевач, помню, что переезжали речку Уж. Какие были населённые пункты дальше не помню, а что хорошо осталось в памяти – это пункт радиационного контроля Дитятки. Машина сбавляла скорость, и, если уровень загрязнения превышал установленный, раздавался звуковой сигнал и на светофоре загорался красный свет. Производилась дополнительная проверка при помощи радиометра ДП-5А (одного из самых надёжных приборов в то время). Если показания подтверждались, машина следовала на дезактивацию в пункт санитарной обработки (ПУСО). Нас высаживали в относительно безопасном месте, проводилась обработка машины дезактивирующими растворами, затем ожидание вторичного контроля. После дезактивации загрязнение уменьшалось, и мы продолжали движение к расположению части. Наконец, остановка возле пункта санитарной обработки под названием «Баня». Это была обыкновенная палатка для мытья военнослужащих в походных условиях. Комплекс состоял из помывочного отделения, водяного котла с парообразованием, парной, комнаты отдыха и раздевалки. Кто-то только мылся, любители попариться могли похлестать себя веником, потом снова душ и процедура окончена.

Переодеваемся в чистое нательное бельё и не спеша идём к своей палатке. Небольшой отдых, подшивка белого подворотничка и гигиенические процедуры закончены. Пришло время обеда. По тропинке между сосен, ведущей к столовой, идём обедать. Запах, идущий с кухни, рождает здоровый аппетит. Качество приготовления пищи и меню лично меня удовлетворяло всегда. Пообедав, выходим на улицу, и курящий люд тянется к курилке. От бессонной ночи и дороги, накапливается усталость, а вкусная сытная еда клонит к послеобеденному сну. Мы отдыхаем...

Снилось ли нам что-то тогда – не припомню, наверное, всё-таки снилось. Одно помню хорошо, как я сильно скучал по дому, семье, нашему заснеженному Зауралью. Хотелось домой, обнять жену, детей. Какая связь тогда была с домом нетрудно догадаться, это солдатская почта. Ближе к ужину приезжал наш почтальон (письма он получал в районном центре Иванков) и разносил по подразделениям. Часто ли они приходили? Приходили, конечно, но почему-то хотелось получать их каждый день. Перед ожиданием очередного письма я перечитывал все ранее полученные. Писали в основном мои родные: папа и мама, крёстный, сестра, дочка и жена. Сын Петруша был ещё мал, и в письмах Катерины и дочки Алёны в конце письма, как печать, шариковой ручкой была обведена маленькая кисть его руки. Слёзы наворачивались на глаза... «Домой, когда же домой?» – за-

давал я себе вопрос в те минуты. Время тогда для меня словно остановилось. Но шли дни, недели, приближая мою встречу с родными. А пока я читаю очередное письмо.

К вам весточка не скоро прилетит,
Из далёкого, дальнего края.
Украина, ЧАЭС - здесь находимся мы -
Незавидная служба такая.
Здесь горе с бедою сошлись на года
И атомным пеплом покрыта земля,
Идёт здесь война, но стрельба не слышна,
Лишь стронция пыль поражает меня.
Вот пишу со слезами письмо,
Так скучая по вам, дорогие!
А в округе кружит и кружит вороньё,
Мне пророча страдания отныне.
И сбылось – не исправить уже,
Та примета как доля лихая.
Так же кружит у нас вороньё,
Ничего в жизни той не меняя.
Что накаркал мне ворон тогда?
«Что ему?» - так и вторила стая?
Чёрной былью полынь, как воронье крыло,
Надо мною парит и кружит, нависая.

Пришло время ужина. Батальон был освещён по периметру палаток, свет от фонарей долетал и до тропинки, что вела в столовую. Обычно мы, уральцы, собирались вместе и шли на ужин. Было нас четверо, пятый – Анатолий, самый старший из нас, работал хлеборезом. Нарезал хлеб, масло, в его обязанности входила ещё и уборка столов.

Пужинав, мы оставались в столовой, чтобы помочь Анатолию в уборке. Столовая служила нам также кинозалом, каждый вечер там демонстрировались фильмы. Бывало и так, что наш «кинщик», не получивший нового фильма, показывал старый. Делать было нечего, мы смотрели фильм заново. Других культурных мероприятий не было, кроме нескольких концертов. Приезжали артисты эстрады из Киева. В подарок за их выступление, кроме наших горячих аплодисментов, выделялись и продукты с кухни. А чем ещё был богат банно-прачечный? Конечно, стиральными порошками. Вечерняя программа заканчивалась быстро. Потом проводилась общая батальонная вечерняя проверка. Командирами зачитывался приказ перечня работ на следующий день. Затем отбой. «Спокойной ночи, малыши!» – шутя мы говорили себе и шли в палатку.

Кровать моя стояла у самого входа. Преимущества в этом, конечно, не было никакого, как раз наоборот, спать у входа было холодно. Но я, как истинный уралец, не боялся украинских холодов (зимними морозами это никак не назвать) и терпеливо выносил неудобство, покрываясь несколькими одеялами.

Так проходили почти все ночи. После команды «Подъём» я выходил по пояс раздетый и, как ни в чём не бывало, обливал себя водой, бежавшей из скважины. Вентиль на трубе никогда не перекрывался, и вода из шланга текла прямо в болото, которое было рядом с частью. Это взбадривало и закаляло. За всё время

пребывания на украинской земле я ни разу не заболел.

Вот так монотонно, без каких-либо происшествий и солдатских подвигов, проходили дни и ночи. Правда, об одном случае я вам расскажу. Он произошёл со мной, когда приказом по части я был назначен на должность старшего дозиметриста батальона.

По своим обязанностям я должен был вести радиационный контроль на территории части, действуя по утверждённой командованием схеме. Все измерения заносились ежедневно в дозиметрический журнал. Начинать со столовой, потом с жилых палаток, где размещались различные подразделения части, бани, хозяйственные постройки и заканчивал КПП. В первый же день я решил провести проверку спальных принадлежностей подразделений. Это одеяла, подушки, матрасы – основные накопители пыли (естественно, радиоактивной). Хотя личный состав занимался их выбиванием, этого было недостаточно, что и показала контрольная проверка. От кровати к кровати, с нарядом, находившимся в палатке, я подходил со специальным прибором для проверки. Название его не помню, мы просто называли его «утюгом» – он сильно походил на этот бытовой прибор. На верхней панели прибора находились две квадратные лампы зелёного и красного цветов. Если уровень радиационного загрязнения не превышал норму, загоралась зелёная лампа, как только уровень превышал допустимый, загоралась красная. Проверив всё постельное, я сильно расстроился от полученных результатов. Примерно 80% матрасов, одеял и подушек «горели красным цветом». В то время с нами в палатках находились и ликвидаторы, отдыхающие после смены. Когда я подходил с проверкой к какой-либо из кроватей, хозяин мне говорил: «Проверяй на совесть, тут я сплю». Каждого волновала его безопасность. Результаты были видны сразу, прибор сигнализировал повышенную загрязнённость постельных принадлежностей радионуклидами. Лампа горела красным. В мой адрес посыпались вопросы, что будет дальше с ними. Получая дозу на станции, они ещё и на отдыхе получали определённую дозу облучения. Находясь на территории части, ликвидатор, не выезжающий на станцию или в город Припять, получал 0. И возможность уехать домой по набранной дозе откладывалась на долгое время, т.е. на шесть месяцев. На самом деле получалось так, что и без выезда в зону мы получали малые дозы облучения, а это не учитывалось в послужной карточке.

Я написал рапорт на имя командира части и главного радиолога сектора по итогам проверки.

Народ подступал ко мне с вопросами. И мне пришлось уговаривать полковника Морозова провести лекцию о последствиях воздействия радиации на человеческий организм. Вопросы были разными, но преобладал один – вернуться ли они домой мужчинами. Ответ полковника был прост: «Тот, кто сюда приехал мужчиной, им и останется. Кто же им не был, не надейтесь, радиация не поможет». Смешно? Да нет. Но тогда мы были молоды, в полном расцвете сил и не думали о последствиях. Ликвидаторы часто оставляли записи, везде, где их только можно было оставить, хотели «увековечить» свои мысли. Приведу один пример, что остался в моей памяти: «Спасибо партии родной за мирный атом, теперь я буду спать с женой, как с ридным братом (от шахтёров Донбасса)». Вот такой солдатский юмор.

Ожидая реакции на мой рапорт высшего начальства, я думал о том, какая будет реакция этого начальства? Будут ли приняты меры по устранению последствий? А пока руководство решало, как поступить, я принял свои меры

по улучшению быта ликвидаторов части. Обратился к командиру, чтобы мне выделили списанные простыни для косметической отделки потолков в палатках. Благоустройство начал со своей палатки в качестве примера. Получив простыни, проверив их на загрязнённость радионуклидами и убедившись, что опасности нет, мы с ребятами начали прибивать их гвоздями к прожилкам потолка. Дело продвигалось быстро, и мы сразу увидели итог своей работы. Закопченный сажей потолок исчез, став совершенно белым. В палатке стало светло и уютно. К нам стали заходить любопытные из других подразделений. Весть разнеслась мгновенно по части. Командование в лице замполита поблагодарило меня за идею и проделанную работу. Вскоре после этих событий к нам приехал зам. по тылу Киевского Краснознамённого Военного Округа с разбирательством, по моему рапорту. Показал ему готовые расчёты итогов проверки, провёл и показательную проверку на месте. Всё подтвердилось. Ворча и ругая меня, майор уехал в Киев. На следующий день он возвратился, но уже с новыми матрасами, одеялами и подушками, а ещё и с полиэтиленовой плёнкой, которую я выпросил дополнительно.

Все постельные принадлежности были заменены. Майор приказал вытащить кровать перед палаткой. Построил личный состав, который смог собрать, и демонстративно начал нас обучать, как надо правильно заправлять матрас одеялом. Находчивые ребята популярно его «послали», на что он не обиделся, махнул рукой и быстро пошёл в сторону штаба, ворча себе что-то под нос. Взрывного он был характера, но отходчивый. Я догнал его у штаба, извинился за ребят, объясняя ему, что мы не салаги и нас не надо было тыкать носом. Поблагодарил его, что он так быстро отреагировал на мой рапорт, что без его участия ничего бы не сдвинулось. Он быстро успокоился, обнял меня, сказав на прощание с достоинством: «Живите, ребята», чуть не уронив слезу. Вот такой был впечатлительный зам. по тылу.

Я пошёл обратно, улыбаясь и вдыхая воздух полной грудью. День был, как по заказу: яркое солнце и голубое небо добавляли хорошего настроения. Сжимая кулаки, говорил про себя: «Получилось, получилось!!!» Зайдя в первую палатку, где находился привезённый майором рулон полиэтилена, сказал ребятам, чтобы они порезали его на куски, по длине кровати, и разнесли в другие подразделения. Ликвидаторы часто лежали на кроватях в форме, на ней-то они и переносили радиоактивную пыль и загрязняли то место, где сидели или лежали. А новые одеяла, матрасы мы специально покрыли полиэтиленом, ведь пыль с плёнки легко смывалась водой. Простая мера безопасности, но эффективная. За проявленную бдительность и выполнение должностных обязанностей мои земляки и товарищи по службе организовали праздничный ужин. В нашей столовой была пожарена картошка с украинским салом, был добыт самогон, и всё это было съедено и выпито в нашей баньке под дружные крики «Ура!» Выпивали ли мы? Не буду обманывать, иногда выпивали.

23 февраля 1988 года мне вручили нагрудный знак «ККВО. За ликвидацию последствий аварии. ЧАЭС». Советской Армии исполнилось тогда 70 лет. 15 марта на утреннем разводе был зачитан приказ о моей и Александра Паршукова демобилизации.

Попрощавшись с ребятами, мы сфотографировались на память и после обеда автобус повёз нас в Иванков. Оттуда – в Киев. Время летело вместе с километрами пути, приближая нас всё ближе и ближе к дому. О чём я думал тогда? В моей голове была только одна мысль: слава Богу – всё закончилось, слава

Богу - всё закончилось. Не знал я тогда, счастливый и здоровый, что ничего не кончилось, а только начинается. Впереди меня ждали болезни и бессонные ночи, инвалидность, произвол чиновников, борьба за свои права в судах. Не знал я тогда, что это будет мой крест на всю оставшуюся жизнь...

Вот и столица вильной Украины Киев. Берём такси и по Крещатику мчимся по адресу, указанному моими друзьями, оставшимися в части. Нас дружелюбно встречают гостеприимные хозяева, ужин мы уплетаем за обе щёки, успев отвыкнуть от домашней кухни за четыре с половиной месяца. Не обошлось и без 100 граммов спиртного, а если точнее – выпили мы больше. Встали рано утром, попили чайку. Виктор, у кого мы были в гостях, уже подогнал машину к подъезду. С ним мы едем в аэропорт «Бориспіль». Прямого рейса до Кургана не было, и мы берём билеты по воинскому требованию в кассе аэропорта до Тюмени, с пересадкой в Москве... Взлёт, посадка в аэропорту Домодедово. Автобусом добираемся до аэропорта Внуково, ожидание четыре часа и авиалайнер Ту-154 доставляет нас в Тюмень. Был где-то час ночи, автобусы до Кургана не ходили в это время. Ждать до утра не хотелось: домой, только домой. Сердце радостно стучало: скоро, скоро будем дома! Таксисты нас атакуют, настойчиво предлагая свои услуги. Договариваемся по устраивающей нас цене. Чуть больше двухсот километров в ночи – и мы будем дома. Около трёх часов езды по заснеженным просторам Тюменской области, Зауралья – и мы оказываемся в родном городе. Здравствуй, Курган!!! До дома Александра ехать было ближе, чем до моего, поэтому таксист подвёз нас к его дому. Стучим в дверь – радостная встреча с объятиями и поцелуями. Жена быстро накрывает на стол, пьём горькую за встречу, потом разговоры, разговоры. Незаметно проходит время. Вот уже и рассвет.

Подъехал брат Саши на автобусе КАВЗ, мы прощаемся, и я еду уже в сторону своего дома. Город жил своими утренними заботами, и до моих переживаний никому не было никакого дела. Внимательно вглядываюсь в силуэты домов, я вспоминал почему-то моё возвращение в ноябре 1976 года из армии. Вот примерно такие же чувства я испытывал и сейчас, в апреле 1988 года. Минуты встречи с домашними всё ближе и ближе. Дом наш находился возле совхоза «Тепличный» у комбината «Синтез». Мы подъезжаем. Благодарю водителя и жму ему руку. Подъезд, первый этаж, второй, третий – вот и дверь моей квартиры. Звоню. Из-за двери доносится голос жены:

– Кто там?

– Я, Катя, я!

Распахивается дверь. Ура–а–а! Я дома! Прошу Катю дать мне мешок, снимаю всё с себя и складываю в него, потом выношу всё это «добро» на помойку...

Николай АЛЕКСЕЕВ

г. Курган

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ПОЖАРНЫМ – ГЕРОЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ!

В 1968 году, после окончания средней школы, я поступил в Свердловское пожарно-техническое училище МВД СССР. Мне посчастливилось встретиться и учиться с замечательными людьми, одним из которых был Телятников Леонид Петрович, тогда еще Лева. Добрый, скромный, честный, дисциплинированный. Был хорошим другом для служивших вместе с ним. Эти качества настоящего Че-

ловека он и подтвердил в своей дальнейшей деятельности.

На курсе было два дивизиона: 3-ий и 5-ый. Так, согласно организационно-штатного расписания, они назывались. Меня зачислили в 23 группу (в СА взвод), его в 24-ую 3 дивизиона. Были они размещены по отдельным казармам. Спали мы на двухъярусных кроватях. Все как в армии.

Постоянно пересекались с ним на хозяйственных работах, физподготовке, торжественных мероприятиях (принятие присяги, концерты праздничные, которые сами курсанты организовывали, смотры строевой песни, отдых училищем в выходные дни на озере Шарташ, со сдачей норм ГТО...), подготовках к парадам и иных мероприятиях.

«Опожаривали» нас по полной программе. На первом курсе проходили стажировку в должности пожарного в учебной пожарной части (УПЧ) при училище, которую направляли на большинство вызовов в городе, да и на сложные пожары в области. На втором курсе практиковались как командиры отделений в военизированных пожарных частях города Свердловска, а на третьем уже в роли начальников караулов в гарнизонах других областей.

Говорят: теория без практики мертва! Но и практика без теории успешной также быть не может! Нас все эти годы учили по дисциплинам, знания которых пригодились в дальнейшем по жизни, в службе: организация профилактической работы, пожарная профилактика в электроустановках, теплофизика, специальная химия, пожарная тактика, водоснабжение, пожарно-техническое вооружение, пожарно-строевая подготовка. Кроме дисциплин, погружающих нас в профессию, занимались по высшей математике, истории, а также строевой подготовкой, постигали устав Советской Армии, военную топографию, ночную тактику, огневую подготовку, стреляя из пистолета Макарова (ПМ) и автомата Калашникова (АКМ). За каждым курсантом были закреплены АКМ, общевойсковой и кислородно-изолирующий противогазы.

Отцы-командиры (командир дивизиона Поляков Александр Сергеевич, замполит Пустовалов Игорь Киреевич), преподавательский состав достойно подготовили нас к самостоятельной жизни и службе. Торжественное прощание со знаменем училища, вручение дипломов состоялось на центральном стадионе города Свердловска в июле 1971 года.

Нас распределили, в основном, по республикам и областям, направившим на обучение. Пути-дороги с Телятниковым у нас разошлись. Я был распределен в распоряжение УВД Курганского облисполкома и назначен на должность инспектора областного пожарного отдела.

Через год поступил на заочное обучение факультета №3 ВШ МВД СССР (в настоящее время Академия государственной противопожарной службы МЧС России). Обучаясь там, встретил Колпакова Михаила, друга Телятникова Левы по училищу. Они несколько позже поступили, но только на очное обучение. Самого же его не встречал и не знал о его дальнейшей службе после получения высшего образования.

О Телятникове Леониде Петровиче, как о Гагарине Юрии Алексеевиче, весь мир узнал после 26 апреля 1986 года. Говорили, что он находился в очередном отпуске. Но, узнав об аварии, с последующим пожаром на 4-ом энергоблоке Чернобыльской АЭС, незамедлительно прибыл туда и возглавил тушение пожара.

Какие могли быть последствия, если бы не героические действия пожарных, трудно спрогнозировать. Большинство специалистов в области атомной энерге-

тики, да и вообще мирного атома, единодушны в том, что они сохранили планету Земля и спасли человечество, проживающее на ней!

Впереди пожарных шли их начальники караулов и главный командир на тот момент-Телятников Леонид Петрович. Он был начальником военизированной пожарной части (ВПЧ), в зону ответственности которой входила и охрана АЭС. Так я узнал, что после получения высшего образования его распределили сюда, назначив на очень ответственную должность. И оказанное ему доверие он с честью оправдал!

За подвиг, который они совершили, ряд сотрудников пожарной охраны были удостоены высокого звания-Герой Советского Союза! Среди них был и Телятников Леонид Петрович.

Впоследствии он служил на разных должностях. Насколько мне известно службу завершил в должности начальника Киевского филиала ВНИИПО МВД СССР, в звании генерал-майора внутренней службы.

После этой резонансной аварии в мире я, будучи начальником тогда ОПО № 71 ГУПО МВД СССР, предложил проводить ежегодно 26 апреля соревнования по пожарно-прикладному спорту, посвященные светлой памяти пожарных-героев Чернобыля. Предложение мое поддержали все. Первые соревнования провели в 1987 году, первыми в стране!

На них планировал пригласить Леонида Петровича. Позвонил предварительно Колпакову Михаилу. Тот ответил, что он не сможет прибыть, т.к. проходит курс лечения. Кроме того отметил, что график его поездок уже расписан намного вперед. В 1991 году Телятников Л.П. сумел все-таки выделить несколько дней и приезжал на встречу выпускников, по случаю 20-летия со дня окончания альма-матер. Но я, к величайшему сожалению, тогда не смог быть с ними вместе.

Ежегодно мы вносили новые штрихи в проведение соревнований. Разрабатывали Положение на лучший эскиз переходящего кубка. Победила работа караула первой части под руководством Фролова Юрия Викторовича. Потом они реализовали задуманное на эскизе своими силами, выполнив, как и предлагали из мрамора и чеканки по меди. На нем показано, что пожарные укрощают атом, вышедший из-под контроля. Кубок стал переходящим. Ежегодно делается гравировка, указывающая год и команду-победительницу. Это уже история!

СУ ФПС № 71 МЧС России осталось единственным учреждением в России, проводящим аналогичные соревнования. В 2025 году они состоялись в 38 раз! Не проводили только один год из-за КОВИД.

Память о людях, отдавших свои жизни, ради спасения человечества, в пожарно-спасательном гарнизоне Кургана жива и передается из поколения в поколение пожарных.

Бывая в Москве, неоднократно посещал Митинское кладбище, где похоронены герои, возлагал цветы на могилки, отдавая тем самым им признание за то, что они совершили в свое время.

Думаю, что память о пожарных, всех ликвидаторах аварии на ЧАЭС, будет жить века в сердцах благодарных потомков!

Вера ПЕСТЕРЕВА
Шадринский МО
с. Канаши

ТЕ, КТО ШАГНУЛ ВПЕРЁД

*Подвиг совершается не тогда, когда о нём думают,
а тогда, когда по-другому уже нельзя.*

Для меня есть события в жизни нашей страны, о которых невозможно ни говорить, ни писать, ни передавать память о них из поколения в поколение. Они не укладываются в рамки нескольких абзацев, не приемлют сухого пересказа и не отпускают даже спустя десятилетия. Эти события живут в людях, в их взглядах, в недосказанности. Чернобыль для меня именно такой. И хотя я не держала в руках дозиметр, не видела опустошенных улиц, сердце мое не сжималось от ужасающего страха той тишины, но я ясно понимаю, что Чернобыль не только дата и не только катастрофа. Это человеческая память, растянутая на годы и судьбы. Весна 1986 года начиналась как самая обычная. Земля постепенно просыпалась, набирала силу, радовалась яркому и щедрому солнцу. Распускались почки, зеленела трава, в деревнях открывали окна настежь, впуская тёплый воздух. Природа не знала, что человек снова допустил страшную ошибку, цена которой слишком велика. Ведь она не умеет бояться будущего. Это умеем только мы.

Тихим апрельским утром он вышел из дома, стараясь не разбудить семью, жену и маленького трехлетнего сына. Ему было двадцать восемь. Возраст, когда жизнь только начинает обретать устойчивость: есть работа, семья, планы простые и настоящие.

Узнал обо всём не сразу. Сначала появились тревожные разговоры вполголоса, настороженные взгляды, непривычная суета на работе. Потом – короткое распоряжение, без объяснений и подробностей! Сказали: Чернобыль. Название тогда ещё не пугало. Оно звучало просто – как точка на карте, как обычное географическое название. Никто не знал, что совсем скоро оно станет символом беды, о которой будут говорить шёпотом и с осторожностью.

Он был одним из многих. В те дни профессии словно стерлись, осталась только необходимость быть там, где тяжело и опасно. Для него важно было только одно: человек должен отвечать за дело, которое поручено!

Собирались молча. Жена аккуратно складывала вещи, получалось медленно, как будто она старалась этим выиграть хоть немного времени. Мать всё поправляла воротник куртки, отец долго стоял у окна, курил, потом сказал негромко:

– Береги себя! В этих словах было больше тревоги, чем в долгих разговорах.

Когда они прибыли на место, первое, что поразило, – тишина. Не та, что бывает в лесу или ранним утром, а другая – напряжённая, выжидающая. Дома стояли целые, окна смотрели в мир равнодушно, на верёвках висело бельё, во дворах лежали детские игрушки. Всё говорило о том, что люди ушли поспешно, не успев попрощаться со своей жизнью.

Работали много. Работали быстро. Не потому, что спешили, а потому, что иначе было нельзя. Он делал своё: тянул временные линии, засыпал заражённую землю, поднимался туда, где воздух был опасен, а время измерялось не часами, а дозами. После смены руки пахли металлом и пылью, а во рту оставался стран-

ный, непривычный привкус, который невозможно было забыть.

Говорили мало. Иногда шутили – грубо, просто, неловко. Так шутят люди, когда страшно. Никто не говорил о подвиге. Там вообще не было места громким словам. Было дело, которое нужно выполнить, и было понимание, что за промедление заплатят другие.

По вечерам он писал письма. Короткие. Спокойные. Жив. Работаем. Всё нормально. Он не писал о том, как устаёшь так, что не хочется говорить. Не писал о щёлкающем счётчике в кармане. Он берег семью от правды, как умел.

Таких, как он, были тысячи. Совсем молодые и уже немолодые. Городские и деревенские. Те, кто ещё вчера строил планы, и те, кто просто хотел спокойно жить. Их не объединяло ничего, кроме одного – в нужный момент они шагнули вперёд.

Возвращение домой не стало праздником. Сначала казалось, что всё позади. Потом пришло другое понимание. Усталость, которая не проходила. Болезни, которые появлялись неожиданно. Очереди, справки, долгие разговоры в кабинетах. И жизнь, которую приходилось выстраивать заново –осторожно, медленно, прислушиваясь к себе.

Он учился жить иначе. Беречь силы. Радоваться простым вещам. Смотреть, как растёт ребёнок. Иногда сын спрашивал:

– Ты там был?

Он отвечал коротко:

– Был.

– Папа, а ты герой?

Он отводил глаза и отвечал:

– Нет, я просто работал.

Без пояснений. Без подробностей. Потому что некоторые вещи невозможно объяснить словами. Чернобыль изменил нашу страну. Он изменил отношение к безопасности, к ответственности, к цене человеческой жизни. Он оставил след в земле, в судьбах, в памяти. Память эта тяжёлая, но необходимая. Потому что за каждым сухим словом «ликвидатор» стоит человек: со своей судьбой, со своей семьей, со своей болью. Для меня образ ликвидатора не уместится в одну фотографию или короткую подпись. Это целый пласт человеческих судеб, объединённых одной задачей–остановить распространение опасности. Среди них были пожарные, первые, кто вступил в горящий реактор; работники станции, принявшие решения в условиях хаоса; военные и тысячи специалистов, переброшенных из разных городов, чтобы строить защитные сооружения, вывозить радиоактивные материалы, дезактивировать дома и технику, медики, строители и простые добровольцы. Многие шли, не зная, насколько серьёзно подвергают свою жизнь риску. Многие не просили наград. И всё это складывается в один собирательный образ – человека, для которого долг и сострадание стояли выше страха. Чернобыль показал главное, сколько в нашей стране людей, готовых закрыть собой беду.

Я думаю об этом часто. О тех, чьи имена не звучат громко. О тех, кто не считал себя героем. О тех, кто просто сделал шаг вперёд, потому, что иначе не умел. В своем эссе, посвященному 40 – летию катастрофы на Чернобыльской АЭС, я хочу перечислить своих односельчан, каждый из которых совершил ПОДВИГ! Это Важенин Сергей Артемьевич, Зенков Владимир Семенович, Зайков Алексей Петрович, Лаптев Федор Павлович, Зотеев Николай Александрович, Бурдин Владимир Владимирович...

Их подвиг часто оставался невидимым для общества, потому что послед-

ствия шли медленно, потому что многие болезни проявлялись годами, потому что официальная информация была ограниченной. Однако этот подвиг измеряется не только физической храбростью. Он измеряется готовностью принять на себя ответственность, даже если неясно, что будет завтра.

Заканчивая, я хочу сказать несколько слов нашему молодому поколению: в жизни всегда есть выбор. Выбор между удобством и обязанностью, между равнодушием и ответственностью. На нас с вами лежит долг помнить тех, кто отдал силы и здоровье в той ужасной катастрофе и последующих годах. Но ещё более важный долг - брать пример того лучшего, что у них было: готовность действовать, забота о ближнем, уважение к жизни и ответственность за будущее. Пусть память о Чернобыле служит не только скорбью, но и источником силы — чтобы подобные трагедии были для нас уроком, а не повторением.

Пусть образ каждого из участников той катастрофы остаётся у нас в сердцах как напоминание: человек способен на великое, когда рядом — совесть и готовность помочь. И если в будущем перед вами встанет сложный выбор, вспомните этих людей. Их невидимый подвиг — это свет, который может указывать путь даже через самые мрачные времена.

Валентина АСТАФЬЕВА

г. Курган

ЧЕРНОБЫЛЬ. ЭХО НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ

«В православии «40» – число сакральное. На сороковой день душа человека покидает Землю – место своего временного обитания», – такая мысль внезапно пришла мне в голову, когда я стала обдумывать, на что обратить внимание, рассказывая о трагических событиях сорокалетней давности. Я никак не могла начать писать о них. Оказалось, что я – обычный гражданин России, не так уж много знаю о ядерной катастрофе, известной всему миру под названием «Чернобыль», которое ассоциируется у меня со словосочетанием «Чёрная быль».

Действительно, быль. Но чёрная, принёсшая смерть огромному числу людей на нашей планете. Причём смерть невидимую, не имеющую ни цвета, ни запаха, а потому более страшную. Как воевать с врагом, которого не видишь?! Как объявлять ему войну?!

Сегодня, сорок лет спустя, эхо этой необъявленной войны по имени «Чернобыль» слышно во всех уголках нашей необъятной России, в Белоруссии, в Украине. Оно откликается во всей Европе. Чудовищные последствия заражения радиацией огромных территорий, принесшей гибель всему живому, на столетия вперёд исключило их из жизнедеятельности человека.

Целых сорок лет понадобилось нашей стране, чтобы суметь осознать происшедшее, понять причины, попытаться найти виновных и, главное – постараться залечить раны, нанесённые Земле и живущим на ней людям!

Сорок лет, это много или мало? Достаточно много с человеческой точки зрения. Это, примерно, половина жизни среднестатистического человека. А вот с точки зрения истории Земли – меньше миллисекунды. Но этот миг стал поворотным в жизни человечества, которое и сегодня, поняв причины беспрецедентной Чернобыльской катастрофы, пытается обуздать «мирный», но, по сути, очень грозный атом.

Авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года явилась крупнейшей техногенной и гуманитарной катастрофой XX века. В ней сфокусировались черты политического, экономического, социального и экологического состояния СССР. Авария выявила всё то негативное, что может нести современная техника и технология при неумелом руководстве и использовании достижений научно-технического прогресса. В результате аварии на ЧАЭС во внешнюю среду поступило 50 млн. Ки различных радионуклидов (в 2,5 раза больше, чем при аварии на ПО «Маяк» в 1957 г.).

В связи со сложной метеорологической обстановкой после аварии существенно загрязненными оказались обширные территории Украины (37.63 тыс. кв. км), Белоруссии (43.50 тыс. кв. км), Европейской части России (59.30 тыс. кв. км). Траектории загрязненных воздушных масс пересекли территории Латвии, Эстонии, Литвы, Польши и стран Скандинавии, на юге - Молдавии, Румынии, Болгарии, Греции, Турции. Загрязнению подверглись территории Австрии, Германии, Италии, Великобритании и ряда других стран Западной Европы.

Данные об этом содержатся в докладе «Чернобыльская катастрофа. Итоги и проблемы преодоления ее последствий в России. 1986-1999» (стр. 7). Год из-

дания: 1999. Подготовлен по поручению МЧС России в ИБРАЭ РАН под руководством С.В. Хетагурова.

Согласно официальным оценкам трех стран (Республики Беларусь, России, Украины), от чернобыльской катастрофы так или иначе пострадали более 9 млн. человек. В РСФСР радиоактивному загрязнению подверглись 16 областей и одна республика, население составило около 3 млн. человек, проживающих более чем в 12 тыс. населенных пунктов. Мировое общественное мнение справедливо оценило катастрофу на Чернобыльской АЭС как результат многолетнего антигуманного отношения к человеку и природе.

В сфере использования ядерной энергии царила атмосфера секретности. Тревожные сигналы об авариях на Ленинградской АЭС в 1975 г., на 2-м блоке Чернобыльской АЭС в 1982 г. замалчивались. Несмотря на то, что было известно о несовершенстве реакторов типа РБМК (реактор большой мощности канальный), организаторы отечественной науки не сумели принять адекватные меры по обеспечению безопасной эксплуатации промышленных реакторов этого типа или их замене.

На эти цели потребовались бы огромные бюджетные средства. Но, к сожалению, специалистам, владеющим научными критериями оценки радиационного риска, не удалось убедить органы власти рассматривать этот вопрос при планировании государственного бюджета, который в те годы утверждался на пять лет.

Следует сказать о том, что государство систематически экономило на безопасности атомной энергетики. Система дозиметрического контроля находилась в запущенном состоянии. Защитные средства были далеки от совершенства, изготавливались минимальными партиями. Возникали чрезвычайные радиационные ситуации, но население не информировалось о существующей и возможной опасности для здоровья и жизни.

Для ликвидации последствий аварии в Чернобыле военнообязанных в запасе призвали на военные сборы через военкоматы. Гражданские лица были командированы на ЧАЭС предприятиями и организациями, но никто их не информировал о вреде здоровью и степени риска для жизни, что было нарушением их прав.

В период с 1986 по 1990 г. к работам в зоне ЧАЭС (строительство объекта «Укрытие», пуск 1, 2 и 3-го энергоблоков, дезактивация промплощадки ЧАЭС, захоронение радиоактивных материалов и оборудования объектов и др.) было привлечено свыше 600 тыс. граждан СССР, в том числе 250 тыс. человек из России. Масштабы катастрофы могли стать неизмеримо большими, если бы не мужество и самоотверженные действия участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. В народе их называли ликвидаторами.

Первые шаги по ликвидации разрушений на IV энергоблоке Чернобыльской АЭС не носили черты какой-либо системности и были продиктованы необходимостью скорейшего спасения жизни людей и локализации источников радиоактивного облучения. Организация спасательных работ по эвакуации жителей, оказанию первой медицинской помощи, дезактивации участков носила характер оперативных действий в условиях чрезвычайной ситуации, что было оправдано в первые месяцы после аварии на ЧАЭС. Однако с течением времени возможности тогда ещё сильного централизованного государства позволили в короткий срок сконцентрировать и направить на ликвидацию аварии необходимые силы и ресурсы. Были задействованы химические и инженерные войска, войска гражданской обороны, специальные боевые и транспортные машины, оборудование, обмундирование и другие ресурсы Министерства обороны страны.

К решению проблем ликвидации очагов и последствий аварии на ЧАЭС привлекались лучшие отечественные научно-исследовательские коллективы, мощные ресурсы военно-промышленного комплекса (ВПК), гражданских министерств и ведомств. Ликвидация последствий чернобыльской катастрофы потребовала беспрецедентных для мирного времени сил и средств.

Однако несогласованность действий различных министерств и ведомств, оказывавших помощь в реабилитации загрязненных в результате аварии на ЧАЭС территорий и социальной защите проживающего на них населения, и слабая из-за этого результативность принимаемых решений, необеспеченность их ресурсами привели к объективной необходимости формирования на государственном уровне целостной системы реабилитационных мероприятий.

Продолжительное замалчивание информации о масштабах аварии на Чернобыльской АЭС или её искажение, а также отсутствие объективной оценки последствий этой катастрофы для населения и окружающей среды, явилось одной из причин спекуляций на трагедии – с одной стороны, и недооценки значения уроков чернобыльской катастрофы – с другой. В результате этого, государством принимались неадекватные меры в отношении ликвидаторов последствий катастрофы и пострадавшего от радиации населения, а также окружающей среды.

В секретном документе «Распоряжение Третьего главного управления Министерства здравоохранения СССР от 27 июня 1986 года «Об усилении режима секретности при выполнении работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС» были даны указания: «4. Засекретить сведения об аварии. 8. Засекретить сведения о результатах лечения. 9. Засекретить сведения о степени радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС».

В «Разъяснении центральной военно-врачебной комиссии МО СССР» от 8 июля 1987 года, № 205, разосланном военным комиссариатам, говорилось:

1. К числу отдаленных последствий, обусловленных воздействием ионизирующего облучения и находящихся в причинно-следственной связи с ним, следует считать: лейкоemia или лейкоз через 5-10 лет после облучения в дозах, превышающих 50 рад.

2. Наличие острых соматических расстройств, а также признаков обострения хронических заболеваний у лиц, привлекавшихся к ликвидации последствий аварии и не имеющих ОЛБ (ОЛБ - острая лучевая болезнь), не должно ставиться в причинную связь с воздействием ионизирующего облучения.

3. При составлении свидетельств о болезни на лиц, ранее привлекаемых к работам на ЧАЭС и не перенесшим ОЛБ, в пункте 10 не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую степени ЛБ.

Участники чернобыльских событий первыми ощутили на себе не только пагубное влияние радиации, но и несправедливое отношение государства и общества к их медицинским и социальным проблемам. Это привело к тому, что вначале стихийно, а затем организовано по всей стране стали создаваться общественные объединения граждан, подвергшихся воздействию радиации. Основу составляли ликвидаторы в городах (Харькове, Свердловске, Чернобыле и Киеве, Чебоксарах, Ростове, Новосибирске, Барнауле и Владимире, Осетии, Эстонии, Кабардино-Балкарии и других областях), готовые бороться за свои права.

В 1989 году в Харькове и в Москве прошли собрания участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и членов семей, потерявших кормильца вследствие катастрофы. Были объявлены цели и задачи общественности,

суть которых сводилась к борьбе за социальные права пострадавших, за признание связи заболеваний и смерти с радиоактивным облучением и работами в зоне ЧАЭС, за гласность и информированность граждан страны о реальных масштабах и последствиях аварии. В тот период чернобыльская общественность использовала данные не только центральных средств массовой информации, но и сведения, полученные от очевидцев событий, что вселяло надежду и уверенность в правильности принятых решений по объединению людей для своей защиты.

26 апреля 1989 года в Москве в Музее Гражданской обороны СССР состоялась учредительная конференция Союза «Чернобыль» - Всесоюзного добровольного самоуправляемого общественного движения. В ней приняли участие члены семей погибших в результате аварии на ЧАЭС, ликвидаторы из Москвы, Киева и городов Московской области, а также представители Фонда социальных изобретений СССР.

Конференция поручила Исполкому подготовить и утвердить в Фонде социальных изобретений СССР Устав Союза «Чернобыль». 27 июня 1989 года на бюро Исполкома поручение конференции было выполнено. В Уставе были выделены два основных направления работы Союза:

1. Не допустить повторения чернобыльской трагедии. Эта опасность оставалась реальной до тех пор, пока не будет дана полноценная гражданско-правовая оценка катастрофы, пока в обществе не произойдет нравственное осмысление чернобыльской катастрофы. Задачами Союза стало создание сообщества людей, обеспокоенных экологическими, социальными, медицинскими, политическими и другими последствиями аварий на объектах ядерной индустрии; организация независимых экологических экспертиз проектирующихся, строящихся и действующих атомных объектов; проведение общественных инспекций на действующих объектах, влияющих на экологическую обстановку; достижение полной гласности и информированности населения страны о чернобыльской аварии и ее последствиях, а также о других авариях на ядерных объектах; воспитание у населения объективного отношения к развитию атомной энергетики.

2. Защитить интересы людей, испытавших и испытывающих на себе последствия аварии на ЧАЭС и других ядерных объектах, бороться с бюрократическим отношением к их проблемам, формировать правильное общественное мнение о героях-ликвидаторах, воплощая девиз «Никто не забыт, ничто не забыто». Увековечивать память погибших ликвидаторов и ежегодно 26 апреля проводить Международный день памяти Чернобыля.

В преддверии сорокалетия катастрофы на Чернобыльской АЭС нужно вспомнить и курганских ликвидаторов, внёсших огромный вклад в борьбу с невидимым врагом. 05 мая 1991 года в отделе юстиции Курганского облисполкома зарегистрирован устав Курганского областного добровольного общества «Союз Чернобыль» под председательством одного из двенадцати его учредителей, кто принял участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, Сергея Ивановича Мишкарёва.

За тридцать пять лет деятельности организации председателями поочерёдно избирались иные члены Союза, но история, как известно, движется по спирали. В настоящее время С.И. Мишкарёв снова избран председателем Курганского «Союза Чернобыль» и ведёт большую работу по освещению героического подвига курганских ликвидаторов, делая всё возможное для сохранения памяти о тех, кто защитил собою будущие поколения, отдав не только здоровье, но и жизнь.

Организация активно работает. Она помогает оставшимся в живых ликвидаторам в решении их проблем, связанных со здоровьем и получением льгот, а также членам семей, погибших или умерших вследствие облучения, в получении положенных по закону пенсий. Создан сайт, где освещается работа Союза, даются разъяснения законов и нормативных актов, касающихся чернобыльцев, даются юридические консультации по сложным вопросам. Информация размещается в интернете на разных платформах: Одноклассники, ВКонтакте, Телеграмм.

Активистами Союза создан уникальный музей экспонатов, архивных документов и фотографий, раскрывающих подробности героического труда ликвидаторов. На одной из стен музея висят большие портреты Героев Советского Союза: Кибенок Виктор Николаевич и Правик Владимир Павлович (оба награждены посмертно), Телятников Леонид Петрович, который ушёл из жизни в 2004 году. Они были первыми, кто сражались с невидимым врагом, а потом получили такое высокое звание. Всего среди ликвидаторов шесть Героев Советского Союза.

В музее постоянно проводятся экскурсии для разных слоёв населения Кургана и Курганской области. Среди экскурсантов – учителя, школьники, студенты колледжей, представители общественных организаций и правоохранительных органов.

Сергей Иванович и другие члены Союза проводят встречи в учебных заведениях, рассказывая о героях – ликвидаторах и о самой Чернобыльской катастрофе. Во многих образовательных учреждениях Курганской области проводятся уроки мужества и классные часы о подвиге чернобыльцев. Курганский «Союз Чернобыль» предложил учителям русского языка и литературы провести в школах области конкурс на лучшее сочинение по теме: «Что я знаю о Чернобыле», «Мой дедушка – ликвидатор», посвященные сорокалетию чернобыльской аварии.

На посетителей музея особенное впечатление производит показ документального фильма «Битва за Чернобыль», рассказывающего о мужестве и самоотверженности наших земляков, вставших перед лицом опасности ради спасения тысяч жизней. Экспозиция Курганского Союза «Чернобыль» уникальна тем, что позволяет посетителям окунуться в атмосферу тех трагических событий, вспомнить подвиг зауральцев, отправившихся туда по первому зову Родины, спасти мир от катастрофы планетарного масштаба.

«Союз Чернобыль» взаимодействует с разными организациями по вопросам патриотического воспитания подрастающего поколения. В том числе, заключено соглашение с Курганской областной писательской организацией. Общественные организации решили объединить усилия при подготовке и проведении мероприятий, посвященных сороковой годовщине Чернобыльской катастрофы.

Основные цели этого соглашения: обратить внимание общественности на тяжёлые последствия аварии для жизни и здоровья людей; помочь оставшимся в живых курганским ликвидаторам в реализации их законных прав; увековечить память погибших во время и после ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

В целях реализации этого соглашения был объявлен открытый литературный конкурс на лучшее освещение указанной темы: «Последняя битва Советского Союза», посвящённый сорокалетию катастрофы на Чернобыльской АЭС. Задача конкурса – сохранить память о необъявленной войне, которая длилась более четырёх с половиной лет, это больше, чем Великая Отечественная война.

Конкурс призван собрать лучшие произведения прозы и поэзии, отражающих героизм советских людей, мужество жителей Курганской области и других регионов, бросивших вызов ядерной угрозе. Конкурс был открыт для всех жела-

ющих, и главная его цель – сохранить память о событиях, воспитывать молодое поколение в духе патриотизма и гордости за нашу страну, свой народ, создать достойные произведения искусства, способствующие сохранению памяти поколений. Писателям предстояла сложная задача – передать словами глубину человеческих переживаний и величие поступков героев-спасателей. Их произведения стали частью культурного наследия, хранящего историческую правду о великом событии – битве советского народа против угрозы техногенных катастроф.

Грозное эхо Чернобыля отзывается болью в наших сердцах и сегодня, сорок лет спустя после этого страшного события. Человечеству нужно выучить жестокий урок истории и навсегда распрощаться с ядерными катастрофами, чтобы потомки ныне живущих на Земле могли продолжить свой род: растить детей, нянчить внуков и правнуков.

Закончить статью хочется той же фразой, с которой она начата: «В православии «40» – число сакральное». Давайте же сегодня, в день печальной (сорокалетней) годовщины «Чернобыля», вспомним всех ликвидаторов, совершивших высший подвиг во имя жизни! Помянем их, отдавших свою единственную, драгоценную жизнь ради жизни нашей, наших детей и внуков! Царство небесное и вечная память героям! А после поднимем тост за здоровье героев, живущих среди нас – тех ликвидаторов, кто волею провидения остался жив. Дай Бог им многие лета! Главное сейчас – помнить, сколькими жизнями пришлось заплатить за ошибки прошлого, чтобы катастрофа, подобная «Чернобылю», не повторилась больше никогда!!

Виталий НОХРИН
г. Курган

ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ?

Как быстро бежит время... Кажется, ещё недавно нам было по двадцать, тридцать лет, и вот уже перевалило за пятьдесят, а многие из моих знакомых отмечают более уважаемые юбилеи. Нам не остановить ход жизни, и, как ни печально, мы все уйдём в мир иной, но есть возможность сохранить память о событиях прошлых лет, людях, участвовавших в исторических событиях. Знание истории даёт возможность заглянуть в прошлое благодаря документам, рассказам очевидцев и киносъёмкам.. Авария, нет, скорее трагедия на Чернобыльской АЭС со всеми вытекающими последствиями...

Много сказано добрых слов и вручено заслуженных наград ликвидаторам этой страшной катастрофы мирового масштаба. Они победили в этой войне ценой жизни и здоровья. Спустя десятилетия полученная доза радиации делает свое страшное дело, сокращая жизнь тех, кто, не задумываясь, по первому зову встал на защиту Родины и жизни людей.

Можно много написать о героизме ликвидаторов, самопожертвовании и мужестве, об этом пишут стихи и песни, снимают фильмы. Много документов еще хранится под грифом «секретно», придет время, и мы узнаем обстоятельства новых подвигов, научных и технических решений в этих тяжелейших условиях.

В городах и районах областей нашей страны ветераны-чернобыльцы хранят память о событиях тех дней. На общественных началах, отдавая свободное время, вкладывая в эту деятельность душу и сердце, они собирают бесценный

материал. С фотографий тех лет на нас смотрят молодые люди в масках и без масок, в военной форме и средствах химзащиты. В руках держат лопаты, дозиметры или другие инструменты и приборы для работ по ликвидации последствий аварии.

В музеях, организованных чернобыльцами-общественниками, хранятся грамоты и благодарности, газеты с публикациями о тех днях, удостоверения, пропуска, путевые листы. Собран большой литературный материал, писатели нашей страны пишут о Чернобыльской аварии, тем самым внося большой вклад в сохранение истории Отечества. Фотографии живых и ушедших от нас ликвидаторов занимают в музеях почетное и достойное место. Списки ликвидаторов и книги памяти — это отдельная огромная работа.

Ни один человек не должен быть забыт. Сегодня на общественных организациях «чернобыльцев» лежит большая ответственность, надо сохранить накопленный материал, организовать работу с подрастающим поколением в школах и других учебных учреждениях.

Школьники должны знать о тех страшных событиях, и никто не сможет рассказать и ответить на вопросы лучше, чем участники ликвидации аварии. Такая работа проводится и в штабе-музее Курганского РООИ «Союз Чернобыль». В музей приезжают делегации других общественных организаций, школьники и просто люди, желающие глубже знать эту тему. Участники ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС — это на сегодняшний день люди в уважаемом и очень уважаемом возрасте, и, к сожалению, не все могут вести активную общественную работу в силу возраста и состояния здоровья.

Ветеранские общественные организации занимают важное место в жизни города и региона, они сохраняют историческую память о тех или иных событиях, людях, войнах. У всех ветеранских организаций страны есть будущее. Ветераны-пограничники были и будут, пока существует пограничная служба страны. Одно поколение ветеранов будет сменять другое, храня боевую историю пограничных войск на разных этапах истории Отечества. Количество ветеранов боевых действий в нашей стране только увеличивается, и в дальнейшем, судя по международной обстановке, ветеранов с этим статусом меньше не станет. Отечество надо защищать всегда и везде, часто путем вооруженных конфликтов и безвозвратных потерь. Уходят «афганцы», их место займут «чеченцы» и ветераны других войн и конфликтов, потом придут и уже приходят ветераны СВО. Ветераны прокуратуры и правоохранительных органов также всегда были и будут. Есть ветеранские организации в стране, будущая деятельность и существование которых вызывают беспокойство. Что будет дальше? Когда уйдут все «чернобыльцы», кто будет хранить историю о Чернобыльской катастрофе? Кто будет заниматься музеями, проводить экскурсии, встречи в школах? Этот вопрос беспокоит не только меня; не раз эта тема была затронута в разговорах с «чернобыльцами» и активистами-общественниками региона. Даже общество любителей кошек и собак будет всегда, а кто возьмёт на себя работу по сохранению памяти о героях и трагедии, произошедшей 26 апреля 1986 года?

В ликвидации последствий трагедии на Чернобыльской АЭС были задействованы более полумиллиона военных. Значит, если следовать логике, то это сфера деятельности РВМО. Но это был не вооруженный конфликт и не боевые действия в их обычном понимании, а война с невидимым, но не менее опасным врагом, уносящим человеческие жизни во время аварии и десятилетия спустя. Я уверен, что память о тех событиях ещё долго будет сохраняться писателями,

режиссерами и равнодушными общественными деятелями, но нужна помощь и поддержка на высоком уровне от государственных деятелей страны, которую «чернобыльцы» спасли ценой жизни и здоровья.

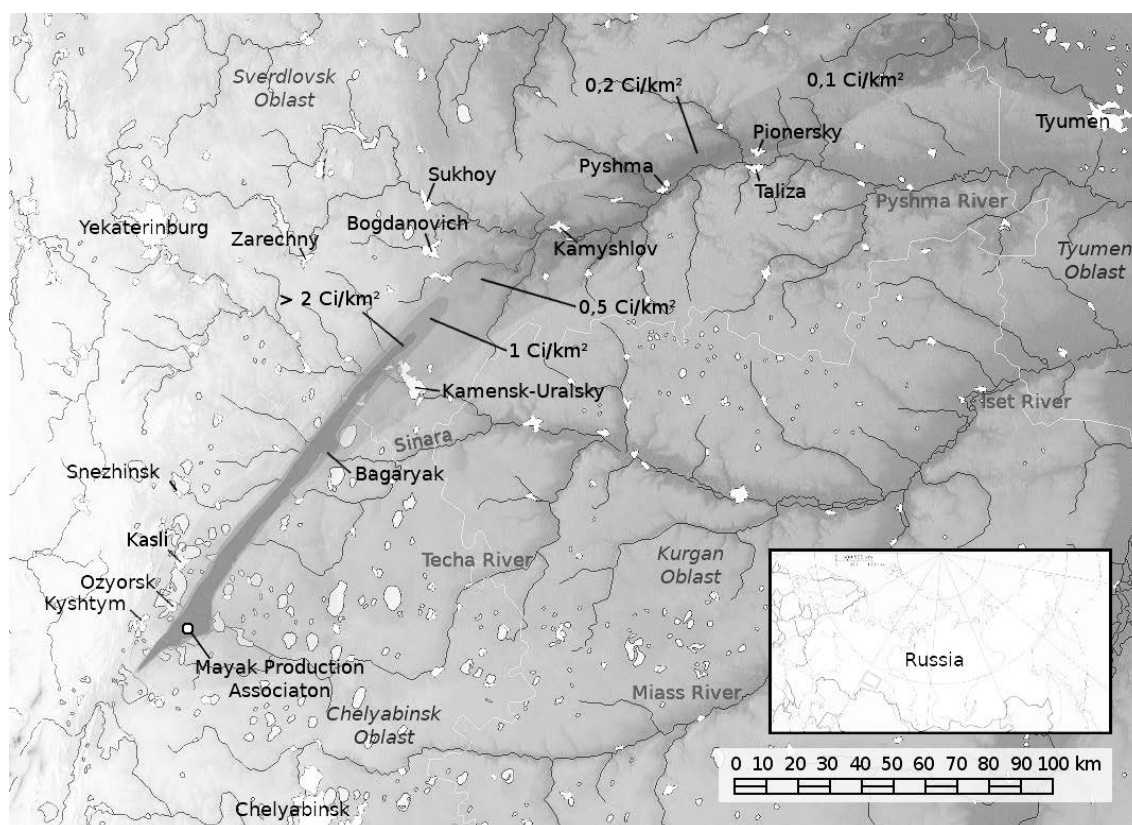
Так кто же продолжит хранить память о ликвидаторах аварии на Чернобыльской АЭС лет через сорок? Кто будет хранить собранный ветеранами-«чернобыльцами» бесценный информационный материал, экспонаты, книги и документы? У нас ещё есть время, но задуматься о будущем организации ветеранов - «чернобыльцев» - необходимо сегодня. Желаю здоровья, долголетия и жизненной активности нашим ликвидаторам. Внимание к этой теме должно быть постоянным, а не проявляться только в юбилейные даты трагедии. В парке Победы в Кургане есть мемориал, посвящённый памяти ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. По сложившейся традиции в этом месте 26 апреля соберутся ветераны, будут вспоминать свою молодость, чернобыльскую радиацию, друзей, которые ещё живы, и тех, кого уже нет. С каждым годом этих мужественных людей, показавших всему миру силу и волю советского характера, становится всё меньше. Уходят ветераны Великой Отечественной войны, в Курганской области их остаётся менее тридцати человек. Когда не останется ни одного ветерана Великой Отечественной войны, память о них не пропадёт, она будет жить в народе, книгах, фильмах, музеях, мероприятиях, памятниках и мемориалах. На таком же уровне и с таким же энтузиазмом надо хранить память о подвиге ликвидаторов, иначе постепенно события тех лет будут предаваться забвению, как многие важные события в военной истории Отечества. Многие ли представители подрастающего поколения знают о событиях Отечественной войны 1812 года, русско-турецких, гражданской и Первой мировой войнах? Для того, чтобы история Чернобыльской аварии сохранялась, надо приложить большие усилия в регионах и на государственном уровне. Мой вопрос, поставленный в заголовке очерка, остаётся без ответа, надеюсь, пока без ответа, но этой проблемой надо заниматься здесь и сейчас, а не ждать, когда от нас уйдёт последний ликвидатор. Конечно, общественники Кургана не остаются в стороне и помогают ветеранам - «чернобыльцам» - сохранять память о тех днях.

Изучая материалы про аварию на Чернобыльской АЭС и о том, как проводилась ликвидация катастрофы, не перестаю удивляться масштабам трагедии. Если хотите знать больше о причинах и последствиях аварии, советую прослушать кассеты, которые записал перед смертью один из главных, а возможно, и самый главный герой тех событий — академик Легасов Валерий Алексеевич. Заслуженную звезду Героя России он получил уже посмертно. Записи можно найти в сети интернет в свободном доступе. Остаётся ещё много вопросов, связанных с этой страшной катастрофой, но подвиг, отвага, мужество и самопожертвование ликвидаторов не поддаются сомнению. Мы обязаны помнить всех поименно и передать эту память будущим поколениям

Николай ПОКИДЫШЕВ
г. Курган

БЕДА ПРИХОДИТ БЕЗ СПРОСА

В апреле исполнится сорок лет со дня катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции. О ней написаны книги, сняты фильмы. В один клик можно

Восточно-Уральский радиоактивный след

найти массу информации в интернет-ресурсах. Масштабы катастрофы и её последствий потрясают. Поныне она остаётся незаживающей раной не только для бывших жителей города, участников ликвидации аварии и народов стран, на которые распространилось загрязнение.

Но, наверное, немногие помнят сейчас о её предшественнице: Кыштымской аварии 1957 года.

«Кыштымская авария (или Кыштымская катастрофа[3][4][5], или Радиационная авария на ПО «Маяк» 1957 г.[6]) — одна из первых в СССР[7][8] радиационная чрезвычайная ситуация техногенного характера (взрывной выброс радиоактивных веществ), произошедшая 29 сентября 1957 года на химкомбинате «Маяк» в закрытом городе Челябинск-40 (ныне Озёрск).

Взрыв стал следствием нарушения режима охлаждения ёмкости хранения радиоактивных отходов[9]. Авария относится к тяжёлой, по современной международной классификации радиационных инцидентов и аварий МАГАТЭ соответствует 6-му уровню из 7 возможных, с последствиями, повлёкшими необходимость применения мер радиационной защиты населения в локальном масштабе[6]. Уступает лишь авариям на ЧАЭС и Фукусима-1, произошедшим значительно позднее[10].» — так начинается статья об этом событии в Википедии.

Главное отличие этой аварии: о ней знали только специалисты. Даже название места не соответствует действительному: режим секретности не позволял упоминать закрытый город в печати. Ближайшим к нему был город Кыштым. Поэтому авария стала называться Кыштымской.

Это сегодня мы имеем возможность открыть Интернет, найти и прочитать информацию по интересующей нас теме. Вопрос её достоверности каждый ре-

шает для себя по-своему.

Во второй половине пятидесятих прошлого века «закрытыми» были не только некоторые города, но и названия отдельных заводов, связанных с выпуском оборонной продукции. Мы с детства на вопрос «где работает папа?» привычно отвечали: «На «почтовом ящике четыре» или «на тридцать третьем»... Листок по учёту кадров того времени был порой до четырёх и более страниц нынешнего формата А4.

И, конечно, никто не знал, что всего в ста пяти километрах по прямой от нашего Каменска-Уральского есть химкомбинат № 817, впоследствии получивший название «Маяк», который стал первым в СССР предприятием по получению атомного взрывчатого вещества – плутония-239.

Никто не знал, что с 1949 года в открытые водоёмы производились плановые и аварийные сбросы средне- и малоактивных технологических жидких радиоактивных отходов производства. А в 1949-1951 годах сбросы производились в реку Теча, значительно её радиоактивно загрязнив.

По информации из Википедии: «... к 1950 году на берегах реки располагался 41 населённый пункт с общим числом жителей около 23 500 человек. Основной деятельностью в них было сельское хозяйство, источником водоснабжения для питьевых и хозяйственно-бытовых нужд в них являлась река Теча...

... за период с 1949 по 1956 годы в экосистему реки Течи попало порядка 76 млн м³ сточных радиоактивных вод (среднеактивных), общей активностью по бета-излучению 2,75 МКи[11][6].»

Но вернёмся к самому взрыву.

Высокорадиоактивный раствор в банку № 14, ставшую причиной трагедии, залили в апреле 1957 года. На момент взрыва активность содержащихся в ней отходов достигала 20 миллионов кюри. Это в два с половиной раза меньше, чем выброс во время катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Что именно заставило отходы сдетонировать, до сих пор неизвестно.

В 16:22 прогремел взрыв. Он был такой мощности, что круглую бетонную крышку хранилища весом 160 тонн сорвало и отбросило в сторону на 25 метров, а бетонные перекрытия, отделявшие ёмкость банки от соседних каньонов, сдвинуло на метр. На месте взрыва образовалась воронка диаметром 20 метров и глубиной до 10 метров. Металлическую банку, в которой были отходы, разорвало на мелкие кусочки и раскидало на 150 метров от эпицентра взрыва.

Над образовавшейся воронкой в воздух поднялось багрово-оранжевое облако. Высота «гриба» превышала километр. 90% содержащихся в нём радиоактивных веществ сразу же выпали на территории химкомбината. Остальные 2 миллиона кюри рассеялись в северо-восточном направлении на территории Челябинской, Свердловской, Тюменской и местами Курганской областей.

В зоне Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС) оказались 23 тысячи квадратных километров земель с 217 населёнными пунктами, в которых проживали 270 тысяч человек. Озёрск, как и Челябинск, от радиоактивного заражения спасла роза ветров. На загрязнённой территории спустя десять лет образовали заповедник, большую часть которого на сегодня запрещено использовать.

Багровый столб дыма озарял небо ещё несколько дней после аварии. Видно его было в Челябинске: в восьмидесяти с лишним километрах от Озёрска. В выпуске от 6 октября 1957 года газета «Челябинский рабочий» назвала это полярным сиянием, описав его как «интенсивное красное, временами переходящее в слабо-розовое и светло-голубое свечение», которое «вначале охватывало зна-

чительную часть юго-западной и северо-восточной поверхности небосклона».

Как рассказывали очевидцы старшего поколения, в Каменске-Уральском это свечение тоже было видно. Радиоактивный след, тянувшийся от Кыштыма на Багаряк, Каменск-Уральский, Камышлов и далее, своим восточным краем частично захватил город. Вначале подумали о происшествии на одном из заводов. Но так как сообщений об авариях не поступало, согласились с версией об атмосферном явлении.

Хотя по каким-то каналам неясные сведения о возможной опасности просачивались. Народная память цепкая. Особенно в такое время. В тесноте кухонь и комнат коммуналок, сказанное полушёпотом, долетало до детских ушей, и, пусть ещё не осознанное, оседало накрепко. Один запомнил, как родители тогда решили ничего из продуктов не покупать на рынке; кто-то о том, что его нужно отвезти поскорее к старшей сестре-учительнице в Ново-Кочердык Курганской области. Другой впервые услышал непонятное слово «ликвидаторы», и что они почему-то не хотят отдавать свои грязные халаты, фуфайки и сапоги после работы. У третьего отец говорил, что его начальник хотел уехать из города и увезти семью «подалее от беды», но «ему приказали оставаться на месте и не сеять панику»... Ничего страшного в таких словах для детей не было. Спустя тридцать лет они поймут: почему родители говорили полушёпотом, и что означали случайно услышанные обрывки фраз.

Когда после взрыва началось отселение из опасных зон, участники ликвидации не имели права рассказывать об истинных причинах. В соответствии с полученными инструкциями ссылались на «разработку уранового месторождения». Люди не понимали: ведь внешне всё выглядело благополучно. Почему же нужно покидать родной дом, расставаться с местом, где жили из поколения в поколение, забивать скотину? Как же вот так-то, за здорово живёшь, отказаться от речки-полицы и коровушки-кормилицы? Опасность казалась далёкой. Именно поэтому, несмотря на запреты, жители загрязнённых территорий спокойно продолжали собирать урожай, ловить рыбу, пить заражённое молоко. Они знали, что надо укрываться, что не надо выходить на улицу. Но кормить скотину надо. И люди получали больше дозы радиации.

По рассказам местных жителей, в водоёмах вблизи химкомбината погибла вся рыба – после взрыва она всплыла кверху брюхом.

И вот личные воспоминания.

В пятнадцати километрах от Каменска-Уральского есть озеро Большой Сунгуль. Из описания озера в Википедии: «...в озере водятся карп, карась, голянь, сырок, на берегах гнездится водоплавающая птица. Исключительно популярно среди рыболовов. Начиная с 1950 года различными организациями (Институт рыбного хозяйства, Свердловская рыбстанция, арендаторы и рыбозаготовители) периодически производилось зарыбление озера мальками карпа, пеляди и рипуса.

...По данным государственного водного реестра России относится к Иртышскому бассейновому округу, речной бассейн – Иртыш, речной подбассейн – Тобол. Водохозяйственный участок реки – Исеть от г. Екатеринбург до впадения р. Теча...»

Вот на это озеро со своими друзьями ездил мой родной дядя Михаил Степанович. Самой желанной рыбой был зеркальный карп с его крупной блестящей чешуёй. Хорошо помню как однажды, в начале шестидесятых, вернувшись с рыбалки, дядя рассказывал мне:

– Знаешь, в последнее время как-то интересно получается. Разуешься, брюки закатаешь, зайдёшь с удочкой в воду, рыбачишь. А на берег выйдешь, посмотришь на ноги, а они будто в длинных чёрных носках. Как раз такой длины, куда вода доходила. Дно вроде чистое, никакого ила, запачкаться не мог. А ноги тёмные. Походишь по берегу немного – темнота с кожи проходит. Чуть подольше походи – и кожа опять обычного цвета. Поговорили с мужиками между собой. Решили: раз местные рыбачат как и раньше, значит всё хорошо. Наверное, просто сама вода в озере чем-то из-под дна подпитывается. Вон даже на рыбу посмотри, какие-то радужные разводы на чешуе появились. А сваришь или пожаришь – вкус такой же.

Пришёл он тогда к нам с частью улова, поделиться. Но мама, услышав рассказ младшего брата и увидев рыбу, категорически отказалась брать её. Брат обиделся:

– Аня, да ты что? Ну, немного другого цвета, так ведь свежая же!

– Нет, Миша! Не возьму! Выброси её и не езди туда больше. Просто так кожа от чистой воды не может темнеть. Даже после радоновых ванн кожа не темнеет. Это я, как медик, говорю.

Не знаю, послушался ли дядя совета сестры, но на рыбалку, как помню, продолжал ездить.

Прошло десять лет с лишним. Дядя стал жаловаться на лёгкие, Диагноз поставили «туберкулёз». От него и лечили, но улучшение не приходило. Оказался рак лёгких. 28 декабря 1980 года ушёл из жизни. В конце девяностых, почти одновременно, не стало его младшей дочери Ирины, дяди и жены Зинаиды, а в апреле 2021 – старшей дочери Людмилы. С тем же диагнозом: онкология.

В своей статье в журнале «Уральский следопыт» (выпуск 05.2025) «У каждой своя глубина и химия» Евгения Тамплоня пишет об озере Большой Сунгуль и расположенных около него деревнях: «...Но была здесь ещё одна деревня – Четыркино. Её судьба оказалось печальной. По деревне в 1957 году после Кыштым-

ской аварии прошёл радиоактивный след. Её жители в срочном порядке были отселены, а все постройки уничтожены...» Об этом же практически дословно размещена информация на сайте «uralstalker.com drive2.ru».

А «руни.рф» в разделе «Загрязнение рыбы» пишет: «...рыба, вылавливаемая в части озёр и водоёмов, подвергшихся радиоактивному загрязнению, содержала повышенное количество радионуклидов...»

Безусловно, принимались необходимые первоначальные меры по ликвидации последствий произошедшего:

- «...образование санитарно-защитной зоны на наиболее загрязнённой части радиоактивного следа, где всякая хозяйственная деятельность была запрещена.» (nashural.ru)

- «...уничтожение населённых пунктов в зоне заражения: дома давили бульдозерами вместе со всем имуществом, скот забивали и сжигали.» (ria.ru)

- «...выемка и захоронение 300 000 м³ верхнего слоя грунта.» (dzen.ru)

- «...в 1968 году на месте санитарно-защитной зоны образовали Восточно-Уральский государственный заповедник.» (nashural.ru) и т.д.

Однако остались и долгосрочные последствия Кыштымской аварии для окружающей среды. Вот некоторые из них:

- «...радиоактивное загрязнение привело к тому, что значительные площади земли стали непригодными для сельского хозяйства, что повлекло за собой сокращение продовольственной базы региона.» (dzen.ru)

- «...гибель части травянистых растений и влияние на некоторые виды теплокровных и холоднокровных животных, в том числе на почвенные организмы.» (ruwiki.ru)

- «...пожелтение крон сосен в наиболее заражённых участках и разрежение крон берёз. К осени 1959 года полностью отмерли сосны при плотности заражения от 6,3–7,4 МБк/м² и выше по стронцию-90.» (ruwiki.ru)

- «...формирование Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРС). Эта территория полностью закрыта для посещения, а любая хозяйственная деятельность запрещена.» (ru.wikipedia.org*)

- «...влияние пожаров. При лесных пожарах в зоне ВУРС наблюдается попадание в воздух радиоактивных изотопов и перенос их ветрами на расстояние более 10 км.» (sciencejournals.ru)

«Кыштымская авария 1957 года повлияла на здоровье населения, вызвав неврологические, психосоматические и психиатрические расстройства у облучённого населения.

Некоторые последствия:

- Лучевая болезнь. Из состава комбината «Маяк» вывели более 10 тысяч сотрудников с симптомами лучевой болезни, у 2,5 тысячи человек она была установлена с полной определённостью.

- Воздействие на кости и центральную нервную систему. Радионуклиды делали кости ломкими, у людей начинала страдать память, нарушалось внимание.

Хроническая усталость. Многие жители загрязнённых радиацией территорий вынуждены были оставлять прежнюю работу.

Влияние на мышление и речь. В 55–65 лет у людей начинали страдать мышление и речь, они не понимали смысл элементарных пословиц или крылатых выражений, воспринимали их буквально.» (74.ru)

Так когда же в открытых источниках появилась информация о Кыштымской аварии?

«В Советском Союзе факт взрыва на химкомбинате «Маяк» впервые подтвердили в июле 1989 года на сессии Верховного Совета СССР. 30 июля 1989 года Межведомственный совет по информации и связям с общественностью в области атомной энергии опубликовал специальный бюллетень «Об аварии на Южном Урале 29 сентября 1957 года». (elib.biblioatom.ru, ru.wikipedia.org*)

Тогда я впервые увидел в Каменске-Уральском маленькие местные газеты с публикациями об аварии, воспоминания ликвидаторов о работе как в городской черте, так и в Каменском районе. Иронию у населения вызвало разграничение улиц задетых радиоактивными осадками и не задетых: «Кто это спустя столько лет определил так точно?» Но скорее всего, наверное, это деление было произведено по «горячим следам», исходя из скорости ветра и его направленности. Подтверждением может служить фраза из документа Городской думы Каменского округа: «...Кыштымская авария оказала влияние на территорию, в том числе на город Каменск-Уральский, так как ветер со скоростью 30 км в час погнал радиоактивное облако в его сторону...» (duma.kamensk-uralskiy.ru)

И ещё два документа с сайта Думы.

«...В городе формировались отряды для ликвидации последствий аварии. Сюда переселялись жители пострадавших территорий.

...В Каменске-Уральском появился обелиск, напоминающий о земляках, пострадавших от аварий на ПО «Маяк» и Чернобыльской АЭС.» (duma.kamensk-uralskiy.ru)

Из статьи от 28.09.2025 г., размещённой в «УРА.РУ» и озаглавленной «Чёрный след «Маяка»: как первая радиационная катастрофа СССР коснулась Курганской области»:

«...Долгие годы считалось, что радиоактивное облако не затронуло Курганскую область. Однако наблюдения показали, что в зону временно ухудшенной радиационной ситуации (ВУРС) попало около 17,6 тысячи гектаров земель Катайского района. ... В результате радиоактивного загрязнения долгоживущими радионуклидами, такими как стронций-90 и цезий-137, были затронуты Катайский, Далматовский, Шадринский, Каргапольский и Шатровский районы.

... Программные мероприятия по ликвидации последствий начали проводиться в Курганской области с 1992 года...

... В 2016 году региональный Роспотребнадзор сообщал, что главным источником гамма-излучения оставались радионуклиды в донных отложениях и почвах поймы Течи. Фоновый уровень радиоактивности у реки превышал в 22 раза... (допустимые значения)...

... Одной из приоритетных задач правительства Курганской области была полная реабилитация загрязненных территорий: строительство коммуникаций, газификация, обеспечение централизованным водоснабжением населения, проживающего в зонах, пострадавших от радиации...»

Правительство области и позже продлевало госпрограмму «Преодоление последствий радиационных аварий на производственном объединении «Маяк».

Прошло много лет со дня аварии на «Маяке». Секретность и ограниченность доступа к информации об аварии, уход из жизни большинства её свидетелей, всё это, конечно, сказывается на полноте и достоверности картины события. Ведь сегодня многое, помимо документальных источников, мы знаем из рассказов лишь детей очевидцев. Но давайте представим себя хотя бы на несколько минут на месте того же сельского врача, к которому придёт на приём мужчина или женщина, и пожалуются на постоянную усталость, головокружение и головные боли? Что по-

думает врач или фельдшер? Когда в деревне труд был лёгким? Как отделить пострадавших от воздействия радиоактивного следа от других больных, если врач никогда не сталкивался ни с чем подобным? Насколько точной могла быть медицинская статистика в подобных условиях, в том числе с летальным исходом?

Учёными было установлено, что наиболее подвержены воздействию радиации беременная женщина и её плод. Но когда одна из моих ровесниц тридцать лет назад заговорила со своей бабушкой о смертности новорожденных из-за аварии, та ответила:

– Внученька, как тут понять чего он преставился? В деревне порой не пойми отчего начинали умирать детки, а к кому пойдёшь? И у меня из четырнадцати не один так-то вот помер, и у других тоже. Ведь как говаривали тогда: «один не приживётся – другой заведётся»...

В ряде просмотренных мною материалов встречается мнение, что именно ликвидация последствий Кыштымской аварии послужила толчком к развитию многих направлений мер радиационной защиты населения. В том числе в областях медицины, связанных с профилактикой и лечением заболеваний, являющихся следствием радиационного облучения.

И когда стало казаться, что самое страшное осталось позади, грянула Чернобыльская катастрофа.

Беда всегда приходит без спроса...

Андрей БЕЛОУСОВ
Кетовский МО
с. Каширино

КЫШТЫМ – ЧЕРНОБЫЛЬ

В 2026 году исполняется 40 лет одному из трагических событий в череде техногенных трагедий двадцатого столетия - Чернобыльской катастрофе. Взрыв ядерного реактора четвёртого энергоблока и последующие за этим события начались в 1 час 23 минуты 26 апреля 1986 года. 28 апреля в сообщении ТАСС прозвучало: «На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария. Повреждён один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия.» Очень краткое и даже успокаивающее сообщение. Чернобыль – это Украина, от нас не близко и скорее всего в начальное, после сообщения время, на это событие мало кто обратил внимание в отдалённых от него районах.

Время стирает из памяти многое, о чём надо бы не забывать. Сообщение о Чернобыльской трагедии невольно подтолкнуло к воспоминаниям о случившемся на Урале, более раннем событии, ставшем для многих и многих большой трагедией. Будем считать, что без всяких мистических совпадений Кыштымская трагедия перекликается с названием одного из литературных произведений - «Кыштымский зверь» - рассказом писателя Евгения Фёдорова. Описываемое время – восемнадцатый век. Место происходящих событий – тогда поселение, а ныне город Кыштым близ нынешнего Челябинска. Рассказ жутковатый по череде свершившихся событий, но что было - то было. Конечно, писатель не мог знать, что названная по району, прилегающему к городу Кыштыму, авария, как име-

новали ядерную трагедию на хим. комбинате «Маяк», перекроет все прежние, прошлых веков были. Да и как мог предвидеть писатель, что название, данное им рассказу, символично. Снова поднимется голова «Кыштымского зверя» в ином, более трагическом наполнении.

Трагедия произошла 29 августа 1957 года, в городе, которого не было на картах, хотя для посвящённых имя было известно – «Челябинск -40». Один из немногих городов в СССР, где ковался ядерный щит страны.

Урал – опорный край державы! По некоторым, открытым на сегодня, сведениям работы по обогащению урана и его дальнейшей переработке начались на заводах «Маяка» в конце сороковых годов. Работы и затратные, и не безопасные. Отходы, с содержащейся в них неведомой большинству граждан отравой – радиоактивностью - долгие годы сливались через систему озёр в речку Теча, далее уходили в Исеть с её ожерельем деревень вдоль всего русла. Конечно, секретность проекта была таковой, что и думать никто даже не помышлял о каких-то профилактических предупреждениях. А Исеть, да и Теча вместе с ней – реки-кормилицы, богатейшие рыбой жемчужины Южного Зауралья в те времена. Пользовались дарами от рек тысячи и тысячи жителей края. Брали для питья воду часто напрямую из реки. И чистой слыла, и вкусной. А уж ягод в пойме насобиравали - всяких, не ленись только и никаких насаждений возле дома не надо! От детских лет выплывает в сознании видение: причаливает к берегу рыбацкая лодочка, а на дне россыпь рыбная, более всего в глаза бросались «серебристые» кругляши лещей. Видеть таких привлекательных рыбин более не приходилось. Пацанье от реки тоже не отставало. Само собой удочки, купание до посинения, особенно по весне, когда для бравады прыгали в воду между плавающих ещё льдин, расталкивая их руками. Летом часами бродили по воде вдоль берега, доставая из норок раков, по особой своей технологии. Чтобы не попасться пальцем в клешню, руку надо было вести по самому потолку норы, а потом хватить его за спину, и на берег. Тому, кто собирал урожай в ведро. Тут же на берегу добытое варили на костре в ведре, зачерпнув воды из реки; с удовольствием поедали, нимало не сомневаясь в безопасности окружавшего природного изобилия.

Многое, многое чего давала река. В том числе и своим злобным ядом угощала и старых, и малых. Не раз приходилось из разговоров старших улавливать сетование на непонятно откуда взявшуюся беду, любая царапина пищевода рыбной костю вела к... непоправимой беде.

Августовская трагедия 1957 года в наших краях отозвалась глухими разговорами о выселенных деревнях по Тече, огороженных территориях вдоль реки с запретом любого пользования водными благами. Гриф секретности с прошедшего был снят лишь через несколько десятков лет. По сообщениям СМИ на комбинате произошёл взрыв, мощность взрыва оценивалась во многие тонны тротилового эквивалента. Перегревшиеся ядерные отходы, которые к тому времени видимо собирали для дальнейшей утилизации, разорвали бетонное хранилище. Крышку хранилища весом 160 тонн сорвало и отбросило в сторону на приличное расстояние.

Кстати заметить, ёмкости из бетона для хранения отходов ядерного производства можно наблюдать ныне в видеорепортажах с Запорожской станции, являющейся объектом нападения фашиствующих противников на Украине. Не ведают, что творят.

Облако выброшенных взрывом радиоактивных веществ в короткое время рассеялось по ветру полосой в 350 километров. Заражению подверглись 23 тыс.

квадратных километров территории, 217 населённых пунктов с населением около 300 тыс. человек. Никакой информации о произошедшем на комбинате жителям не сообщали. На месте выпадения радиоактивных осадков образовался радиоактивный след, названный Восточно-Уральским. В 1968 году территория, подвергнутая заражению, преобразована в Восточно-Уральский государственный заповедник, где происходит изучение воздействия радиации на природу и человека.

Много позднее стали известны некоторые подробности, как сносились целые деревни с имуществом сельчан, уничтожением всякой живности на заражённых территориях. Размер возмещения владельцам за понесённые утраты назначался с учётом пожеланий пострадавших. Наше село на Исети под эту раздачу не попало, но зимой приезжали несколько раз люди в белых халатах, под тщательным присмотром раздавали детям для питья сыворотку, привкус полыни от неё всё ещё в памяти. Пили, кто как. Я с ужасом вспоминаю эту процедуру. Первые же глоточки вызывали обратное извержение из горла и того, что принимал, и ранее потреблённого, память весь этот процесс сохранила десятки лет. Всю зиму пришлось страдать от необъяснимых нарывов на шее, воспалялись лимфатические узлы, в память об этом остались до сих пор не сгладившиеся шрамы. Время от времени настигали жуткие головные боли, а по весне густая шевелюра стала клоками исчезать при малейшем на неё воздействии. Конечно, никакие визиты к врачам пояснений не дали. Весной 58 года отец, Дмитрий Андрианович, получил направление в Конезаводскую школу, где требовался учитель литературы и русского языка. Летом, переехав всей семьёй к новому месту жительства, мы избавились, должно- быть, от многих напастей.

Наша страна впервые столкнулась с подобной бедой в таких колоссальных размерах. Извечный вопрос. Что делать? Отрабатывались и проводились дезактивационные мероприятия по очистке территорий, захоронение заражённых радионуклидами предметов и грунтов, лечение пострадавших. В рамках понимания деяний с учётом того времени, накопленных знаний опытным путём. По официальным данным количество пострадавших от облучения в результате этой аварии составило около девяноста тысяч человек. Отрабатывались рекомендации по предупреждению подобных бед, да разве можно всё предусмотреть в столь непростых переплетениях событий. Следует подчеркнуть, что наибольшее количество радиоактивных осадков выпало на территории самого комбината. Но его производственная деятельность не останавливалась.

Для выживания стране требовалось срочное наращивание своего ядерного щита, для этого невольно жертвовали многим.

Мало кто помнит ликвидаторов последствий той аварии. Причины тому разные. Пресловутая засекреченность, да и фактор неокончательного понимания последствий накатившейся беды. Того, что можно предпринять для эффективного противодействия случившемуся. Довелось мне кратко побеседовать с одним из участников проведения дезактивационных работ непосредственно на площадках самого предприятия и городка, в котором проживал персонал. Работали практически без специальных защитных принадлежностей. Органы дыхания прикрывали респираторами. Рабочие костюмы и верхонки после смены, как рассказывал собеседник, уносил он домой. Жена в ванной всё тщательно стиравала, готовя к дальнейшему пользованию. Через некоторое время стала она замечать нелады: руки, особенно кисти, краснеют и опухают, какие-то другие непонятки со здоровьем начались. Да и сам Пётр Иванович угнетение стал чув-

ствовать. Обратились в медчасть. Заключение последовало категоричное, немедленно покинуть городок с переселением в другую зону. Вроде и жалко было терять приличную зарплату, которой в другом месте не бывает, но жизнь дороже. Так и оказалась семейная пара в наших краях. Следует добавить, нарушенное здоровье восстановилось. В семье народились и благополучно выросли дети.

... Гораздо ужасней последствия Чернобыльской катастрофы! Выброшенными в окружающую среду радиоактивными веществами загрязнены часть территорий Украины, Белоруссии, России и даже некоторых стран Европы, по предварительным на то время сведениям – более 200 тысяч кв. км территории. По сообщениям официальных источников в первые три месяца после аварии скончались от облучения 30 человек, ещё смерть 19 человек можно отнести к произошедшему в последующие семь лет. Острую лучевую болезнь перенесли 134 человека из числа ликвидаторов и персонала станции. Смерть нескольких тысяч человек, настигшая ликвидаторов позднее, вполне вероятно от последствий радиационного облучения.

Вокруг АЭС была объявлена 30 километровая зона отчуждения, из которой выселили более ста тысяч человек. Эвакуация началась 27 апреля и прошла в течении нескольких дней. С собой запрещалось брать любые вещи. В целях предотвращения паники было обещано возвращение на родину в ближайшее время.

Большую часть работ по устранению последствий аварии выполняли мобилизованные через военкоматы резервисты, а так же - военнослужащие группировки войск, введённой в зону поражения. Всего в устранении последствий взрыва реактора в течении нескольких лет приняли участие более 600 тысяч человек. В зоне отчуждения были уничтожены и захоронены множество мелких населённых пунктов вместе с имуществом жителей, авто и мото транспортом, подвергнувшимся заражению. Из сельскохозяйственного оборота выведены около 5 млн. гектаров земель. Чернобыльская АЭС предназначалась и для энергоснабжения РЛС дальнего действия, которая должна была стать одним из основных элементов противоракетной обороны СССР. От эксплуатации РЛС отказались – причина очевидна.

Если в первые недели после аварии основную угрозу для населения представлял изотоп йода с периодом полураспада восемь дней, то далее наиболее опасными остались изотопы цезия и стронция /период полураспада около 30 лет/, эти элементы накапливаются в почве, в грибах, в растениях поедаемых животными, значит и во всей продукции растениеводства, животноводства, в рыбе из водоёмов. На многие десятилетия представляя угрозу безопасности человека.

На заражённых территориях Белоруссии создан радиационно – экологический заповедник, как и на Урале. Выводы учёных однозначны, количество сохраняющихся мутаций среди растений и животных незначительно и в первом и во втором случаях. Природа путём естественного отбора успешно справляется с удалением дефектов. А снижение на местности нагрузок из-за прекращения хозяйственной деятельности человека в целом положительно сказалось на экосистеме территорий. Но для окончательного устранения последствий нужно немалое время! Жизни одного поколения на это не хватит.

До сих пор нет однозначного ответа на причины Чернобыльской катастрофы. Многократно подчёркивались ошибки персонала при управлении реактором. Вызывала вопрос и сама конструкция реактора, его несовершенство, в частности неожиданно возросла мощность реактора при подаче команды на

аварийное отключение. Высказывались гипотезы о локальном подземном толчке непосредственно под четвёртым энергоблоком, зафиксированном сейсмологами. О воздействии чуть ли не пучковым оружием на агрегат из космоса; цель – РЛС ПРО. Диверсия с применением взрывчатки. Другие, мало достоверные причины. Всё это говорит лишь об одном; очень непросты шаги на пути научно-технического прогресса и овладения научными знаниями, безопасным их применением. Чем технически сложнее процесс, тем больше невыясненных, загадочных явлений несёт он в себе. Гипотезы и гипотезы, а они требуют подтверждения, что не сразу даётся. Один из примеров – использование атомной энергии. Хотим мы того, или нет, но за ядерной энергией на обозримые времена – будущее. Потребление энергии растёт, а перспективных источников на горизонте пока не просматривается. Что имеем? На АЭС в реакторе в качестве топлива использовалась окись урана с обогащением 2%. За сутки работы реактора с номинальной тепловой мощностью в 3600 МВт расходовалось примерно 4 кг ядерного топлива. Есть с чем сравнивать, если обратиться к топливному балансу.

Трагические последствия в результате аварии могли быть гораздо печальнее, если бы не самоотверженность ликвидаторов аварии. Первыми вступили в схватку со взбесившимся атомом пожарные службы. Уже к четырём часам утра пожар на крыше повреждённого блока был локализован, а к семи часам ликвидирован. Это всё в условиях предельно допустимого для безопасности человека уровня радиации, поэтому более всего пострадали расчёты пожарных, прибывших на тушение, сотрудники дежурившей смены. 27 апреля первые 28 из них, самолётом были отправлены в Москву, в радиологическую больницу. Многих спасти не удалось. Распространению огня способствовало элементарное нарушение технологии в процессе строительства, вместо несгораемого покрытия верхняя часть была закатана горючим битумом. В отснятом документальном фильме показаны действия привлечённых ликвидаторов, они после пожарных вручную лопатами собирали и утилизировали куски выброшенного взрывом из реактора топлива и графита. Две минуты на операцию и бегом с поля боя на отдых. У лопаты следующий. Много для устранения аварии, её локализации совершили сотрудники самой станции, подключившиеся учёные. Академик В.А. Легасов на месте аварии проработал четыре месяца. Путём изучения ситуации он установил факт прекращения ядерной реакции, рассчитал состав и возможность применения смеси, которую с первого дня забрасывали в реактор с вертолётов. С 27 апреля по шестое мая вертолётчики совершили 1927 вылетов к аварийному реактору, сбросив в него 4925 тонн смеси. Пожар непосредственно в самом реакторе был потушен 1 мая. Это прекратило выброс ядовитых продуктов горения в атмосферу, дальнейшее заражение местности. Для безопасности лётчиков, машины были дополнительно экранированы листами свинца, экраны при необходимости заменялись, но пролёты над жерлом реактора всё равно были опасны. Облучения авиаторам избежать не удалось.

Очень подробно об этом и о работе привлечённых специалистов рассказывает созданный в Кургане музей, посвящённый Чернобыльской трагедии. Практически на собственном энтузиазме его развивает и ведёт Мишкарёв Сергей Иванович, активный участник устранения последствий аварии. Он и сплочённые вокруг помощники проводят необходимую работу по выявлению нуждающихся в помощи и социальной защите соратников или их родственников. Рассказывают о технологии ликвидации этой беды. Со стендов смотрят лики первых воинов с

невидимым врагом, скончавшихся в начальные дни своего сражения. Среди них Герои Советского Союза, командиры пожарных расчётов лейтенант Владимир Правик и лейтенант Виктор Кибенюк. В документальный фильме прослеживается судьба и дальнейший героический подвиг ликвидаторов. О наших земляках, участниках многолетних событий, повествует сборник воспоминаний с красноречивым и достоверным названием - «Страну заслонили собой». Землякам в музее посвящены стенды, биографические сведения, фотографии. Да! Все они герои. Вопреки слухам на бытовом уровне об ужасах работы с радиацией, шли и сознательно исполняли свой долг, действительно заслонив собой страну....

После того, как к концу года над повреждённым реактором был сооружён изолирующий купол, проведены необходимые дезактивационные работы в повреждённых цехах, были подготовлены к работе и запущены три оставшихся реактора. Один из них, третий, проработал аж до 2000 года, исправно вырабатывая электроэнергию.

Первая и вторая ядерные трагедии утвердили в сознании понимание того, что экологические катастрофы замалчивать нельзя. В стране был принят ряд законов, согласно которым информация, относящаяся к экологической безопасности, не может быть классифицирована, как секретная, с ограниченным допуском для населения. Внесены необходимые поправки в ранее принятые законодательные акты.

Тернист и опасен путь научно-технического прогресса, внедрения его продуктов в настоящее человечество. Вот и овладение секретами атомного ядра обернулось для мирового сообщества ощутимыми издержками, скорее всего не последними. Ядерные трагедии в России не единственные в мире. Хиросима и Нагасаки, города, сметённые американскими атомными бомбами. Авария в самих США, на одной из атомных электростанций. Фукусима-2 в Японии. Скорбный перечень не окончателен.

А на горизонте всё новые и новые открытия, инициативы и начинания. Очень много говорится о так называемом ИИ. Лишь бы только не прийти в конце концов к зоопарку, по одну сторону которого за решётками жалкие остатки рода человеческого, а по другую победители в борьбе за обладание энергией – очеловеченные машины.

Пожелание и наказ на жизненное благополучие, как завещание на будущее, в строках стихотворения поэта – земляка Евгения Фейерабенда:

Берегите как зеницу ока
Мир земной –
С планетой крутобокой,
На которой есть, как по заказу,
Всё, что просят тело или разум ...
Берегите, как зеницу ока
Всё, что расточается жестоко, –
Чистоту воды и ясность неба
Сытность неотравленного хлеба...

Так и хочется, вслед за известным писателем, воскликнуть: «Люди, будьте бдительны!»

ЗДЕСЬ НЕТ РАВНОДУШНЫХ

В апреле 1986 года, в ночь на 26 число на Чернобыльской атомной электростанции произошёл взрыв, который полностью уничтожил один из атомных реакторов. В атмосферу было выброшено огромное количество радиоактивных веществ, которые представляли опасность для всего живого не только на момент взрыва, но представляют опасность и в наше время, и ещё многие десятилетия будут отравлять всё живое вокруг. Долгие годы загрязнённая территория будет не пригодна для жизни. Тогда в 1986 году большая часть радиоактивных осадков выпала на районы Украины, Белоруссии, России, ионизирующие загрязнения были обнаружены и на территории Европы, вплоть до Ирландии. Из 30-километровой зоны, зоны отчуждения вокруг АЭС, было эвакуировано более 115 тысяч человек. Конечно, люди не могли представить себе, что, собрав в небольшие сумки или чемоданы только самое необходимое, на первое время, уезжают с нажитых мест навсегда, и ничего невозможно будет вернуть никогда. Повышение радиационного фона угрожало здоровью и жизни людей тогда, угрожает и по сей день.

Чернобыльская катастрофа – крупнейшая технологическая трагедия в истории человечества и в истории атомной энергетики. Для ликвидации последствий аварии в 1986 – 1990 годы было привлечено более 600 тысяч человек со всего Советского Союза. Все эти люди ценой своего здоровья, а порой и жизни, выполняли свой гражданский долг, работая в зоне отчуждения, старались минимизировать нанесённый окружающей среде ущерб и предотвратить дальнейшее распространение радиации. Да, последствия взрыва на АЭС обернулись катастрофой практически для всей страны.

Тогда, а что сейчас? Как живут участники ликвидации последствий взрыва в настоящее время, чем живы? Помнят ли о их подвиге? Я нахожусь в музее Курганского «Союза Чернобыль», где находятся подлинные свидетельства того, когда и как произошла катастрофа, когда и каким образом происходила эвакуация населения из прилегающих к Чернобыльской АЭС территорий. Кто, как и какое время боролся с последствиями катастрофы. В музее можно познакомиться с подлинными документами, в том числе участников ликвидации, с их наградами. Интересно прослушать запись объявления по радио о начале эвакуации людей из города Притяти: «...Внимание, внимание... с целью обеспечения полной безопасности людей, и, в первую очередь, детей, возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города...» Тогда все думали, что «временную».

В музее множество интересных экспозиций: защитная одежда ликвидатора, приборы дозиметрического контроля, фотографии объектов аварии, как реактор выглядел до взрыва, что осталось после, по документам можно проследить хронологию событий тех дней. Также можно полистать многочисленные книги, посвященные этому трагическому событию, а, главное, людям, которые проявили мужество и стойкость в совершенно новом, не знакомом для себя деле: ликвидации последствий аварии на атомной электростанции. Слушая эмоциональный взволнованный рассказ председателя Курганского РООИ «Союз Чернобыль» Сергея Ивановича Мишкарева, нашего экскурсовода, можно осознать всю трагичность катастрофы, меру подвига людей, участников ликвидации, составить представление о вкладе жителей Курганской области в это нелёгкое, опасное дело. Из на-

шей области в проведении ликвидационных работ приняли участие 2131 человек. Память о каждом из них увековечена здесь, в книгах, фотографиях, документах.

Гости в музей приезжают со всей области и очень часто. Благодарят за то, что члены «Союза Чернобыль» продолжают поддерживать память о земляках-ликвидаторах. Приведу примеры только некоторых записей в Книге отзывов. 18.11.2024г., лицей № 12, учащиеся, запись в книге: « Очень понравилось, прослезился даже...», «Дорогие ликвидаторы, земной поклон вам за героический поступок. Добрая, вечная память погибшим». 11 февраля 2025г. «Сергей Иванович, мы от группы пенсионеров выражаем благодарность за замечательное оборудование музея и в целом за великий труд по сохранению памяти об этой сложной странице истории...». 14.05.2025 г. жители села Белозерского «Благодарим за интересную экскурсию... Желаем дальнейшего развития. Группа из 16 человек». 5.03.2025 г. кадеты, 10 класс Губернаторской Куртамышской кадетской школы имени генерала В.В. Усманова выражает благодарность Сергею Ивановичу и сотрудникам музея за информативную, увлекательную экскурсию, тёплый приём и равнодушное отношение к своему делу... Огромное вам спасибо». Много посетителей, много теплых, трогательных отзывов и пожеланий.

Меня, признаться, смущает только одно обстоятельство: где и в каких условиях находятся эти экспозиции, посвящённые героям. А находится они в подвале жилого дома, в тёмном неприглядном помещении. Но ведь сюда часто школьники приходят, и им о героях рассказывают, о самоотверженности этих людей во имя жизни, о их мужестве и любви к своей Родине. Детям об исторических событиях из жизни страны рассказывают. И как объяснить ребятишкам, почему этот бесценный материал хранится в подвале? Вопросы, к сожалению, возникают. Надеюсь, со временем и ответы найдутся, вернее сказать не ответы, а найдётся верное справедливое решение, где и как должно хранить память о людях, не жалевших живота своего...

Музей находится в офисе Курганской региональной общественной организации инвалидов «Союз Чернобыль» по адресу: г. Курган, ул. М.Горького, 35. Интересный факт: эта общественная организация, «Союз Чернобыль» – первая зарегистрированная общественная организация в Курганской области. Сергей Иванович вспоминает, что когда возникла идея создать такой Союз, объединить всех ликвидаторов Курганской области, активисты не представляли себе, как это делается, к кому нужно обратиться. Несмотря на трудности, организация всё-таки была создана, на свидетельстве о её регистрации от 5 мая 1991 года стоит № 1. Первая в области общественная организация. На учредительное заседание приехали 92 человека со всей области. Познакомились, одобрили и приняли необходимые документы, был избран председатель Союза, первым председателем организации стал Мишкарев Сергей Иванович. Он остаётся верен своей организации по сей день.

Главной задачей своей деятельности на сегодняшний день Курганская региональная общественная организация инвалидов «Союз Чернобыль» определяет: оказание социальной защиты ликвидаторам и членам их семей, сохранение памяти о всех ликвидаторах, о чернобыльской трагедии, работа с молодёжью. Что это значит на практике? Сергей Иванович Мишкарев объясняет. Уже тогда, в далёком 1991 году, были составлены списки и поставлены на учёт все чернобыльцы области, тогда их было 2131, сейчас осталось 602 ликвидатора. Во всех округах области функционируют районные отделения Союза. Внимание оказывается каждому ликвидатору или вдовам чернобыльцев. Сергей Иванович приводит такой

пример: посещали Петуховский муниципальный округ, во время встречи с вдовами ликвидаторов, выяснилось, что из 12 вдов 7 женщин не получают или получают не в полном размере положенную им пенсию по потере кормильца. Начали разбираться, выяснилось, что кто-то из жён ликвидаторов просто не знают, на что могут рассчитывать, кому-то при обращении не точно объяснили, что необходимо сделать, какие предоставить документы, к кому обратиться, нашлись и другие причины. В таких случаях, а встречаются такие, скажем, недоразумения не только в Петуховском округе, члены Союза берут на себя ответственность и добиваются решения проблем. В Петуховском округе проблема была решена: все вдовы ликвидаторов на сегодняшний день получают положенные им пенсии по потере кормильца.

Ещё один недавний случай: в августе 2025 года, в Союз обратился ликвидатор, которому была определена группа инвалидности, группу-то дали, как объясняет чернобылец, а пенсию в полном объёме не выплачивают. Стали разбираться и с этим случаем. Оказалось, что пенсионер просто не написал заявление, а он и не знал, что должен заявление писать, и кому писать, куда его принести. Обратился за помощью в свой «Союз Чернобыль», и проблема также успешно была решена. Конечно, пожилые теперь люди, и сами ликвидаторы, и вдовы чернобыльцев, благодарны членам Союза и за оказанную своевременную помощь и за встречи, когда можно собраться всем вместе, посидеть за столом за чашкой чая, вспомнить давние трагические события, вспомнить близких, родных людей. Приятно понимать, что ты не забыт, о твоём подвиге помнят сейчас и будут помнить всегда. И радостно осознавать, что ты не одинок, что тебя ценят и готовы помочь.

Члены Союза, лично Сергей Иванович Мишкарев, председатель Союза, не оставляют без внимания ни одного человека, нуждающегося в помощи: выявляют проблемы, консультируют, объясняют, каким образом их можно решить, стараются своевременно оказывать адресную помощь. Сергей Иванович, с сожалением признаёт, что не всегда просто можно решить проблему. Редко, но встречаются случаи, когда документы ликвидатора в семье утеряны безвозвратно, а запрос о их восстановлении необходимо направлять на Украину, что в настоящее время практически невозможно. Приходится надеяться, что это временно. Честно признаюсь, меня удивляет, что проблемы с выплатами, недоплатами нет-нет да возникают, на ровном месте, можно сказать. Ведь есть Закон Российской Федерации «О внесении изменений в Закон РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Этот закон предусматривает различные льготы, как самим ликвидаторам, так и членам их семей, вдовам ликвидаторов. Это и внеочередное обеспечение детей местами в детских дошкольных учреждениях, учреждениях лечебного и санаторного типа с 50-процентной оплатой их стоимости. Вероятнее всего, что в настоящее время этой льготой вряд ли кто-то воспользуется, ведь оставшиеся в живых ликвидаторы сейчас уже достаточно возрастные люди и дети их выросли. Но есть и другие льготы: доплаты к пенсии, выделение путёвок на санаторно-курортное лечение, 50% оплата коммунальных услуг... И это большая удача, что всем чернобыльцам при возникновении какого-либо недоразумения есть куда обратиться за помощью: в Курганскую региональную общественную организацию инвалидов «Союз Чернобыль». Здесь нет равнодушных, здесь всегда помогут.

Да, прошло уже 40 лет, но ведь забывать о такой катастрофе и о людях,

ликвидаторах последствий этой катастрофы, нельзя. 40 лет – это, конечно, дата, но праздником эту веку не назовёшь. Кстати сказать, праздником ликвидаторы считают 30 ноября, потому что тогда, в 1986 году, с 26 апреля по 30 ноября над взорвавшимся реактором, рискуя своей жизнью и здоровьем, военные, строители, проектировщики воздвигали «Саркофаг», изоляционное сооружение, позволившее «похоронить» источник излучения радиации. Сооружение было построено в кратчайшие сроки, и только после этого стало возможным проводить мероприятия по ликвидации последствий катастрофы. 30 ноября – это праздник для ликвидаторов, потому что это – их победа над стихией, которая уничтожала всё на своём пути. В радиусе 10 километров от взорвавшегося реактора люди не будут жить никогда. А в тридцатикилометровой зоне опасно жить будет многие десятилетия. Вот такие последствия, и остановить распространение радиоактивной пыли необходимо было любой ценой в сжатые сроки. И это было сделано. Это Победа мужественных самоотверженных людей, настоящих патриотов своей страны.

И всё же, 26 апреля 1986 года – день аварии, в настоящее время 26 апреля – Международный день памяти о чернобыльской катастрофе. Нет, это не праздник, но это веский повод в очередной раз вспомнить всех героев, и погибших, и ныне живущих, повод вспомнить всех и всё. В очередной раз напомнить людям, какой разрушительной силой для окружающей среды являются такие аварии, о том, что это значит быть ликвидатором последствий такой катастрофы, ещё раз переосмыслить, осознать, какой подвиг совершили эти люди. За мужество и героизм 96 тысяч ликвидаторов были награждены высокими государственными наградами, 14 из них стали Героями СССР и Российской Федерации.

Да, это не праздник, но это повод пожелать всем ликвидаторам здоровья, долгих лет жизни... Банально, скажете? Нет, отвечу, потому что для этих людей, вставших на пути смертоносной стихии, это далеко не дежурные слова. Долгих лет вам, несмотря ни на что, ни на какие трудности, долгих лет жизни и здоровья, терпения, самого пристального внимания и не только со стороны родных и близких. Внимания, участия и помощи каждому индивидуально, но, в особенности, внимания к Курганской региональной общественной организации инвалидов «Союз Чернобыль» со стороны руководящих органов, меценатов, спонсоров. Настоящей вам поддержки, которую вы заслуживаете, да, собственно, заслуживаете уже давно! Вы – герои, и вы совершили подвиг...

Татьяна ФИЛИППОВА
п. Лебяжье

НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО БЕДЫ

1986 год. 25 апреля. На Чернобыльской атомной электростанции работа идёт в привычном режиме. В 13.05 начинается плановая остановка 4-го энергоблока для проведения профилактических работ. Мощность реактора с 3 200 мегаватт необходимо было постепенно снизить до предельной нормы. (В апреле нынешнего года исполняется 40 лет с момента самой страшной техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС. Считаю необходимым напомнить хронологию этого события, воспользовавшись данными интернета.)

26 апреля, 00.28. При снижении мощности до 500 мегаватт оператор станции допускает её резкое падение до 30-ти, а это намного ниже минимально допу-

стимого уровня. Реактор начинает «задышаться» от выделяемых частиц ксенона (не зря его называют чужеродным газом). В этой ситуации реактор необходимо было немедленно заглушить.

00.30. Заместитель главного инженера принимает решение поднять мощность реактора любой ценой. И персонал в панике извлекает почти все регулирующие стержни, нарушая всякие мыслимые правила безопасности.

01.19. Операторы включают все 8 главных циркуляционных насосов. Это приводит к резкому падению температуры воды на входе в активную зону реактора и образованию пара. Реактор начинает саморазгоняться.

01.23.04. Один из операторов нажимает кнопку аварийной защиты. Графитовые стержни начинают погружаться и разрушаться под воздействием пара. Мощность реактора возрастает в 100 раз. 1 600 топливных каналов разрывает в доли секунды. Тысячетонная защитная плита корпуса подбрасывается вверх и обрушивается обратно, сминая всё под собой.

Через 40 секунд происходит второй, ещё более мощный взрыв. Крыша реакторного зала весом в 2000 тонн взлетает вверх и падает обратно под углом. В небо вырывается огненный смерч, унося с собой радиоактивное топливо, графит, бетон, металл...

01.26.03. В дежурную часть ПЧ № 2 г. Припяти, где проживал обслуживающий персонал станции с семьями, поступает сигнал тревоги. На место выезжают 14 расчётов, в том числе и из близлежащих городов. Пожарные ещё не знают, что это не просто пожар, что тушить его обычным способом нельзя, смертельно. Они видят, что из развороченного реактора бьёт ослепительное голубое свечение – это ионизированный воздух, светящийся от чудовищного уровня радиации. К двум часам ночи у них появляется слабость, тошнота, начинается рвота, на открытых участках кожи появляются радиационные ожоги – так называемый «ядерный загар», но пожарные продолжают тушить, так как огонь угрожает 3-му реактору и другим объектам станции

02.30. На станцию приезжает первая комиссия правительства Украинской ССР. Потом их будет ещё несколько.

04.00. Реактор ещё продолжает гореть. Как было установлено позднее, в воздух выброшено около 50 т ядерного топлива (в самом реакторе его около 190 т), 700 т радиоактивного графита, тысячи тонн смертоносной пыли. (По разным источникам эти цифры разные.)

05.00. Москва узнаёт правду. Эвакуацию из Припяти, что в 3 км от места взрыва, решено отложить.

06.00. Пожар полностью потушен. Площадь возгорания составила около 300 кв. м. 69 пожарных получили смертельную дозу радиации.

Утром в Припяти дети, как обычно, идут в школу. Люди гуляют, едят мороженое...

14.00. Возле разрушенного блока фиксируется 15000 рентген в час (смертельная доза 100 р/ч).

27 апреля. Началась эвакуация жителей г. Припять. 47 500 горожан вывозят автобусами и машинами за три часа! Им говорили: «Возьмите документы и самое необходимое. Через три дня вернётесь». Но никто не вернулся.

28 апреля. Шведские датчики фиксируют радиоактивное облако. Правительство СССР вынуждено признать аварию и в 21.00 в вечерней программе «Время» объявляет о катастрофе: «На Чернобыльской атомной электростанции произошёл несчастный случай. Один из реакторов получил повреждение. Принимаются

меры с целью устранения последствий инцидента. Пострадавшим оказана необходимая помощь. Создана правительственная комиссия для расследования происшествия». Мир узнаёт правду и замирает в ожидании.

30 апреля. В 4-м энергоблоке продолжают реакции, происходит выброс цезия-137 с превышением предельно допустимой концентрации в 87 раз. При таком уровне излучения в зоне можно было находиться не более полминуты. Выделение изотопов продолжалось в течение 10 суток.

Май 1986 года. 6-го числа Украина делает официальное сообщение о катастрофе, жителям Киева рекомендовано меньше выходить на улицу и не открывать форточки. Генеральный секретарь ЦК КПСС выступает с официальным сообщением о случившемся только 14 мая.

Начинается ликвидация последствий самой страшной в истории человечества аварии. Сотни тысяч ликвидаторов со всего Советского Союза бросают в смертельную зону. Первыми стали военнослужащие. Солдаты вручную кидают графитовые обломки с крыш зданий, прилегающих к энергоблоку. Вертолёты кружатся над развороченным жерлом реактора и сбрасывают в него мешки с песком и свинцом, распыляют дезактивирующий раствор. Лопасть одного из вертолётов цепляет трос крана, отчего вертолёт падает, экипаж из 4-х человек погибает.

В течение последующих 7-ми месяцев строится временный свинцовый саркофаг.

МУЖЕСТВО

Тысячи ликвидаторов умерли в последующие годы. Они не знали, на что шли. Но шли, чтобы спасти других...

Среди участников ликвидации были и жители Лебяжьевского района. Отбирали мужчин в возрасте от 30 до 45 лет. Тех, кто не соглашался, предупреждали об уголовной ответственности. Начиная с августа 1986 года, для устранения последствий аварии было отправлено более 40 человек. Всех их как военнообязанных, присягнувших Родине на верность, в разное время через военкомат призывали и отправляли одной дорогой: Курган – Златоуст – Белорусская ССР. В Кургане формировали группы, в Златоусте переодевали в военную форму, в Белоруссии размещали в воинских частях недалеко от границы с Украиной. Жили в палатках. После распределения по отрядам получали задания.

Григорий Михайлович Осипов. Время пребывания в командировке с 17 октября 1986 года по 31 января 1987 года (3,5 месяца):

– Недовольных среди нас мало было. Люди понимали, что помогать надо. Нас привезли в г. Брагино Белорусской ССР. До 10 декабря мы ездили по близлежащим деревням и производили расчистку территорий: собирали сухую траву, вырубали кустарники и свозили всё это в большой овраг. В декабре я вместе с Володией Голощаповым побывал на самой станции. Зрелище было ужасное: всё разворочено, кругом обломки. На нас надели тридцатидвухкилограммовые свинцовые жилеты, и мы полезли на верх разрушенного здания. Нам сказали, действовать мы должны быстро, в течение 15 секунд. Поэтому бегом по крыше, хватаешь обломок, кидаешь его вниз и бегом обратно. Предупредили, чтобы были осторожными, что если упадём, то нас доставать не будут – внизу уровень радиации составлял 700 р/ч. Рассказали, что один кинооператор нечаянно упал, там и остался... На такой операции я был дважды.

Потом до конца смены снова работали по деревням, из которых местная милиция эвакуировала жителей. Но те, особенно люди преклонного возраста, упрямо возвращались назад, не хотели покидать родные дома, бросать хозяйство. С одним дедом мы разговорились. Говорим ему: тут жить опасно, радиация же. А он: что мне радиация – я войну прошёл, не напугаешь. Мы тоже её не боялись, так как не ощущали.

Каждый день с помощью дозиметров производился замер полученной радиации. Иногда за смену выходило до 1,75 р/ч. Когда уезжал, в общей сложности по накопительному прибору уровень радиации у меня был 21 р/ч. Давали нам какие-то таблетки, чтобы радиация быстрее выводилась из организма. Кормили хорошо, четыре раза в день. Домой вернулся в феврале. И если поначалу всё было хорошо, то вскоре почувствовал недомогание. Меня будто корёжило всего, спать не мог. Обратился в больницу, положили на лечение. Потом стало падать зрение. Сейчас мне 74 года.

Валерий Михайлович Мандрыченко был призван в мае 1987 года. Его и ещё нескольких земляков отправили на электричке до Кургана, но старший группы, у которого были все документы, опоздал, и поездка отложилась. В июне военкомат предпринял вторую попытку отправить призывников в город, уже на машине. Но она, не доехав до с. Камышное, сломалась.

– И только 15 июля я попал г. Гомель Белорусской ССР, – рассказывает он. – Тут пояснили, что нам предстоит делать. Мне выпало работать вместе с земляками Зыряновым М. И. и Ковалёвым С. А.

Военная часть находилась в 10 км от границы с Украиной. Каждое утро на протяжении двух месяцев нас на машинах привозили в зону отчуждения. Вокруг разрушенного энергоблока к тому времени уже был возведён свинцовый саркофаг, но крыши ещё не было. Уровень радиации всё ещё был высоким и опасным. На очистке обломков я был двадцать дней за всю смену. Перед этим мы переодевались в другую армейскую одежду, наверное, ещё 40-х годов, надевали марлевые маски, варежки-верхонки, тряпичные шлемы и резиновые сапоги. В этом нехитром обмундировании по отвесной металлической лестнице поднимались на крышу водозаборной станции и сбрасывали с неё обломки бетона, графита, битума. Сбрасывали в течение нескольких секунд поочерёдно. Взял обломок, скинул его в кузов стоящей внизу машины и бежишь обратно к лестнице, чтобы спуститься. А вместо тебя идёт уже другой.

После чего дозиметрист с помощью прибора измерял уровень радиации на одежде и распределял её: какую – на обработку, а какую – на утилизацию. У каждого из нас был свой личный накопительный прибор для замера уровня радиации на теле. Норма была 0,5 р/ч за смену. У всех получалось по-разному из-за расстояния, объёма обломков и степени их заражённости. Потом шли в душ, переодевались в свою одежду – и в столовую. Кормили нас хорошо, питание было усиленным. В рационе было мясо, рыба, овощи, фрукты, сгущёнка. Продукты доставлялись с Урала, как нам поясняли. После обеда предстояла другая работа. В прилегающих деревнях разбирали по брёвнышку опустевшие избы. Вечером возвращались в военную часть. Спали в палатках по тридцать человек. Несмотря на усталость, засыпали не сразу, анекдоты травили, байки всякие. О том, что работаем в опасной зоне, разговоров не было и страха тоже. Её же не увидишь, не пощупаешь, эту радиацию. А ещё там была влажность высокая, у многих начинался кашель, и нам проводили ингаляции.

По возвращении домой в сентябре 1987 года вновь вышел на работу на ком-

бикормовый завод, вскоре стал возглавлять заводскую нефтебазу. Ответственная работа захватила, надо было кормить семью, здоровье пока было нормальным, и я не стал обращаться к врачам. Позднее стало пошаливать сердце, заныл позвоночник, село зрение. Проходил лечение, отправляли в санаторий. Ничего, жив пока, радуюсь внукам, их у меня восемь.

Александр Иванович Мазалов. С 4 июня по 9 октября 1989 года был откомандирован в Гомельскую область, где недалеко формировался Уральский полк № 44/332.

– На самой станции мне бывать не довелось, проезжали мимо. Но видно было, что там ещё не всё закончено. Я работал водителем автобуса, возил сослуживцев на работу, – говорит он. – В зоне отчуждения в деревнях разбирали старые дома, меняли крыши на других, очищали стоки – вынимали слой земли толщиной до 20 см. После работы у нас измеряли уровень радиации. Работали с понедельника по пятницу, суббота и воскресенье были выходные. Нам платили около 140 рублей в месяц. Приходилось бывать в самом городе Чернобыле, возил туда офицеров. Помню экскурсию в новый город для работников станции – Славутич. Красивый, современный.

Моим собеседникам на момент аварии было по 30 или чуть более лет. Сами они скромны, рассказы их немногословны. Тогда они не задумывались о последствиях той командировки, что выпала на их долю. Были молоды и потому бесстрашны – любая беда по плечу. Не считают себя героями и сейчас. Просто выполняли свой воинский и гражданский долг. Казалось бы, что тут такого. Но надо понимать, что уровень радиации на самой станции и в 30-километровой зоне отчуждения, где довелось работать ликвидаторам, был высок на протяжении многих лет, и находиться в этой зоне было опасно. Общая предельная норма полученной радиации составляла 25 р/ч. При её превышении случается лучевая болезнь. Наши ликвидаторы получили разные дозы в зависимости от продолжительности, времени и места пребывания. Получается, что и жили они в зоне отчуждения – от ЧАЭС до границы с Белоруссией порядка 10 км. Они рисковали своим здоровьем, чтобы спасти других.

За участие в ликвидации последствий аварии Г. М. Осипов и В. М. Мандрыченко награждены орденами Мужества. Всего в районе 13 кавалеров этого ордена. Есть награждённые медалью «За спасение погибавших». 25-ти человек из числа ликвидаторов уже нет в живых. Скажем всем им – и живым, и мёртвым – спасибо за их героический поступок.

В конце апреля 1986 года я с месячным сыном лежала в больнице. О случившемся мне сообщила мама, когда пришла меня навестить. И хотя были мы за тысячи километров от того страшного места, помню, как стало тревожно на душе за своих детей, близких, за всю страну.

Для справки. В октябре 1986 года оставшиеся три реактора станции были снова запущены в работу. В 1993 году после случившегося пожара был оставлен 2-й блок. В 2000 году Украина приняла решение о полном закрытии ЧАЭС.

В 1987 году суд признал виновными в аварии директора АЭС, главного инженера, его заместителя и начальника реакторного цеха. В зависимости от степени вины им дали от 2 до 10 лет лишения свободы. А в 1992 году мнение о виновности было пересмотрено Международным агентством по атомной энергии. Основной причиной назвали конструктивные особенности РМБК-1000 (реакторного блока), о которых персонал станции просто не знал.

Елена КАЗЫМОВА
г. Курган

МЫ НОСИМ ИХ КАК ОРДЕНА

Жизнь героев обогатила историю, а история украсила подвиги героев.

Жан де Лабрайер

В основу повествования легли воспоминания ликвидатора ЧАЭС Мишкарева Сергея Ивановича. Автор для достижения художественного замысла оставляет за собой право на творческую импровизацию.

И снова пришла боль. Нет, БОЛЬ! Внезапная, всепоглощающая, невыносимая. Волнами растеклась по телу, перехватила дыхание. Вместе с болью накатил тошнота и онемение. Мужчина схватился за голову, и её вновь сдавило так, что в глазах потемнело, а на фоне непроглядной черноты заплескали злые алые всполохи. Он шагнул к скамье, стоящей в неглубокой нише у края асфальтовой дорожки, ноги не послушались и левый ботинок соскользнул в изумрудную зелень газона. Черты лица мучительно исказились, губы раскрылись в немом крике. Он с трудом опустился на скамью, подтянул ногу, с ужасом взирая на обувь, где капли росы, как капли яда оставили свой след. Вот он, настоящий ад! В глазах всё ещё мелькали светлячки, а в голове уже всплывали картины такого далёкого и до сих пор не отпускающего прошлого.

- Да не отпустят меня, начальник не разрешит, - раздался голос из задних рядов.

- Не отпустит, сам поедет. Правительственное задание. С этим не шутите. За уклонение от военных сборов - до года лишения свободы. Статью ещё никто не отменял. - Майор оглядел аудиторию. - Через неделю на сборном пункте. Всё. Разойтись!

- Я тебя не отпускаю, - набылчился директор. - Конец учебного года. Май. Сессия. У тебя экзамены. Никуда ты не поедешь! Я договорюсь в военкомате.

И вот состав, выбивая колёсами привычную чечётку, несёт офицеров запаса, пока сугубо гражданских людей в Златоуст, для формирования воинского эшелона на Чернобыльскую АЭС. Кого-то сразу отправили, кто-то задержался, оттягивая неизбежное. Лейтенант же запаса Мишкарев, уже в военной форме через 3 суток прибыл по месту назначения на станцию Хойники.

Неподдельная радость встречающих! Это потом он узнал, как это – наконец-то дожидаться замены, когда не надо больше «сидеть на фоне».

Вновь прибывшим дали сутки на акклиматизацию.

Утром зашёл в библиотеку. Сколько книг! Наивно решил, что найдёт время для чтения. Большой кинозал прямо в здании. Искренне верил, что фильмов то

уж точно насмотрится на всю жизнь.

- В чём служба заключается? - спрашивали у «старичков».

- Ездим на станцию.

- А в выходные?

Сначала недоумение, потом – искренний смех:

- Какие выходные? Забудьте!

И в самом деле, выходных не было. К этому привыкли быстро. А вот по возвращении домой не всем удавалось убедить в этом кадровиков и бухгалтеров. В их сознании это не укладывалось.

По утрам с ребятами решили бегать, чтобы не расхолаживаться. «Старички» же быстро охладили их пыл:

- Вы с головой то дружите? - и поучали новичков: - Радиация вокруг. Будете копытами пыль поднимать и дышать.

А пыли и без бега хватало. Вечером на построении многие кашляли, а во рту появлялся металлический привкус. Ожидаемо. Один лепесток на день. Через 15 минут он свою функцию выполнял. А на жаре, в пыли... О чём речь? Люди панически боялись внутренних кровотечений. Лейтенант объяснял, что это обманчивое ощущение. Излучение всего лишь повреждает вкусовые рецепторы и, взаимодействуя со слюной, создаёт во рту слабый электрический ток. Его мозг и принимает как металлический. Объяснял. Но не все верили. Ведь вкусовые рецепторы то повреждает. Кого-то после первого же выезда на станцию косила температура под 40. Половина постоянно ощущала усталость и сонливость.

Когда вскоре после возвращения первый приступ сдавил голову болью, и Сергей сидел в кабинете у невролога, то услышал то, что и так знал:

- Вы ведь физик, должны понимать, что и радиационное, и электромагнитное излучения влияют на человека. И зависит это от интенсивности, частоты и времени воздействия. Сколько Вы там находились? – врач полистал карточку, - неполные два месяца, максимально допустимая доза. Что Вы хотите? – он помолчал. Молчал и Сергей. – Вот, вы жалуетесь на усталость, головные боли. Это естественно. Не удивляйтесь, скоро появится и аритмия, и давление. Да много ещё чего может выскочить. – Врач вздохнул и помолчав, продолжил:

- Вы должны понимать, что организм в такой стрессовой ситуации начнёт компенсировать внешнее патогенное воздействие и станет потреблять собственную энергию.

Да, он понимал, ещё там прекрасно понимал, но...

- Я выпишу таблетки, но особо на них не надейтесь. Через неделю положим в стационар на обследование. Там посмотрим.

«Больной с лучевой нагрузкой и поражением ЦНС» - прочитал Сергей на направлении.

Новая смена закрыла все офицерские должности. Правда из 250 человек личного состава батальона только четверо были кадровыми военными, остальные из запаса. Как ни сопротивлялся новоприбывший лейтенант, его всё равно назначили помощником начальника штаба батальона. Не убедили майора ни заявления о том, что он начальник связи, что срочную проходил радиотелеграфистом, что умел не только организовывать связь, но и на ключе работать. А вот с

бумажками работать не умел.

- Вы ничего не напутали? – в очередной раз пытался достучаться до распределяющего Мишкарёв.

Терпение у офицера кончилось, и он рыкнул: - Помощником начальника штаба!

Ох и нелёгкой оказалась эта должность. Кропотливая работа с не просто документами, а с документами, за которыми стояло здоровье людей.

В каждом пополнении находились те, кто упорно отказывался ехать на станцию. И... ничего им не было. Никакого наказания. Нельзя заставить. Однако приехал - служи. Такие и служили 6 месяцев. Слышал Сергей не раз от них уже на гражданке:

- Да я! От звонка до звонка!

Всё верно. «Чем дальше от моря, тем шире клёш». Командир батальона называл их «банщиками», «мусорщиками».

Много раз спрашивали после дружья, почему поехал, почему не отказался? И он каждый раз отвечал с уверенностью: «А как я в глаза детям смотреть буду?». А кто-то не стыдился совсем. «Живее буду, всё равно кто-то вместо меня найдётся». И находились. Иначе как бы за 206 суток закрыли Саркофагом четвёртый блок, а за четыре с половиной года закончили работы по ликвидации последствий. А ведь он, учитель физики, многое понимал, многое знал про радиацию и поехал. Тогда и мысли не было отказываться. «Надо, значит надо».

22.00 - солдатам, сержантам отбой, а у офицеров совещание. «Разбор полётов». Подготовка отчётов. После ПНШ готовил документы на завтра. Задача: не ставить в наряд для работ на станции, приближающихся к максимально допустимой дозе в 10 рентген, учесть тех, кто болеет, лежит в госпитале. Кроме того, надо было кого-то направить в наряд по батальону, в наряд по полку, в гарнизонные караулы. Туда в основном и назначались «банщики» и «мусорщики». Приходилось иногда работать часов до двух-трёх ночи. Но основной проблемой была не эта. В армии ведь главное - не звание, главное - должность. Он ПНШ - лейтенант, 27 лет, а рапорты сдают старшие лейтенанты, капитаны. В группах тоже некоторым солдатам, сержантам до 50, 55 лет. В 2 раза старше. Да и образование не военное, но приходилось командовать.

На одном из офицерских совещаний Сергей обратился к комбату с просьбой разрешить съездить на станцию.

- Без проблем, – вздохнул капитан. - Вписывай себя в наряд, езжай, но твою работу никто не отменял. Все будут спать, а ты - готовить документы на следующий день.

Целых два дня отработал лейтенант на ОРУ 750. Что интересно, никого из начальства в эти дни не видел, а на второй день вечером командир начал офицерское совещание:

- Лейтенант Мишкарёв, объявляю Вас дезертиром. На каком основании оставили место службы? Поедете на гауптвахту. – Попугал и добавил: – Больше без моего ведома – никуда!

Но через пару дней майор всё-таки дал разрешение на работу в основной зоне.

И понеслось. Ночью подготовка документов, днём - станция, ночью ребята отдыхают, а лейтенант снова корпит над бумагами.

По распорядку: в 6.00 – подъём, 6.30 – завтрак, в 7.00 – развод, погрузка. Приходилось спать по 2 часа в сутки и иногда жертвовать завтраком. Просил дневального будить сразу на развод. Вскоре приехали новые люди, поставили другого ПНШ, и Сергей стал официально ездить на станцию старшим от батальона.

Группа из 200 человек разбивались на более мелкие. Каждому командиру рот, взводов, давали задание. Лейтенант же отвечал за весь состав и за состав своей группы, с которой шёл на объект. Чуть не в первый же день пришлось работать ещё и с рентгенметром. Парнишка, дозиметрист ДП5 запутался в измерениях. Чему-то учили - не доучили. Что хорошо в армии, там все написано, подписано, запутаться достаточно сложно. Поменялись ролями. Лейтенант измерял, рядовой записывал.

Наш мозг такая странная штука. Всё помнит и внезапно выдёргивает из памяти то, что хотел бы забыть, но не получается. Однажды Сергей Иванович, проезжая по Бурова-Петрова, бросил быстрый взгляд на высоковольтную и нога рефлекторно чуть не вдавила педаль газа. Остановился у края тротуара, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Так получалось, что группу лейтенанта бросали в самые сложные места. Другие командиры просили взять людей, чтобы быстрее дозу накопили. Брал.

Попасть на станцию можно было только по железнодорожному мосту через Припять. Выходили из «чистых» машин, шли 750 метров по шпалам, на той стороне получали задание и разъезжались на работы уже на других машинах, «грязных». Работали, и тем же путём обратно. Дожидались остальные группы и все вместе ехали в полк. Шаг по шпалам, шаг через две. Шаг по шпалам, шаг через две. Эти 750 метров часто снились после. А может и не 750, но цифра стояла в памяти.

ОРУ 750. Задача – убрать заражённый грунт. Всё такое огромное, опоры высоченные, фарфоровые чашки метров шесть в диаметре. Близко к опорам техника не подходила, замучаешься ремонтировать. Поэтому грунт лопатами грузили на носилки и в сторону, в кучи, а там уже и техника работала. Расчищенную площадку затем засыпали щебнем. Правда, через некоторое время опять начинало светить – значит снова убирать.

Задача лейтенанта - командовать, но он не стоял в сторонке и работал вместе с солдатами. Наряд длился всего 4 часа посменно. 30 минут работали, 30 минут отдыхали. Но как только заходили в комнату отдыха, тут же засыпали.

А на зелёную траву у Сергея ещё долго оставалась сформировавшаяся за короткое время специфическая реакция. Если асфальт, то там чисто. Если трава растёт - туда не суйся. А она, трава, живучая, зараза. Вот всё засыпано песком, весь грунт заменён, значит фон должен быть в норме, а вот поди ж ты, три былинки выросли и стрелка на рентгенметре уже прыгает вверх как сумасшедшая.

После ОРУ 750 группу направили на азотно-кислотную станцию. Прямоугольник АКС примерно 5 на 4 метра окружён газоном двухметровой ширины. Его и надо убрать. Метров 5 от входа уже очищено. Где на полтора, где на два штыка вглубь. Главное, чтобы «не светило». Там уже надо было минут 20 работать,

чтобы предельно-допустимую дозу получить. Группа же наотрез отказалась идти. «Там столько светит!» И приказать лейтенант не мог:

- Конечно, здесь больше. Но на ОРУ вы 4 часа работали, а здесь всего 20 мин.
- Не пойдём.

- Дезертиры, значит? Не выполняете задачу?

- Ну и пусть дезертиры. Посидим до обеда, и на базу. Если мы не сделаем, нас всё равно не накажут. Сам иди. Ты офицер. Ты за нас отвечаешь.

- Да, офицер. Офицер отвечает и за себя, и за вас. А вы, взрослые мужики, за себя ответить не можете. – Психанул в общем.

- Вы двое, - указал на ближайших к себе рядовых, - за мной.

Парни неохотно поднялись и оглядываясь на товарищей, всё же направились за лейтенантом.

– Берите носилки, ставьте на чистое место. - Сам же начал быстро снимать лопатой дёрн. Поработали 20 мин, молча отвёл их в комнату отдыха, взял следующих.

Через некоторое время один сержант, косая сажень в плечах, не выдержал:

- Ты чего, лейтенант, нас меняешь, а сам? Постоянно один? Ты нам чего, не доверяешь?

- Мне задача поставлена, надо выполнять, - Сергей спокойно пожал плечами и дал команду ещё двоим брать носилки, а у самого аж скулы свело от злости.

- Погоди, - сержант поднялся и пошёл третьим, - показывай, что убирать?

Лейтенант воткнул лопату в траву в метрах десяти от уже убранного грунта.

- Иди, мы сделаем.

Через два часа парень разбудил задремавшего начальника:

- Всё. Готово.

- Отлично, - потянулся Сергей. - Группа становись! Идём к машине.

- Веришь? И смотреть не будешь?

- Верю. Не буду. Ты же сказал, что сделали.

Верил. Верил лейтенант на слово. Только вот ...

Индивидуальные дозиметры носили в нагрудном кармане. После одного из выходов у всех 0.3 а у двоих 1 рентген. Лейтенант при проверке удивился и отправил отдыхать. Поначалу все молчали, а потом не выдержали. Обидно. Как оказалось эти умники затолкали дозиметры в кучу щебня. С одной стороны, желание побыстрее свалить отсюда вполне понятно. С другой...

Пришлось этих двоих не включать в наряд на работы на станцию, а через пару дней они сами туда запросились.

Были и такие, кто считал, что им занижают дозу. Ведь фиксировали фон только за время работы, а то, что ехали, шли - не суммировалось. Понимая это, лейтенант сознательно завышал дозу. Однажды даже позволил двоим бузотёрам присутствовать на записи показаний. Дежурный называл дозу облучения, например, 0,25, а он записывал: 0,35. Предупредил, конечно, чтобы не болтали, иначе – должностное преступление - соответствующие меры.

Как-то с очередной сменой прибыл писарь Макшаков. После операции на бедре металлическая вставка. Пошли к начальнику медицинской части 2-го батальона капитану Брагину.

– Тебя вообще не должны были сюда направлять! Какой ... это сделал?! – Комиссуй!

- Не имею права, нет полномочий.

Тоже верил, потому что знал. Оставлял на станции охранять одежду.

Уже после возвращения, друзья спрашивали, награждали кого-нибудь из ликвидаторов? И он вспоминал забавные в какой-то мере случаи.

На станции «Толстый лес» экскаваторы разгружали с платформ асфальт, который потом увозили на ремонт дорог. Разгрузка шла медленно, много платформ приходится ремонтировать. Начальство дало задание лейтенанту разобраться. А чего тут разбираться? Гидравлический экскаватор всё делает аккуратно, даёт большую производительность, а два тросовых экскаватора бросают ковш с размаху, цепляют щебень вместе с досками. И производительность ниже, и платформам калечат. На следующий день после доклада лейтенанта тросовые экскаваторы заменили гидравлическими.

Этот пример приводил Сергей Иванович, учитель физики своим студентам, будущим экскаваторщикам. Да, задание надо выполнить, но ведь и соображать надо. Хотя ... человеческий фактор никто не отменял.

О производительности труда даже речи не заходило. Частая смена людей не позволяла выработать единые подходы к энергозатратам. Упор делался на количество получаемых людьми рентген. Приходилось на ходу подстраиваться под обстоятельства.

Эстакада. Галерея. Называли по-разному. Поднятый над землей бетонный желоб, по которому проходили трубопроводы от 3 и 4 блоков, в том числе на ХОЯТ – хранилище отработанного ядерного топлива. Высота двухэтажного дома. Лестница. Задача: дезактивировать. Обработка ничего не дала, пришлось убирать фольгу и минвату. Места мало, тесно. Работали по три человека 2 минуты. Инструмент: лопата, вилы, метла. Внизу КамАЗ. Лейтенант ещё утром выяснил, что уровень радиации в комнате отдыха больше, чем на улице, на свежееуложенном асфальте. Натаскали на сапогах. Построил группу возле эстакады в колонну по 3, так чтобы у одного или двух из тройки был дозиметр. Случалось, что не у всех он имелся. Первая тройка работает, вторая смотрит, куда поставили инвентарь и быстро сменяет. У каждого свой инструмент. Отстреляться быстрее и свободны.

- Почему не в комнате отдыха? – подкатил УАЗ с Большими звездами .

Лейтенант пытался доказать, что про уровень радиации в комнате отдыха и возле эстакады, но слушать не стали, как и комбат вечером на офицерском совещании. Пришлось писать объяснительную.

- Да Вас не наказывать надо, а награждать, - хмыкнул комбат. - Но правила нарушены. Завтра вместо станции едем со мной в штаб на разбор полётов.

Ехали в круговую через автомобильный мост. 120 км. Июль. Жара. Это единственный раз, когда Сергей был в Чернобыле. К начальству не попал, но сапоги в Днепре помыл, когда остановились на обратном пути отдохнуть.

Как-то за одну поездку в штаб пришлось трижды встретиться с упоминанием войны.

Подходя к машине, увидел двух пацанов, разговаривающих с водителем. Спросил, что делают в опасной зоне, а они рассмеялись:

- Мы здесь ещё до войны жили, это наша земля. Чего нам бояться?

- Войны? - Слово обожгло разум. - Какой войны?
- Так до взрыва.
- А радиации не боитесь?
- Бульбаши такая нация, не берёт нас радиация!

И прозвучало это так естественно, так обыденно, что у лейтенанта сжалось сердце.

Для Сергея война – это Великая Отечественная, Афган, Чечня. Это смерть и кровь, горькие слёзы и разлука, сожженные поля и пустые города. И в то же время война - это сплочённость и вера в победу. На обратном пути в голове то и дело в памяти всплывали кадры из фильмов: «Они сражались за Родину», «Судьба человека», «А зори здесь тихие»... и фраза: «Не прошли».

Кто же он такой, русский солдат? Почему он сражается до последнего ценой собственной жизни?

Да потому, что он понимает, как тяжело терять близких, как бесценна эта человеческая жизнь.

Ради чего проявляет он смекалку, профессионализм и ... человечность?

Ради неё, Родины, ради товарищей, стоящих с ним плечом к плечу, ради любимых, ждущих своего солдата. Не думал русский солдат о наградах, о том, что не вернётся, или вернётся калекой. Он просто выполнял свой долг.

А ради чего он, лейтенант Мишкарев и его товарищи ценой собственного здоровья борются с невидимой угрозой, кидая лопатами заражённый грунт?

Да ради того же чистого неба и чистой земли. Ради здоровья всего человечества. Ради улыбок детей и счастья матерей, не важно какой они национальности. Но важно то, чтобы каждое новое поколение помнило и гордилось своими героями.

Машина въехала на грунтовую дорогу, проходящую через заброшенную деревню. Взгляд зацепился за разбитое окно в одном из домов из которого выбилась занавеска. И всё бы ничего. Ну выбилась, и что? А нет, она трепетала на ветру, как белый флаг, как просьба о помощи. И тут же вспомнилась табличка на одном из покинутых зданий: «В июне 1942 года партизанский отряд особого назначения «Победители» под командованием полковника Дмитрия Николаевича Медведева был успешно десантирован в тыл врага. Несмотря на тяжёлые бои в первые недели, отряд вёл активную диверсионную деятельность».

- Ты служил? – почему-то спросил Сергей водителя?
- Служил. Афган прошёл.
- Там, наверное, страшно? Здесь для тебя отдых?
- Не скажи, лейтенант. Там противника видишь и знаешь, что от него ожидать. От обстрела укрыться можно, а здесь? Здесь страшнее. От этого противника никуда не укроешься и не спрячешься.

Дальше ехали молча.

- Ну что, ребята, за что пьём?
- За то, что живы. Несмотря и вопреки. За то, что живы, мужики! – хохотнул Александр и тут же погрустнел. Да, было радостно, что встретились, и грустно, что не все.

Молча выпили, закусили.

- А теперь - за очередную награду нашего друга, Сергея Ивановича Мишкарёва . - Савенков Александр высоко поднял бокал с соком. - На днях он получил вторую группу, как ликвидатор.

Все опять дружно выпили, а Сергей Иванович вздохнул:

- А я ведь там так и не прочитал ни одной книги, а фильм... фильм да, посмотрел, один, и то не полностью. Вызвали.

- Эт, ты, конечно, промахнулся, - покачал головой товарищ, - служил бы ПНШ, как раз и было бы время, за 6-то месяцев.

- Кто бы говорил! Сам-то за два месяца дозу набрал, тоже не в полку сидя!

- Это - да. А теперь мы носим группы инвалидности, как ордена.

Борис ПОСПЕЛОВ

Кетовский МО

с. Лесниково

НЕПРОСТОЙ УРОК

Прозвенел звонок, и школьники заполнили помещение класса. Остался последний урок, впереди — каникулы, восхитительное лето с интересными событиями, увлекательными мечтами и ожиданием чего-то нового, необычного. «Да, какой это урок, — смеялись дети, — просто классный час! Получим дневники с оценками за год, послушаем наставления учителя и разбежимся до сентября».

В кабинет вошла классный руководитель, учитель русского языка и литературы Анна Петровна. Ученики встали, приветствуя ее, и сели обратно.

— Я вижу ваше настроение, поэтому, задержу ненадолго, — улыбнулась женщина, — напомним вам, что лето — это не только пора отдыха, но и период самостоятельных занятий. Обязательно прочтите рекомендованные вам книги для внеклассного чтения в шестом классе.

— Мы прочитаем, обязательно прочитаем, — раздались нетерпеливые детские голоса. Было видно, что школьникам хочется быстрее вырваться из школы и заняться своими делами. Шум по рядам усиливался, наполняя класс весёлыми голосами.

— А ну, успокойтесь, — повысила голос классный руководитель. Класс затих.

— И последнее: когда вы придёте в школу в сентябре, у нас будет важный урок, и к нему необходимо серьёзно подготовиться, — произнесла Анна Петровна, акцентируя внимание учащихся на словах «важный» и «серьёзно». Тема урока называется: «Герои среди нас».

— Что значит «среди нас»? — спросил один из учащихся с рыжей челкой, проводя недоуменным взглядом по рядам.

— Петров, а что непонятно? Среди нас — это о людях, совершивших подвиг и живущих рядом с нами: в одном доме, в одном дворе, городе. Вы думаете, таких героев нет? Ну, что молчите?

— Можно я, — подняла руку одна из девочек.

— Да, Марина.

— Еще весной, мне мама рассказывала случай, когда дети плавали на льдинах на реке и один из них упал в воду. А рядом проходил десятиклассник из нашего двора. Он бросился в холодную воду и спас мальчишку. Это ведь тоже

подвиг! Ему грамоту за это дали. А он обычный парень, живет в нашем дворе. Я могу о нем написать.

— Молодец, очень хороший пример! — похвалила девочку Анна Петровна, и увидев поднятую руку, спросила:

— Андрей, что у тебя?

— А у меня отец воюет на Донбассе, он награжден орденом «Мужества», я о нем напишу,

— Все правильно, — произнесла учитель, — о военных, защищающих нашу страну, надо писать, они настоящие герои!

Класс ожил, школьники вспоминали людей, совершивших самые разные подвиги.

— Ну вот, видите, сколько вы вспомнили героев! — улыбнулась Анна Петровна. — Они живут или жили рядом с нами. Вам нужно выбрать своего героя, собрать о нём материал и написать небольшое сочинение. И в нём не только отразить сам подвиг, но и раскрыть характер героя, показать, каким он был или есть, в жизни. Я понимаю, это не просто, но попробуйте понять, почему человек не испугался смертельной опасности, совершая героический поступок. В новом учебном году мы поговорим о наших героях, которых может, уже и нет с нами, но они живут в наших сердцах и в нашей памяти, мы гордимся ими и берем с них пример.

Далее, пожелав ученикам хорошего отдыха, учительница отпустила детей с урока.

Одноклассники Павел и Максим вышли из школы.

— Ты о каком герое будешь писать? — спросил друга Максим.

— Пока не знаю. Поищу в компьютере, схожу в библиотеку, там посмотрю. Времени еще достаточно.

Пашка пришел домой, мать хлопотала на кухне, откуда доносился щекочущий ноздри аромат. Сын показал дневник с хорошими оценками за год, полагая, что теперь займётся любимыми делами, но его планам не суждено было сбыться, по крайней мере, в ближайшие две-три недели.

— Завтра поедem в деревню, к бабушке, — сообщила мама.

Павел не возражал, но внешне озаботился, сообщив, что хотел сходить в библиотеку, поискать материал.

— Нам в школе, — объяснил он, — дали задание, написать сочинение о герое, который живёт или жил рядом с нами. А я не знаю о ком писать.

— Подожди, — мать с серьезным видом посмотрела на Павла, — а зачем тебе искать героя? Твой дед Михаил был настоящий герой.

— Как герой? — удивился Павел.

— А ты разве не видел его награды? Он участвовал в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы и был награжден боевым орденом Красной Звезды. Вот про него и напиши.

— А что дедушка сделал? — спросил Павел, осмысливая услышанное.

— В 1986 году на Чернобыльской атомной электростанции была авария, настолько серьезная, что могли пострадать миллионы людей. И твой дед вместе с другими ликвидаторами этой страшной катастрофы, с риском для жизни устраняли её последствия, заплатив за это своими жизнями и здоровьем.

Павел практически ничего не знал о той катастрофе. Да, он слышал, что давно, когда он ещё не родился, была авария на Чернобыльской атомной станции. Но о ней вспоминали редко, обычно в День памяти об этой страшной трагедии.

Деда Михаила не стало восемь лет назад. Тогда Павлу было всего пять лет, и он помнил, как дедушка интересно рассказывал ему сказки, дарил игрушки, брал с собой на рыбалку и учил плавать. «А про свои подвиги он ничего не рассказывал. Жаль, что его нет с нами. Сейчас мы с ним совсем по-другому поговорили бы».

Бабушка с радостью встретила гостей.

— Наконец-то выбрались из своего города, — улыбалась она, — Павлик какой бледный! Но ничего, здесь на свежем молоке быстро поправишься...

Вечером пили чай, зашёл разговор об участии деда Михаила в ликвидации Чернобыльской аварии. Бабушка погрузилась, вспомнив печальные события тех лет. Они, хотя и остались в далёком прошлом, но память хранила их по-прежнему.

— Как сейчас помню, — начала она, — авария на атомной станции случилась 26 апреля 1986 года, хотя сообщили о ней позднее, в мае. Тогда мы жили в военном городке. Твой дед Михаил был военным лётчиком. Их часть построили, сообщили о пожаре на опасном объекте и необходимости отправки нескольких экипажей вертолётчиков для тушения. Можно было отказаться, но никто из пилотов этого не сделал. Они улетели, а мы, их жены, остались ждать. Вернулись они недели через две, — бабушка на мгновение замолчала, на глаза навернулись слезы, но она продолжила, — а знаешь, Павлик, про саму аварию и про участие в ней дедушки, тебе лучше расскажет его друг, Виктор Васильевич, наш учитель истории. Он собирает материалы о наших земляках, совершивших подвиги. В своё время, этим занятием, он увлёк всю деревню. Люди начали интересоваться своими односельчанами, узнали много нового и интересного. Стали гордиться своими земляками! А деда твоего — Михаила Захаровича, каждый год приглашали в школу, он приходил, рассказывал о той страшной аварии и о людях, принимавших участие в её ликвидации. Хотя сам скромный был... Завтра утром сходим к Виктору Васильевичу, он расскажет тебе про деда и покажет оформленный класс с наглядными материалами о наших земляках, которыми мы гордимся. Не в каждой деревне есть такой уголок памяти, а у нас есть!

На следующий день Павел с мамой и бабушкой пришли в сельскую школу, где их встретил Виктор Васильевич. В кабинете истории они увидели оформленные стенды с фотографиями и надписью крупными буквами: «Наши земляки. Мы гордимся ими!» На одной из цветных фотографий Пашка узнал деда Михаила, на другой, черно-белой, тоже был он, но молодой в военной форме, стоящий у вертолётки. На лице знакомая улыбка. Павел вспомнил её, дед часто шутил и улыбался... А вот разрушенный взрывом корпус энергоблока Чернобыльской атомной электростанции. Далее — город Припять. Раньше в нём проживали почти пятьдесят тысяч человек, в основном молодежь, а после аварии он полностью опустел, стал городом-призраком. На фотографиях пустые улицы, дворы, детские площадки, в песочнице брошенные игрушки. Люди уезжали из города быстро, без вещей, не думая, что покидают его навсегда.

Павел впервые услышал то, о чем раньше не имел никакого представления — о радиации.

— Люди не понимали её коварную сущность и опасность, — продолжил Виктор Васильевич, — и когда первые ликвидаторы аварии стали умирать от лучевой болезни, пришло осознание страшной трагедии, несущей смерть всему живому. Тогда надо было срочно тушить пожар, чтобы предотвратить распространение радиации. А как это сделать, если у здания энергоблока её смертельный уровень? И человек там мог находиться всего несколько минут. Пришлось дей-

ствовать на свой страх и риск. Первыми к тушению пожара приступили экипажи вертолетов. Они сверху бросали в бушующее пламя мешки с песком, выполнив сотни вылетов. Внизу был не просто пожар, а по рассказам очевидцев, бушующее кроваво-красное зарево, вспыхивающее, то радужным цветом, то ярким белым огнём. Настоящий ад, по словам одного из летчиков. Находившийся недалеко зеленый хвойный лес внезапно окрасился в бурый цвет. Появилась информация о первых погибших от лучевой болезни людях, которые собирали на земле графитовые стержни разрушенного взрывом реактора. Там всё вокруг дышало смертью, но люди не сдались, хотя могли погибнуть в любой момент. Твой дед Михаил рассказывал – когда они вылетели в первый раз для тушения пожара, то опустили на двадцать пять метров, чтобы сбросить мешки с песком в самый эпицентр взрыва. Затем хотели подняться, но вертолет застыл на месте. Лопасты крутятся, а движения нет. Оказалось, воздух в том месте был разреженный и вертолет на время стал неуправляемым. Экипаж спасло мастерство пилота, ну и техника не подвела. Ликвидаторы аварии сознательно шли на смертельный риск, чтобы спасти людей от страшных последствий катастрофы, поэтому, они настоящие герои. И среди них был твой дед Михаил Захарович.

— А что дальше было с дедом?

— Через несколько лет его комиссовали из армии по состоянию здоровья, и он работал начальником пожарной части в районном центре. Потом служил в МЧС. Часто приезжал сюда к нам, а потом, когда вышел в отставку, поселился в родительском доме, полностью отремонтировав его.

— А какой он был?

— Простой, добрый, никогда не хвастал, не хвалился, даже про свои награды не рассказывал. Последнее время он серьезно болел, но никогда не жаловался. А ты его совсем не помнишь?

— Помню, но я тогда маленький был, да и он никогда не рассказывал о своей службе, больше интересовался как дела у меня в детском садике, советовал делать по утрам зарядку, научил плавать, и пару раз брал с собой на рыбалку.

— А кстати, давай завтра утром сходим на рыбалку на озеро? Там и продолжим.

Пашка не возражал.

Утром они встретились и направились к озеру. Показывая на открытый участок водоема с песчаным берегом, Виктор Васильевич произнес:

— Это пляж. Пойдем дальше, здесь нам не дадут спокойно порыбачить. Скоро придут люди, будут купаться и всю рыбу распугают.

Примерно в метрах двадцати от пляжа, среди плотно росших камышей Пашка увидел узкий проход к воде. Свернули в него и оказались на берегу озера.

— Место хорошее, — произнёс Виктор Васильевич, — пару дней назад я здесь с десятком окуней поймал. Уха из них знатная!

Первым поймал окуня Виктор Васильевич, а затем удача улыбнулась и Пашке. Начался клёв, но в какой-то момент со стороны пляжа донеслись детские крики о помощи. Опустив удочку на землю, Павел выскочил через проход в камышах и вскоре оказался на пляже, увидев в метрах десяти от берега, перевернутую вверх дном деревянную лодку. За неё отчаянно цеплялся мальчишка, другой же судорожно хватал его за рубашку, пытаясь удержаться на воде. Оба кричали и звали на помощь. Бросившись в воду, Павел ухватил одного пацана за руку и подтянул к лодке.

— Хватайся за неё! — крикнул он, но в это мгновение сам ушёл под воду. Он

отчаянно работал руками и ногами, но за руку его схватил второй мальчик — тот, что был под водой. При этом он судорожно молотил ногами и сильно пнул Павла в бедро. Превозмогая боль, Пашка вытянул его на поверхность и всплыл сам, схватившись за борт лодки рядом со вторым мальчишкой, держащимся на воде. В это время к лодке подплыл Виктор Васильевич и начал толкать её к берегу. Мальчишки были напуганы случившимся. Одного буквально трясло от пережитого, а второй, со слезами на глазах и с дрожью в голосе, всё твердил про опрокинутую лодку.

— А ты молодец! — похвалил Павла Виктор Васильевич, когда они возвращались домой, — весь в деда! И внешне похож на него, и характер такой же.

Затем, немного задумавшись, произнес:

— Непростой урок памяти у вас будет в школе, но не сомневаюсь, что ты справишься.

Анастасия ДМИТРИЕВА

г. Курган

СКВОЗЬ ТУМАН РАДИАЦИИ...

Помните ли вы, когда закончилось ваше детство? Как это было? Захлопнулась ли дверца в этот мир навсегда или всё же можно заглянуть в щелку, чтобы хотя бы одним глазком увидеть ту счастливую пору? Вспоминается мне иногда рассказ Аверченко «Смерть африканского охотника». Несколько разочарований детства постепенно привели героя к его взрослению - закономерному процессу жизни. Наверное, так и должно быть. Ребенок должен прощаться с детством постепенно.

40 лет минуло с того дня, когда остановилось моё счастливое время. Детство кончилось, не успевши начаться. Оно растворилось в тумане радиации... Мне было 8 лет. Иронично, не правда ли? Символ бесконечности. Бесконечности скорби и горя, отчаяния и страха. Говорят, что каждый возрастной кризис на пути взросления нужно пережить плавно и естественно, сохраняя лучшие качества детства — искренность, любопытство и оптимизм. Но был ли у меня выбор в ту весну 1986 года?

В своих воспоминаниях я часто блуждаю в апреле 1986 года. Апрель в Припяти всегда был особенным. Каштаны уже выпустили клейкие листочки, а тополиный пух только готовился к своему белому танцу. Голубое небо было застегнуто на желтую пуговку солнца. Я сижу на подоконнике нашей уютной светлой квартиры. Смотрю, как внизу, во дворе, мамы прогуливаются со своими колясками. Озорники-мальчишки бегают с веселыми криками, а девчонки в песочнице красуются, спорят, чей же куличик лучше.

- Лёля, к столу! — крикнула мама из кухни.

- Бегу, мам, - кричу я из своей комнаты, хотя сама, конечно, даже еще не слезла с подоконника.

Сегодня суббота. У папы выходной, а мама готовит блинчики, источающие аромат по всей квартире. Папа уже сидит за столом, читает свежую газету. На первой полосе — улыбающиеся строители, новая ферма где-то в области. Всё как всегда, по-домашнему, уютно и спокойно.

— Пап, а сегодня пойдём на пристань?

— Пойдем, доченька, — он отложил газету и потрепал меня по голове.

Знать бы тогда, что в этот-то день и закончится мое детство. А если бы и знать, что можно было бы изменить?

Мы вышли гулять около трех часов дня. Яркое солнце играло лучами на наших беззаботных лицах.

– Смотрите, дым, – папа показал рукой в сторону станции.

– Должно быть, пожар, – прищурившись, сказала мама. – Странно, что не слышно сирен.

Я увидела, что над четвертым блоком поднимался столб дыма. Он был не чёрный, совсем даже не страшный, а какой-то неестественный, светящийся. Мне показалось даже, что красивый.

– Да тушат уже, наверное, – папа пожал плечами. – Не переживай.

Мимо проехали мальчишки на велосипедах. Человек пять, лет по десять-двенадцать. Кричали что-то весёлое, махали руками.

– Куда это они? – спросила мама.

– На станцию, – ответил кто-то из прохожих. – Говорят, там интересно. Пожар, а огонь разноцветный. Красиво горит.

«Счастливые!» – подумала тогда я, глядя на этих мальчишек, которым повезло увидеть что-то необычное. Мне тоже хотелось посмотреть на разноцветное пламя. Тогда никто ещё не знал, что это «красивое пламя» уже дышит смертью. Что те мальчишки на велосипедах через несколько дней начнут покрываться странными язвами, что у них выпадут волосы, что некоторых не спасут. Вы знаете, что радиация не имеет цвета, не имеет запаха? Она не предупреждает, что уже отмерила срок людям, оказавшимся рядом с ней.

Весеннее настроение куда-то улетучилось, папа старался не показывать своего волнения, а мама как-то нервно держала его под руку. Этим же вечером папа включил телевизор, но ничего тревожного не передавали. Только музыка, концерт, поздравление шахтёрам с профессиональным праздником. Мама напояла меня чаем с медом и сказала, что завтра воскресенье и можно поспать подольше. Я заснула под ровный гул города. Припять не спала – станция работала. Только вместо мира она производила теперь смерть. Сколько лет минуло с той ночи, а я до сих пор засыпаю с тревогой.

Ночью я проснулась от странного звука. Папа ходил по квартире. Одетый, хотя на часах только начало пятого. Мечется по комнате, что-то ищет.

– Пап?

– Спи, дочка, спи. Я на работу.

– Сейчас же ночь...

– Спи, я сказал.

Голос у папы был необычный – чужой, резкий. Я натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Но сон уже ушёл. Было слышно, как папа и мама разговаривают на кухне. Мамин голос, испуганный, навсегда врезался в мою память. Входная дверь хлопнула.

Утром я проснулась...

– Мам, а где папа?

– На станции, доченька.

– А почему? Сегодня же выходной.

Мама не ответила. Только отвела взгляд. Стало ясно, что случилось что-то страшное. Весь день город был странным. По улицам ездили военные машины, хотя обычно в воскресенье здесь было тихо. Кто-то мыл асфальт – ехала поливальная машина, оставляя за собой мокрый след и запах какой-то химии,

зачем-то поливали на деревья, на едва распустившиеся листочки. Уже потом я узнаю, что так пытались смыть радиацию. Можно ли смыть радиацию? В этот воскресный день я впервые почувствовала странный привкус во рту. Мама дала мне таблетки йода, сказала, что так надо. А я уже и не задавала вопросов. Этот день навсегда превратил любознательную почемучку в молчаливую девочку, которую пугала неизвестность. Ясно было одно – произошло что-то страшное...

Папа вернулся под ночь. Он был бледный, молчаливый. Быстро поел и лёг спать. Я слышала, как мама шептала ему что-то, а он отвечал: «Надо было идти. Выбора не было. Совесть бы замучила. Там ребята молодые, а я опытный. Сам пошёл. Никто не заставлял. Приказов не было». Он не сказал тогда, что пошёл туда, где радиация зашкаливала, где насосы нужно было охлаждать вручную. Не сказал, что отправлял подчинённых подальше от опасных участков, а сам шёл в адское пекло. Не сказал, потому что такие вещи не говорят восьмилетним девочкам перед сном.

На следующий день папа рано утром ушел на станцию, а город охватила паника. Я читала в одном медицинском исследовании работы головного мозга о том, что психика человека блокирует травмирующие воспоминания, чтобы организм не навредил сам себе. Видимо, так и произошло со мной. Все, что было позже, я помню довольно смутно, какими-то обрывками, клочками. Автобусы вереницей стояли в Припяти, военные в защитных костюмах, плач ничего не понимающих детей, страшное волнение взрослых и отчаяние в глазах моей мамы...

Меня увезли к родственникам в Калугу, где и суждено было мне остаться. Папу я уже больше не видела. Через несколько дней после аварии его увезли в Москву, в больницу, которая стала его последним пристанищем. Мама поехала за ним, её не пускали, потому что огромная доза радиации, полученная отцом на станции, была опасна и для неё. Позже она расскажет мне, что отец менялся каждый день. Ожоги выходили наверх... Они были повсюду: во рту, на языке, щеках. Сначала это были маленькие язвочки, но потом они разрастались. Пластами отходила слизистая, затем и кожа. Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серо-бурый... Клиника острой лучевой болезни – четырнадцать дней... За четырнадцать дней человек умирает... Мама говорила, что ещё до моего рождения они мечтали побывать в Москве, погулять по Красной площади, увидеть своими глазами парад Победы. Получается, в Москве побывали... Жаль, что их совместная мечта осуществилась вот так...

Позже, уже в калужской школе, подростком я не любила разговоры об аварии на Чернобыльской АЭС. Я убегала в слезах с классного часа, но учительница никогда меня не ругала, а только спокойно объясняла, что про это нужно говорить. А зачем? Каждый раз вспоминать, что эта авария забрала у меня папу, забрала у меня детство?

Теперь-то я понимаю, зачем надо говорить об этом. Даже через боль, нестерпимую боль, говорить об этом необходимо. Чернобыль — это не просто страница в учебнике истории, это живой урок, который человечество не имеет права забывать. Каждую весну, когда природа оживает, обновляется и расцветает, человечество останавливается перед датой, которая обязательно должна напоминать о том, какой ценой дана эта жизнь. Вспоминая Чернобыль, мы говорим «спасибо» ликвидаторам и признаем, что наш сегодняшний мир — результат их самопожертвования этой жуткой аварии. Эта катастрофа, думается мне, стала горьким уроком того, к чему приводят технологическая самонадеянность, сокрытие информации и пренебрежение безопасностью. Это всё напоминает нам, что

цена секретности и безответственности может быть непомерно высокой. Помнить об этом — значит не допускать повторения ошибок.

На моем столе всегда лежат таблетки, которые я пью с того 1986 года на протяжении всей жизни. Через год после аварии у меня обнаружили гипотиреоз, который помешал мне иметь детей. А еще стоит деревянная шкатулка, подаренная мамой. В ней я храню медаль папы, полученную посмертно. Она квадратная с позолоченной отделкой. В центре - круг, внутри него — красная капля крови на голубом эмалевой фоне. Через каплю в разные стороны проходят золотистые лучи. Золотые лучи моего ушедшего детства... Часто во сне сквозь туман радиации я вижу своего папу, молодого, счастливого и здорового. Просыпаясь, каждый раз твержу: «Спасибо, папа. Спасибо, родной...»

Наталья КОРОБЕЙ
Куртамышский МО
с. Костылево

ПОДУМАЙ, ЧЕЛОВЕК, О БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЯХ! **Рассказ очевидца**

26 апреля в Припяти был день как день. Я проснулся рано: на полу теплые солнечные зайчики, в окнах синее небо. На душе хорошо! Вышел на балкон покурить. На улице уже полно ребят, малыши играют в песке, старшие гоняют на велосипедах. К обеду настроение стало и вовсе веселым. И воздух стал ощущаться острее. Металл — не металл в воздухе... что-то кисленькое, как будто батарейку от будильника за щекой держишь. А в воздухе в это время было уже до тысячи миллибар в час. И плутоний, и цезий, и стронций. А уж йода-131! Но мы-то этого не знали тогда!

Потом был взрыв. Огонь. Взметнулось атомное облако Чернобыля.

Я не почувствовал боли. Только сознание помутилось. Затем наступила тьма.

- Что это? Смерть? Неужели так быстро? Какое сегодня число? 26 апреля 1986год. Помню... Значит, живой! Надо встать и идти. Люди ждут помощи. Вижу коридор... В конце коридора — свет...Я уверен: там выход. Ноги не слушаются. Медленно, даже очень медленно поднялся с земли. Всё тело дрожит от слабости.

Вспомнил...Ещё 6 апреля поступил сигнал «один, два, три, четыре», что означало: на станции возникла ситуация с ядерной радиационной, пожарной и взрывной опасностью, т.е. присутствие всех видов опасности. Тогда уже было ясно, что реактор разрушен. Из жерла реактора постоянно истекал белый, в несколько сот метров высотой белый столб продуктов горения, видимо, графита, а внутри было видно мощное малиновое свечение.

Но нужно идти. Идти на свет. Трудно...Тяжело дышать...

Всё-таки вышел. На фоне черно-дымящего реактора жил город, с его домами, детскими площадками, парками, улицами, рекой, людьми, все еще не понявшими до конца, что произошло. Пожарные, которые первыми прибыли на вызов, не знали о серьезности ЧП на четвертом энергоблоке. Они понятия не имели, что дым, поднимающийся над горящим реактором, чрезвычайно опасен. Они шли на смерть, не понимая этого. Мощность излучения от обломков из активной зоны была около 1000 рентген в час при смертельной дозе в 50. Плохо пожарным стало почти сразу, но они списывали это на дым и высокую температуру, о радиации никто не думал. Но потом они стали терять сознание.

Когда в медсанчасть Припяти доставили первую группу пострадавших, у них был очень сильный «ядерный загар», отеки и ожоги, рвота, слабость. Почти все первые ликвидаторы погибли. Хоронить героев пришлось в запаянных гробах под бетонными плитами — настолько радиоактивны были их тела.

Одна из страшных примет — люди с «ядерным загаром». Те, кто схватил большую дозу радиации, удивлялись, почему кожа вдруг стала бурого цвета, даже под одеждой. Тело уже было повреждено интенсивным излучением. Не все догадывались об опасности: в день аварии многие и вовсе специально загорали на крышах и на речке возле АЭС, а солнце усиливало действие радиации. Врачи, которые принимали первых облученных по «ядерному загару», определяли наиболее пострадавших.

Я оказался в эпицентре и стал свидетелем, как пожарные и операторы, рабочие и солдаты, ученые и офицеры, академики и генералы пытались укротить атомное облако Чернобыля. О героизме простых людей потом напишут книги. Это была самая большая техногенная катастрофа в истории. Авария на Чернобыльской АЭС унесла тысячи жизней, обрушила главный религиозный культ XX века – веру в технический прогресс. В результате аварии в окружающую среду было выброшено огромное количество радиоактивных веществ, загрязнивших территории Украины, Белоруссии (ныне Беларусь), России и других стран Европы. В течение первых трёх месяцев после аварии скончалось 30 человек, ещё 19 смертей с 1987 по 2004 год предположительно можно отнести к её прямым последствиям. 134 человека из числа ликвидаторов последствий аварии перенесли острую лучевую болезнь той или иной степени тяжести. Высокие дозы облучения, в основном работников станции и ликвидаторов, послужили причиной четырёх тысяч дополнительных смертей - последствий облучения. Это количество жертв существенно меньше приписываемого чернобыльской катастрофе общественным мнением.

Все сделалось опасным для жизни. Даже сама земля, которая прежде производила жизнь. Из 30-километровой зоны вокруг АЭС, включающей города Припять (47тыс. человек) и Чернобыль (13 тыс. человек) эвакуировано всё население - более 115 тысяч человек. Для ликвидации последствий привлечено более 600 тысяч человек.

Чернобыль изменил весь мир и каждого из нас. Прошло 40 лет, но до сих пор отголоски этой трагедии встречаются: рождаются дети - инвалиды, огромное количество людей умирает от рака. Ликвидаторы, свидетели Чернобыльской аварии, уходят.

Мне повезло. Я не умер. Но с болью в сердце вспоминаю эту Чернобыльскую катастрофу. Хочется крикнуть на всю Вселенную: «Подумай, Человек, о будущих поколениях! Нельзя, чтобы это повторилось!»

Олеся МУРАХТИНА
Шадринский МО
с. Красная Нива

ВЕРНУЛСЯ

Лето 1986 года в селе Красная Нива, что под Шадринском, стояло обычное. Знойное, пыльное, с запахом свежего сена и разогретой листвы. Анатолий Ершов, бригадир слесарей на свиноводческом комплексе, крутился как белка в

колесе: хозяйство большое, техника требует заботы, да и дома дел невпроворот.

Дома его ждали жена Евгения и двое пацанов. Старший, Алексей, уже серьёзным был, четырнадцать лет — отцу помощник. А младший, Сашка, только-только ножками топтать начал, ему годик всего стукнул. Жили они дружно, хоть и хлопотно. Анатолий был мужиком крепким, спокойным, из тех, на кого в трудную минуту вся надежда. Коммунист, бригадир — значит, ответственный.

В августе, когда ещё по-летнему припекало, в дом пришла повестка. Не обычная, военкоматовская, а какая-то особенная. Евгения, глянув на конверт, побледнела. Анатолий прочитал и помрачнел. Одно сказал:

— Надо ехать.

В стране тогда только и разговоров было что о Чернобыле. Взрыв, зараза, авария. По телевизору говорили скупно, но по деревне слухи ползли страшные. Знали: кого туда отправляют, тот словно на войну уходит, только война эта невидимая, от нее ни окопом, ни броней не защитишься.

Собирался Анатолий молча. Женя плакала в сенях, чтобы он не видел. Спросила шепотом:

— Зачем ты? У нас же дети, Сашка маленький...

Анатолий вздохнул, притянул ее к себе, рукой по волосам провёл.

— Никто, Женя, не хочет. Но если все будут дома сидеть, кто ж эту заразу тушить будет? Я бригадир, я привык порядок наводить.

Сел на лавку, взял на руки сонного Сашку, прижал к груди. Посмотрел на Алексея, насупившегося в углу, и сказал строго:

— Ты за мать теперь и за брата в ответе. Слышишь? Алексей кивнул, сглатывая комок в горле.

Уехал Анатолий. Два месяца о нем почти не было вестей. Евгения спать перестала, каждую ночь к порогу выходила, смотрела в темноту. В совхозе мужики, которые понимали, о чем речь, шапки перед ней ломали, помогали чем могли. Знали: мужик их туда уехал, в самое пекло.

А там, в тридцатикилометровой зоне, было не до писем. Свиноводческий комплекс, где Анатолий всю жизнь проработал слесарем, казался детским садом по сравнению с тем, что творилось на станции. Его бригада — слесари по техобслуживанию — делала самое грязное дело: разбирали завалы, мыли технику, работали там, где счетчик радиоактивности щёлкал, как пулемёт.

Работали в хлорвиниловых костюмах, в респираторах, по шестнадцать часов. Жара стояла страшная, а снимать защиту нельзя — смертельно.

Анатолий, мужик крепкий, привыкший к тяжёлому труду, там понял, что такое настоящий ад. Но он не ныл. Он делал своё дело — чинил, чистил, восстанавливал. Как бригадир, он и за своими следил, чтобы те в отчаяние не впадали.

Вскоре в совхоз пришло письмо из Чернобыля на имя директора совхоза. В нём говорилось, что Ершов Анатолий Данилович в период ликвидации аварии проявил высокую гражданскую ответственность, мужество и дисциплинированность. С честью выполнил свой долг перед Родиной. Евгении это письмо зачитали в правлении, но она только тихо плакала, комкая платок: ей бы мужа живым увидеть, а не грамоты.

Через два месяца, в октябре, когда уже и на Урале похолодало, Анатолий вернулся домой.

Возвращались они втроём: Анатолий и двое его попутчиков — Михаил и Степан, мужики из-под Омска. Вместе ехали в одном вагоне, вместе мыкались на перекладных от самой зоны. Все трое уже получили свои справки, все трое хоте-

ли одного: скорее к родному порогу, в баню, на чистую простыню.

Но в дороге случилось неладное. Где-то после Челябинска, когда поезд уже набирал ход, Михаил вдруг побледнел, схватился за грудь, и его скрутило так, что он с лавки съехал. Степан кинулся к нему, Анатолий побежал за проводницей. Врача в поезде не оказалось, но подоспел какой-то военный попутчик, глянул на Михаила, потрогал лоб и спросил:

— Ты оттуда? Из зоны?

Михаил только кивнул, зубами от боли щёлкая.

— Вещи покажи, — сказал военный.

Стали они разбирать тощий мешок Михаила. И на дне, в носке завёрнутый, нашли камень. Обычный серый булыжник, каких в тех местах тысячи.

Только когда военный поднёс его к дозиметру, тот захлебнулся треском.

— Ты что же, — говорит военный, — землю оттуда на память прихватил? Это же смерть твоя.

Михаил только губы сжал. Говорил потом, что хотел сынишке показать — вот, мол, где батя был. Не знал, не ведал, что камушек тот фонит на всю катушку.

На ближайшей станции их поезд остановили, сняли Михаила со Степаном. Анатолий хотел остаться, но проводница сказала: «Тебе тоже надо домой, лечиться. Ты тут не поможешь». Так они и расстались. Михаила увезли в местную больницу, а Степан остался при нём. Дальше Анатолий ехал один.

Вышел он из автобуса на остановке в Красной Ниве. Увидела его Евгения — и сердце упало. Будто не муж вернулся, а тень его. Лицо серое, глаза запавшие, на скулах — какая-то неестественная краснота. Осунулся, постарел лет на десять. Но жив! Стоит на земле своей, улыбается.

Она бросилась к нему, обхватила, а он рукой машет:

— Тише, тише, Женя. Я весь сейчас... радиоактивный. Мне в баню сначала.

Пока он парился да отмывался, рассказал, что дали ему справку: доза облучения — 25 рентген. Много это или мало — никто тогда толком не знал. Врачи разводили руками, сказали: лечиться надо, за здоровьем следить.

Старший, Алексей, увидев отца, сначала стеснялся, а потом всё же подошёл, плечом прижался. Младший Сашка, который за два месяца успел забыть отца, долго его разглядывал большими глазами, а потом потянулся на руки.

Сели они за стол. Евгения наставила щей, нажарила картошки с салом. Анатолий ел медленно, и все молчали.

Потом он отодвинул тарелку, обвёл глазами дом, жену, ребят, за окном — свой огород, соседские крыши, берёзку у забора. Сказал тихо:

— Ну вот, я и вернулся.

Никто не плакал. Только Евгения тихонько перекрестилась в угол, на икону, да Алексей, чтобы не видели, кулаком слезу смахнул.

Через несколько дней Анатолий дозвонился до Степана. Тот рассказал, что Михаил так и не вернулся домой. Умер в той самой больнице на станции, куда его сняли с поезда. Не выдержало сердце, да и доза на том камне была страшная. Не доехал мужик до своего Омска, до жены, до сынишки, которому хотел камушек показать.

Анатолий тогда долго сидел на крыльце, смотрел в землю. Вспоминал, как они в зоне сутками не спали, как друг другу сигареты подносили, как Михаил смеялся: «Главное — вернуться». Не вернулся.

Жизнь пошла своим чередом. Анатолий Данилович снова встал к станкам на свиноводческом комплексе. Только здоровье уже было не то: сказывалась та

проклятая доза. Но мужик он был крепкий, коренной. Сказал себе: «Главное, я жив. Жена рядом, сыновья растут».

И жил он дальше. Работал, дом строил, сыновей воспитывал. А в селе про него говорили просто: «Толя Ершов? Это который Чернобыль тушил. Слава богу, вернулся».

Но вернулся он не насовсем. Через четырнадцать лет, в 2000-м, сердце, подорванное той невидимой войной, всё же остановилось. Анатолий Данилович Ершов ушёл из жизни, оставив после себя дом, сыновей и долгую память, которую не смыть ни дождём, ни временем.

Александр АНТОНОВ

г. Курган

РАССКАЗ-ВОСПОМИНАНИЕ

В мае 1987 года повесткой пригласил меня военкомат на сборы продолжительностью 180 суток.

Стали медкомиссию проходить и поняли, что сборы на ликвидацию последствий аварии ЧАЭС. После медкомиссии ещё и собеседование. Председатель комиссии майор-танкист спрашивает:

– У вас есть объективные причины уклониться от выполнения правительственного задания?

– Никак нет, – отвечаю майору, – даже наоборот, имею желание поехать.

– Молодец. Вот товарищи, – показывает на меня рукой, – с кого нужно пример брать.

А я рассуждал просто. Если собрались забрать на сборы, так всё равно заберут. Не заберут сейчас, заберут зимой. А летом всё же лучше, чем зимой. Ну и вспомнил фразу из книги одного из сибирских писателей:

«Суслик тоже добровольно из норы выскакивает, если туда ведра четыре воды вылить».

Думаю, выскочу, пока не облили.

Долго ещё потом меня народ спрашивал: «Неужели, в самом деле я добровольно поехал на сборы?».

Последний раз спрашивал об этом меня мой земляк и однополчанин, умерший недавно Волосников Николай Дмитриевич.

Я у него и поинтересовался:

– А что ты ответил майору-танкисту?

– Не хочу ехать, – ответил.

– А разница какая? Ехали же в одном эшелоне. Только ты в первом, а я во втором.

Короче, целый эшелон добровольцев прибыл в Брагинский район Гомельской области для смены, набравших предельную дозу радиации военнослужащих и партизан 28ПХЗ.

Распределили нас по подразделениям. Я и мой товарищ Валера Котов, а знакомы мы с ним были ещё по сборам в Алапаевске 1979 года, попали в первую роту инженерно-технического батальона.

Котов был назначен командиром первого взвода, а я второго.

В первый день после поездки и работы на ЧАЭС, после бани, собрались в

штабе батальона на совещание.

Комбат, сидя за столом, обводит взглядом офицеров батальона.

– Прошу доложить результаты работы на станции.

Все молчат.

Комбат, читая что то в своём блокноте, поворачивает голову в мою сторону и чуть повышает голос:

– Первая группа – очистка территории ОРУ–750. Каков результат?

Оп–па. Первая группа, это же моя. Соображаю, что же докладывать? Пока поднимаюсь, приходит мысль...

– Командир группы лейтенант Антонов. Первая группа, состав двадцать шесть солдат, сержантов, два офицера – старший лейтенант Макаренко и лейтенант Антонов.

– Да знаю, – перебивает комбат, – результат доложи.

Я пока азбучные истины излагал, вспомнил, что 16 контейнеров заполнили наши мужики. А каждый контейнер имеет объём около кубометра.

– Первая группа, снято шестнадцать кубометров зараженного грунта.

– Молодец. Садись, – командует комбат, – вторая группа.

Встает командир второй группы, собирается докладывать. И тут же встает командир нашей роты, на гражданке он прорабом работает, в отличии от меня, мастера литейного цеха.

– Товарищ майор, не могла группа лейтенанта Антонова сделать шестнадцать кубометров. Дело в том, что в связи с рекомендациями, контейнера наполнялись не до самого верха. Если взять во внимание то, что каждый контейнер не заполнен сантиметров на 10–15 до верха....

– Это, что такое? Садитесь, товарищ старший лейтенант. Здесь совещание офицеров, а не собрание гаражно–строительного кооператива. Вы что, своему подчиненному не верите? Сказал офицер – шестнадцать, значит шестнадцать...

Совещание закончилось совсем с неожиданным для меня результатом. Комбат назначил меня писать отчеты в штаб полка. Отчеты о проделанной за сутки работы, за весь батальон. И попросил учесть замечание командира роты.

После этого совещания меня «председателем ГСК» в батальоне стали величать.

Служили, ездили на станцию (ЧАЭС) проводили работы по очистке, писали отчеты, ходили в наряды. Неожиданно заболел командир роты, отправили его в госпиталь, а сами пошли на совещание. Сидим в штабе. Комбат поднимает голову и резко спрашивает:

– Первая рота. Почему пустоует место командира роты?

– Так он в госпитале.

– В госпитале заболевший старший лейтенант Кондаков, а место командира роты никогда не вакантно. Прошу занять. Кто у вас командир?

Смотрит на меня.

Встаю и отвечаю:

– Как это принято в армии, место выбывшего командира занимает командир первого взвода.

– Что? Котов, командир роты? Никак нет! – отрубил комбат – Антонов, ты принимай командование.

Что мне оставалось? Только ответить – есть. Ибо особых благ от этой нагрузки не приобретёшь.

А Котов после совещания театрально вещал в сторону:

– Не понял? Чем это он лучше командира первого взвода.

Понятно, ехидничает.

– Так это, я ростом выше и фамилия у меня лучше.

– Чего? Какая такая фамилия? Нашел чем гордиться. То ли дело Котов! Звучит!!!

Когда перешёл на должность ПНШ, как раз впервые проводил замену личного состава. Рано утром всех тех, кто набрал предельную дозу радиации, должны были увезти на станцию Хойники и эшеленом отправить домой на Урал. Составили списки, подали заявку на получение денег. После обеда, ближе к вечеру пошел к начфину получить деньги на всех увольняемых. Сумма около 30 тысяч советских рублей. Начфин из кассы не отпускает меня.

– Не положено без охраны. По инструкции перевозка денег только с сопровождающим.

И тут влетает в финчасть Валерка Котов, и орёт на меня с порога:

– Ты, чо сидишь? Мы деньги ждём!!! А он сидит!!!

Начфин ему:

– Ты кто?

Котов в ответ:

– ЭТО Я!!! КОТОВ!!! Третий батальон!

Начфин радостно:

– А, охрана!

Пришли в штаб батальона, выдал я Котову деньги. Он еще дорогой говорил мне, что он банку трёхлитровую приготовил в деревню за самогоном бежать.

Вышел Котов из штаба и через 10 минут входит в палатку патруль.

– Из вашего штаба вышел военнослужащий и побежал в деревню, с 3х литровой банкой в авоське, наверное за самогоном. Кто это?

Я отвечаю

– Спросите у него сами, надо полагать, он умеет говорить.

– Так как мы у него спросим? Он от нас убежал.

– А–а, убежал! Так может это не наш.

Они ушли, припугнув, что поймают беглеца на обратном пути. Минут через 7–8 заходит Котов.

– Тоже мне ловцы нашлись. Пришлось банку бросить. И бежать не в деревню, а в сторону.

Уже после возвращения домой народ спрашивал:

– Правда, что вам в Чернобыле красное вино выдавали на обед?

– Нет. Даже и самогона невозможно без приключений купить..

Анастасия КОШЕЛЕВА

Курганский технологический колледж

«ЖЕЛАЮ, ЧТОБЫ ПОДОБНОЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРЯЛОСЬ...»

Это всё казалось сном. Та тёплая погода, та радость вернуться домой пораньше, те места, что каждый местный знал как свои пять пальцев. Разве кто-то мог подумать, что это всё может исчезнуть в одну ночь? Конечно, нет. Но именно так и произошло.

Утро 26 апреля 1986 года ничем не отличалось от других дней. Обычный

подъем, каша и несколько бутербродов на завтрак. Правда, родители выглядели немного странно. Вроде вели себя, как обычно, но в движениях виднелась не присущая им рассеянность. Особенно у мамы, что уронила одну из тарелок и рассыпала часть соли на пол. Папа же чуть не разбил свою обожаемую кружку. Думаю, мир бы перевернулся, если бы он хоть раз выпил из другой. Именно так я тогда и подумала, не придав этому поведению особого значения.

- Майя, почему не ешь? - обратилась тогда мама к моей старшей сестре. Она старше меня на шесть лет, в тот год, в конце февраля, ей исполнилось четырнадцать.

- У меня контрольная по истории, а я ничего не знаю! - сестра всегда любила дуть губы по любым пустякам.

- Успокойся, глупенькая, справишься, - папа быстро поставил свою кружку в раковину и вышел в коридор.

- Дорогой, ты уже на работу? Не рано ли? - мама стояла в коридоре с полотенцем в руках.

- Да, позвонили, сказали, возникли какие-то проблемы.

Дальше я их слушать не стала. Мало ли что бывает у взрослых. Тем более восьмилетнего ребёнка тогда мало, что волновало.

Остальное время до первого урока прошло, как в тумане. Нам с сестрой идти до школы не больше пяти минут. Правда, я хорошо запомнила, как много людей ходило на улице. Я, по словам сестры, тогда восхищённо осматривалась по сторонам, как будто не ходила этой дорогой всю свою жизнь и разглядывала взрослых вокруг. В самой школе у нас должно пройти четыре урока: математика, русский язык, чтение и физкультура. Но уже перед русским языком учительница стала носиться туда-сюда, как будто о чём-то переживала. Она у нас была молодая, возможно, даже только что выпустившаяся студентка.

- Эй, Таня! - окликнул меня один из одноклассников.

- Чего тебе нужно, Пашка? - вмешалась Аня, моя соседка по парте.

- Я не с тобой разговариваю, - пропыхтел мальчик. Вечный бездельник, он был одним из тех, кто мог похвастаться разве что физической силой, а не умом, - Танька, ты слышала, что в реакторе что-то бабахнуло!

- Серьёзно?

- Ага! Мою маму на работу вызвали, сказали, там что-то сделало «Бум»! - мальчик развёл руки, изображая взрыв. Он явно тогда был доволен моей реакцией.

- Да врёт он! - тихо сказала Аня.

- Ребята! - голос учительницы отвлек нас от спора, - После русского языка вы все пойдёте домой, только возьмите таблетки и тряпки! И идите домой сразу, не гуляйте долго на улице!

Моя детская радость не видела никаких преград. Когда урок закончился, я вместе со всеми ребятами вышла на улицу. Небо всё также оставалось голубым, а солнце слепило глаза. Несмотря на слова учительницы, я решила прогуляться, пока сестра ещё училась. Было такое ощущение, что весь город решил выйти на улицу. Там ходили люди всех возрастов. Но я, по детской глупости, лишь прошла чуть дальше и дошла до конца нашего микрорайона. Только тут я поняла, что воздух какой-то странный. Как будто немного кислый. Совсем рядом со мной две бабушки сидели на лавочке и шептались.

- Эй, смотри, какое дитё малое, и одна совсем!

- Да потерялась, небось. Ты видала, как весь город на уши встал! Говорят,

что-то на четвёртом энергоблоке взорвалось. Эвакуировать всех вот собираются.

- Да брось ты, Нин, чего только люди не придумают! Да чтобы при советской власти и взрыв? Да быть такого не может!

Я в этот момент обернулась и увидела мягкую игрушку. Это был медведь, маленький такой, валялся прямо посреди дороги. Я взяла его и хотела, было, спросить у тех бабушек, чей он, как их след простыл. Тогда я и вернулась к школе, а там уже и сестра вышла. Мишку я спрятала в рюкзаке, о чём потом горько пожалела.

Я плохо помню, что было после возвращения домой. Мама что-то говорила, быстро собирала наши с сестрой вещи, а потом довела нас до папиной машины. Всех, кого бы мы ни спрашивали, отвечали, что эта поездка на пару дней. Мама решила отправить нас к бабушке в Минск. Сестра возмущалась, ведь это очень далеко от Припяти, но папа сказал, что так будет лучше. Он уже тогда выглядел не очень хорошо, но последствия того дня проявились позже. Когда мы отъезжали, я видела много автобусов, что рядами стояли на дорогах. Зрелище было очень увлекательное для маленького ребёнка. Правда, мы тогда не знали, что в последний раз едем по этой дороге. Когда мы приехали, то только и ждали новостей от мамы. Но вместо них, спустя эти самые пару дней, папа забрал почти все наши с сестрой вещи и куда-то увёз. Как позже нам рассказали, на них было много радиации, особенно на моих вещах. Того самого мишку я спрятала и потом всем врала, что нашла его уже здесь, в Минске.

Мама вернулась к нам лишь через месяц. Тогда, даже восьмилетняя, я понимала, что происходит что-то плохое. Сестра плохо спала по ночам, папа часто ходил с головной болью, а мама сильно кашляла. Мы все обследовались в больнице, и всех, кроме меня, положили в больницу. Радиационное облучение всей семьи оказалось почти критическим. Но, на моё счастье, все выжили, хотя бы на какое-то время.

Жизнь на новом месте и в новом коллективе в школе проходила трудно. Сначала нас приняли спокойно, но спустя несколько лет, когда я училась в средних классах, детей из Припяти и Чернобыля стали называть «мутантами». В моём классе большинство детей приехали из Припяти, и поэтому меня тоже не избежала эта участь. Я видела, как это происходило с другими на переменах в школьных коридорах и на улице после уроков. Я жаловалась учителям, но это лишь немного ослабляло пыл обидчиков.

Последствия этой трагедии сказались на нашей семье, когда мне исполнилось пятнадцать лет. Тогда умер папа. Он долго болел, а в одно утро просто не проснулся. Спустя несколько лет за ним ушла и мама. Радиация медленно их убивала, а врачи ничего не могли с этим поделать и просто их отпускали домой, разводя руками. Мы с сестрой остались одни. Именно в тот год, когда мамы не стало, я достала из кладовой мишку, что нашла в тот злосчастный день и вывезла за город, закопав настолько глубоко в землю, насколько смогла.

Сейчас прошло уже четырнадцать лет с той аварии. Я поступила учиться на журналиста, а сестра стала учителем и даже обрела семью. Её годовалая дочка, Лена, очень на неё похожа в детстве. Сейчас мы живём в разных городах и лишь иногда созваниваемся. Надеюсь, она когда-нибудь прочитает эту запись. И не только она. Пусть все не забывают об этом событии, ведь эта трагедия должна послужить уроком для будущих поколений, чтобы люди такого больше никогда не видели. Чтобы люди больше никогда не чувствовали горя от потери любимых из-за радиации...»

Дописав последнюю строчку, Таня медленно положила ручку. В комнате стояла гробовая тишина, не было слышно даже тиканья старых часов, висевших на одной из стен. Вокруг на тумбочках и шкафах летала пыль, до которой всё не доходили руки. На улице же только-только начинали просыпаться птички, заводя свои утренние разговоры. Город же пока спал.

Девушка, не спеша, осмотрела свою тетрадь. Обычная школьная тетрадка, которую студентка использовала вместо дневника. Все мысли, переживания и важные события были записаны маленьким аккуратным почерком. Только последняя запись заставляла Таню сжимать тетрадь сильнее положенного. Тонкие листы не выдержали и помялись, но не скрыли написанного текста. Девушка не знала, зачем именно она это написала. Вряд ли её преподаватели с отделения журналистики оценят подобную рукопись. Им проще счесть это за обман или за выдумку. Но она чувствовала, что должна была это сделать.

Внезапная боль в груди заставила девушку вернуться в реальность. Жжение в лёгких, ощущение каждого вдоха не предвещали ничего хорошего. Остатки радиации до сих пор оставались в её теле, принося в жизнь ещё больше мук. Пока её знакомые из Припяти учились, встречались, кто-то даже заводил семью, Тане приходилось жить с болью пережитого. Девушка не была одна, её окружало много хороших людей, но они никогда не заменят родную семью. Сжав руки в районе груди, Таня быстро задышала. Она должна донести эту тетрадь до своей соседки. Если не Таня, то пусть хотя бы Аня расскажет всем, каким жестоким бывает мир, и сколько боли может принести чья-то на первый взгляд небольшая ошибка. Ком в горле перекрыл дыхательные пути. Громко закашляв, девушка оттолкнулась от стола и, роняя стул, встала на ноги. Приторный вкус железа давал полное понимание - дело плохо. Посмотрев на свою руку, которой она прикрыла рот, Таня побледнела. Алая жидкость стекала с ладони. «Вот же чёрт» - пронеслось у неё в голове. Взяв тетрадь чистой рукой, Таня пошла к двери, но закружилась голова, ноги подкосились, и она с громким стуком упала на пол. Уже не было сил вставать. Кашель не прекращался, а в мыслях лишь крутились воспоминания о том, как мама лечила её от простуды в последний год, когда они всей семьёй ещё жили в Припяти. «Хочу домой...» - была последняя мысль, успевшая пролететь в голове Тани, прежде, чем её веки закрылись, а рука медленно отпустила тетрадь, которая так неожиданно раскрылась на последней странице:

«Желаю, чтобы подобное больше не повторялось, чтобы люди внимательнее относились к чужим жизням, а к тем, кто выжил в тот день, относились не хуже, чем ко всем остальным.»

Ольга ЗАЙЦЕВА

***Куртамышская кадетская школа-интернат
имени генерал-майора В.В. Усманова, 11 кл.***

ЭХО ЧЕТВЁРТОГО БЛОКА (отрывок из повести)

Глава 3

— Туманно сегодня, — невзначай бросил Алексей, выходя из своей машины. Следом вышли остальные члены группы. — Нам даже на руку.

Лес вокруг действительно был затянут лёгкой дымкой. В воздухе витали

утренняя свежесть и прохлада, и группа зябко ёжилась.

— На руку? Почему? Мне кажется, мы заблудимся, — с недоверием произнесла Эля, поправляя кофту, застёгивая её.

— Туман хорошо скроет нас от возможных патрулей, — размеренно объяснил экскурсовод. — И не нужно бояться, что мы заблудимся. Я обходил эти леса вдоль и поперёк, знаю здесь каждую ветку. Вы не первые, кого я веду в запретную зону.

— Нелегально? — встрял Константин, поправляя небольшой рюкзак за спиной.

— По-всякому, — как-то загадочно бросил Семёнов, после чего прошёл вперёд.

— Ну так что, идём?

— Подождите, Алексей Степанович! — встрепелась Светлана, оборачиваясь назад, к машине. — А ваша машина? Мы оставим её здесь?

Алексей повернулся лицом к группе, невольно зацепив взглядом свой УАЗ. Тот был загнан в небольшой проём между кустами. Зелёный автомобиль казался почти незаметным среди ветвей, утопая в зелени.

— Да, мы оставим его здесь. С ним ничего не случится. Патрульные машины здесь толком не ездят, а в зоне нужно будет вести себя тихо. Машина лишь усложнит нам экскурсию. Пройдёмся пешком.

— А это безопасно? К тому же, я надеялась увидеть город Припять.

— Ну, — протянул экскурсовод, поднимая взгляд к небу, — средняя скорость человека составляет пять километров в час. Зона сама по себе неравномерна — от ЧАЭС радиус охраняемой территории не везде составляет ровно тридцать километров. Мы зайдём с запада, а это гарантирует ближайший путь к Дуге. На обратном пути покажу пару деревень, если успеем. Не могу вам обещать поход к селу Копачи или к самой ЧАЭС. Но по пути расскажу, и очень много.

На том разговор их закончился. Первые полкилометра шли они молча. Светлана шла, замороженно наблюдая за чернобыльскими пейзажами. Туман рассеялся, уступив место палящему солнцу. Деревья то появлялись, то исчезали, сменяясь золотистыми полями и красивыми, яркими лугами. Она невольно задумывалась о том, что сейчас творилось дома, в их родной деревне. Девушка прониклась ностальгией и, закрыв глаза, прислушалась к редкому щебетанию птиц, к размеренному, ритмичному звуку шагов, приглушённых травой. Она словно абстрагировалась от остальной группы, сосредоточившись на ощущениях. Именно поэтому она случайно запнулась о кочку, едва не упав вперёд. Это и вывело её из размышлений, и она, чертыхнувшись, вернулась к реальности. Сделала глубокий вдох.

— А здесь красиво. Не скажешь, что здесь всё заражено, — сказал Костя, перешагивая через небольшой муравейник.

— А здесь и не всё заражено, — бросил Алексей, идущий впереди. — Радиация осела пятнами, не полностью на всей поверхности. К тому же, во время ликвидации здесь все старались очистить от этой заразы. Где-то методы, придуманные товарищем Легасовым и другими, помогли, где-то не очень. К тому же многие частицы со временем распались на безопасные.

— А где сейчас небезопасно? В плане радиации? — поинтересовался парень, поравнявшись с мужчиной.

— Таких мест, к сожалению, много. Наиболее известны Копачи, некоторые районы Припяти и отстойники заражённой техники.

— Копачи — это то село, которое почти полностью погребли под землёй? — подключилась к разговору Эля. Она шла чуть позади, заглядываясь на окружающую её природу.

— Да, — кивнул Семёнов. — Село почти полностью похоронили. Не снесли только кирпичные здания, например, детский сад. Дело в том, что населённый пункт очень сильно «фонил». Смыть слой радиоактивной пыли не вышло, поэтому и было принято решение снести деревянные дома и зарыть их в ямах.

Радиация действительно впиталась в землю на территории Чернобыльской зоны отчуждения. Она стала её неотъемлемой частью, её проклятием. По её вине мутировали животные и растения, становясь то донельзя большими, то покорёженными и уродливыми. Впрочем, будет неправильным мнение, что в зоне все живые организмы — патологии. Многие виды животных хорошо прижились здесь. И теперь, идя по сухой степной траве, экскурсовод остановился, поднял согнутую в локте руку, давая знак группе замереть. Константин было хотел спросить о причине остановки, но его быстро оборвала Света, прижав указательный палец к своим губам. Эля в то же время указала парню направление рукой и кивнула, мол, смотри. Костя повернул голову на северо-запад и удивлённо вскинул брови. Там, возле совсем маленького леса, среди осин, стоял небольшой табун. Лошади были маленькими, приземистыми, но не менее стройными. Рыжая шерсть их блестела на солнце, отчего они становились едва заметными среди поля. Это были лошади Пржевальского. Их завезли в зону отчуждения в конце 90-х годов для восстановления экосистемы. Они неплохо ужились на этой территории и теперь могли появляться здесь небольшими группами.

— Главное, не спугнуть. Пусть ходят себе. Давайте-ка лучше возьмём немного вправо, — тихонько сказал Алексей, начиная обход. Животные, конечно, поднимали головы на туристов, с неуловимым любопытством разглядывая гостей, но немного погодя вновь опустили головы к траве.

Скоро они подошли к первому населённому пункту. Забытое, покинутое, поглощаемое временем — такова ныне Рассоха, брошенное село в Киевской области. Когда-то здесь жили люди, звучали детские голоса. Теперь же лишь ветер бродит по пустым улицам, перебирая обрывки прошлого. Путников встретили покосившиеся дома с выбитыми окнами, смотрящими в пустоту, заросшие бурьяном огороды, где некогда цвели подсолнухи и колосилась пшеница.

— Можете зайти в некоторые дома, но прошу не трогать там ничего, — сказал Алексей, встал посреди деревьев.

Дома утопали в зелени. Элеонора вошла в одну из хат, с любопытством рассматривая интерьер. Она с тоской оглядела внутреннее убранство — разваленную печь, разбросанные открытки, обрывки газет и книг. Перевернутая мебель придавала ощущение особенной заброшенности. Интересно, кто сотворил это? Именно с этим вопросом она и подошла к проводнику.

— Мародеры. Они выносили всё: золото, серебро, металлолом. Всё, что можно продать, одним словом. — ответил Семёнов с какой-то странной тоской в выражении лица. Он недовольно нахмурился, невольно добавив морщин на лбу. Должно быть, для него тема мародёрства была каким-то образом близка. Томно вздохнув, он посмотрел на девушку и мерно, вновь спокойно сказал: — собирай, Эля, остальных, пойдём на кладбище техники смотреть.

Отстойник радиоактивной техники «Рассоха», расположенный недалеко от одноимённого села, почти опустел. Можно было встретить лишь редкие кучи металлолома и некоторые единицы «чистой» техники за колючей проволокой. На

невысоком, потрескавшемся от времени столбе, сияла надпись на жёлтой ржавой табличке: «Заражено. Более 2 мР». Когда-то здесь в ряд стояли пожарные машины и автобусы, вертолёт и военные грузовики. Здесь хранилась не сильно заражённая радиацией техника, тем не менее, фон на территории отстойника был достаточно высоким.

— А где же вся техника? — Константин в недоумении почесал затылок. Он осмотрелся, поправил тяжёлый рюкзак за плечами.

— Где придётся, — пожал плечами Алексей Степанович. — Говорят, что техника ликвидирована, зарыта в ямах.

— Это же какие ямы должны быть, чтобы столько металлолома похоронить, — задумчиво произнесла Светлана. До этого она видела лишь фотографии отстойника, не думая, что объект на изображении будет так сильно отличаться от реальности.

- Среди нелегальных посетителей зоны отчуждения ходили слухи, что техники закопали мало. Многие опасаются, что большую часть техники продали на переплавку металла, — сказал Алексей. Не то чтобы он верил слухам, но искренне считал, что информация — дело интересное и важное. К тому же, даже слухи имеют свой источник.

— Зачем? Она же заражена! — воскликнула Эля, недовольно нахмутив брови.

— Существуют люди, для которых порой деньги имеют большее значение, нежели люди, — вздохнул проводник, а затем ободряюще улыбнулся, не желая впадать в размышления. Он махнул рукой в одну сторону, указывая направление: — Вон там раньше стояли вертолёт Ми-6. Именно они пролетали над четвёртым энергоблоком после аварии, чтобы потушить пожар.

— Такой же вертолёт тогда зацепился лопастями за трос крана и рухнул вниз. Весь экипаж тогда погиб, — дополнила Светлана слова Алексея.

Семёнов кивнул, соглашаясь с девушкой. В глазах его едва заметно блеснуло уважение. Его радовало, что ещё существовала молодёжь, которую интересовала история техногенной катастрофы 1986 года.

— Операцией по сбросу бора руководил Николай Тимофеевич Антошкин, — продолжил рассказ экскурсовод — Он же совершал облёты реактора и руководил действиями личного состава по закрытию реактора. — Алексей постоял так ещё немного, а затем махнул рукой, отходя от колючей проволоки, — Ну всё, идём дальше.

Совсем скоро их встретила небольшая речка, название которой — «Уж». В утренней симфонии шелеста травы, криканья уток и жужжания стрекоз она мерно текла, словно время, уходящее далеко в прошлое. Её воды, на солнце блестевшие серебром, словно несли в себе отголоски прежней жизни. Больно вспоминать, что не так давно дети и взрослые купались в ней, смеясь и радуясь каждому мгновению жизни. Извилистое русло реки действительно напоминало маленькую змею: оно петляло между заросшими лесами и брошенными в 1986 году деревьями. Берега кое-где заросли, и теперь они стали пристанищем для диких уток.

— Как мы перейдём речку? — спросила Светлана, подходя к берегу. Она с интересом разглядывала её, будто силясь увидеть в ней что-то скрытое от мира.

— Переплывать будем! — улыбнулась озорно Элеонора и залилась смехом.

— Не носи ерунды! — шикнула девушка, недовольно хмурясь, — а если она заражена?

— Она заражена, — кивнул проводник, неожиданно встряв в разговор, —

прошу вашему вниманию речку «Уж» — правый приток реки Припять.

— Я же говорила, а ты уже переплывать собиралась, — огрызнулась младшая из Адмираловых, казалось, пропустившая мимо ушей почти все слова Алексея. Разумеется, кроме первых двух.

— Не рычи на меня, сестрёнка, иначе кто-то действительно пойдёт «купаться».

Элеонора с трудом успокоилась, похлопала младшую сестру по голове, — но вопрос действительно хороший. Как мы переправимся на другой берег?

— Здесь недалеко привязана лодка, она там уже не первый год стоит, — обронил Семёнов и двинулся вдоль речки.

Остальные двинулись следом. Алексей остановился возле густых зарослей вербы и аккуратно раздвинул ветви. Там действительно стояла лодка. Она тихо колыхалась, а листва ивы создавала над ней изящный купол. Лучи солнца красиво просачивались сквозь бархатные листья, освещая воду, из-за чего казалось, будто поверхность её светится.

Лодка была старой, потрёпанной, некоторые доски её покрылись лишайником, бортики кое-где были потёртыми, а краска изнутри и снаружи почти стёрлась. Эта выдававшая виды лодка отдавала стариной, ушедшей эпохой.

— Хорошая лодка, — сказал Алексей с улыбкой. — Давно тут стоит. Я после ликвидации аварии нашёл её с друзьями недалеко. Мы её тогда вытащили из воды, отремонтировали и здесь привязали.

— А разве можно было здесь находиться? — удивлённо спросил Константин, забираясь в маленькое судно. — Лодка «фонит»?

— Нет, фон в норме. Большая часть радиации осела на дне, вам нечего бояться, — ответил проводник, пропустив мимо ушей первый вопрос парня.

Дождавшись, когда все члены группы опустились в лодку, Семёнов забрался в судно и отвязал верёвку, вёслами гребя к другому берегу. Он был совсем недалеко, потому переправа не заняла больше десяти минут. Привязав лодку, Алексей достал карту, сверяясь с местностью, которую хорошо знал. Затем он указал направление, и туристы дружно отправились в путь.

Следующая остановка - ЗГРЛС «Дуга». Большая радиолокационная станция, построенная в Советском Союзе для обнаружения баллистических ракет. В неё входят две антенны: приёмная и передающая. Причём, если приёмная антенна имела высоту приблизительно 135 метров, то передающая - 210 метров. Вблизи постройка казалась огромной, она словно касалась неба. И ведь недалеко от этих построек находился пионерлагерь. Она напоминает гигантский металлический лес, чьи вершины пронзают небо, а корни уходят в землю, пропитанную историей и тайной. Когда-то эти антенны «слушали» ионосферу - улавливали отражённые радиосигналы в диапазоне 5–28 МГц, чтобы заглянуть за горизонт и обнаружить пуск межконтинентальной ракеты на расстоянии от 900 до 3000 км. В эфире раздавался характерный стук — ритмичный, настойчивый, будто сердце огромного механизма. За этот звук станцию за рубежом прозвали «русским дятлом». Вокруг — тишина, нарушаемая лишь пением птиц и шелестом ветра в металлических конструкциях. Рядом с антеннами — остатки военного городка: пустые дома, заросшие травой дорожки, заброшенные здания. Когда-то здесь кипела жизнь: военные и их семьи жили в домах на улице Курчатова, дети ходили в школу и детский сад, а солдаты несли круглосуточное дежурство. Теперь же всё это — призраки былого величия.

- С ума сойти, — протянула Светлана, глядя в антенны. — Я знала,

что она большая, но чтобы настолько...

— Да, — присвистнула Элеонора, замерев перед величием постройки. — Как её только скрыли-то?

— Уметь надо, — улыбнулся Алексей, рассматривая местность. —

Фотографируйте, разглядывайте. Здесь небольшой привал сделаем и пойдём домой.

— Уже? Алексей Степанович, зачем так скоро? — расстроено протянула Светлана. Константин в это время без конца фотографировал постройку. — Нельзя ли где-нибудь переночевать и продолжить экскурсию? Мы же взяли провизии.

Семёнов тут же нахмурился. Выражение лица его стало предельно серьёзным, он скрестил руки на груди, покачал головой:

— Нет. Это исключено. Я несу ответственность за вас. Не дай бог, обморожение получите, радиацией наглотаетесь. — Проводник поднял взгляд в небо, словно действительно сейчас думал о Всевышнем.

— Но вы же опытный экскурсовод. Мы можем заплатить ещё, это не проблема. — Подключился к разговору Костя, передавая камеру Эле. Девушка с недовольным выражением лица забрала вещь, словно к ней имели право прикасаться лишь её руки. Она всегда была собственницей.

— Это опасно. В зоне развелось много зверья, они редко видят людей. Могут напасть. Вы и глазом моргнуть не успеете. — Стоял на своём Алексей, не желая брать на себя ещё большую ответственность. Он вдруг почувствовал, что зря затеял нелегальный выход в запретную зону. Его съедала вина за то, что он не рассказал туристам о настоящей причине. Но он не мог сказать — что-то внутри мешало ему, и он до сих пор не мог понять, что именно. Гордость? Уверенность в своём профессионализме? Чёрт, именно сейчас всё, что бушевало внутри, казалось ему невыносимо сложным!

— Пожалуйста, Алексей Степанович! — В один голос начали просить ребята.

Это лишь усложнило ему задачу. Детей он любил. Он вспомнил, как Алиса когда-то точно так же его упрашивала отпустить её в другой город, познавать мир, не ограниченный Киевом и окрестностями. В тот момент Семёнов, поддавшись воспоминаниям, кивнул:

— Чёрт с вами, дети.

Алексей повел их в ближайшую деревню - Новоселки.

Она не кричала о своей трагедии — она шептала её листьями, скрипом пустых домов и тишиной, которую не нарушает ни детский смех, ни лай собак.

Представьте себе дорогу, поросшую дикой травой. Она ведёт сквозь густой лес, будто прорезает зелёное море, и вдруг — открывается пространство, где когда-то жила деревня. Дома стоят, как забытые свидетели: крыши частично обрушены, окна зияют тёмными провалами, двери скрипят на ржавых петлях от малейшего дуновения ветра.

Улицы давно не знают шагов. Тропинки заросли крапивой и лопухами, а там, где раньше были огороды, теперь царят дикие травы и молодые деревца. Среди зарослей можно разглядеть остатки забора, полусгнивший колодец с опущенным ведром — это всё молчаливый символ ушедшей повседневности. Природа здесь медленно, но уверенно забирала своё. Деревья прорастают сквозь крыши, лианы оплетают стены, а птицы и звери чувствуют себя здесь хозяевами. В заброшенном саду цветут яблони, их плоды — мелкие, дикие — падают на землю, никем не собранные. Вечерело. Семёнов нашёл небольшую хату, которая показалась ему

наиболее целой. Двери оказались с крючком, что было только на руку. Печь тоже была вполне рабочей, мебель была старой, потёртой, но не совсем разрушенной. Должно быть, в зоне ещё были места, куда не добрались мародёры.

Алексей затопил печь. Она недовольно запыхтела, но заработала. Дым пошёл через трубу. Константин подготавливал спальные места в небольшой спальне, пока девушки хлопотали на старой кухне, которая была совмещена с гостевой и прихожей, стараясь приготовить ужин. Радостные туристы шутили и оживлённо разговаривали, и лишь один проводник, глубоко задумавшись, сидел у печи. Он смотрел на огонь, на потрескивающие доски, думая о том, на что согласился. Он мысленно проклинал себя за проявленную слабость. Но что уж теперь, придётся доводить начатое до конца.

После простого ужина все уселись у тёплой печи. Она уже начала нагревать хатку, и теперь можно было смело сбросить верхнюю одежду.

— Алексей Степанович, а вы же были ликвидатором, верно? — начала разговор Света, обратив внимание на задумчивого проводника.

— Почему был? Я и сейчас ликвидатор. Ветеран войны с мирным атомом, — ответил тихо мужчина, всё так же разглядывая огонь в печи.

— Расскажите о вашей службе, пожалуйста, — улыбнулся Константин, медленно потягивая горячий чай из железной кружки. Он заинтересованно смотрел в карие глаза Семёнова, наблюдая, как они блестели от света языков пламени.

— Было бы что рассказывать, — протянул Алексей. Он томно вздохнул, наконец обратив взгляд к туристам. — Ушёл служить по своему желанию. Раньше я физику в школе преподавал, вот и взяли меня в дозиметристы. Я работал на КПП, измерял излучение, исходящее от машин, которые возвращались с опасных объектов. Потом эти машины хорошенько мыли, а на следующий день снова отправляли туда, в зону.

— А вы общались там с кем-нибудь? — поинтересовалась Эля. — Что самое интересное вы слышали от сослуживцев?

— Интересное? Дай подумать, — проводник задумчиво почесал затылок. — В общем, разговаривал я один раз с одним лётчиком. Его из Афганистана отправили в Чернобыль, пожар тушить. Так вот он рассказывал, как страшно ему было летать над реактором.

— Почему? — перебила экскурсовода Элеонора, оживившись.

— Он говорил, что борьба с невидимым врагом страшнее той войны, которая на то время шла в Афганистане. «Понимаешь, — говорил он мне, — на войне ты можешь рассчитать или угадать, с какой стороны в тебя прилетит пуля, а здесь тебя пронзают тысячи невидимых пуль, от которых не спасает даже броня». Вот так вот...

— А вообще, что такое радиация? О каких пулях вообще идёт речь, я не понимаю, — спросил Костя, поморщившись. Он только что сделал глоток чая, обжёгшись кипятком.

— Радиация? Это такая энергия, исходящая из какого-либо источника. Она бывает разная: опасная и безопасная. Излучение делится на три вида — альфа, бета и гамма. Альфа и бета — это более-менее безопасные частицы. От них нас защищает одежда. Но от гамма-излучения не спасает, можно сказать, ничего. Во время ликвидации последствий аварии на ЧАЭС ликвидаторы спасались от него большим слоем плотной одежды и свинцовыми пластинами. Но это те, кто работал слишком близко к реактору — биороботы, например. Во время очистки крыши реактора им давалось три минуты для сбрасывания обломков в обрушенный реактор.

— Всего три минуты? А как же техника? — удивлённо спросила Эля, стараясь мысленно представить людей, работающих на крыше среди обломков.

— Техника не справлялась, — с досадой усмехнулся Алексей. — На крышу помещали советский луноход и немецкого робота на дистанционном управлении. Они вышли из строя почти сразу. А вы, дети, откуда будете? — вдруг перевёл тему экскурсовод.

— Ну, вы уже знаете, что мы из России, — ответила с улыбкой Света. — Если быть точнее, то мы из Курганской области, которая находится в Зауралье.

— Да, далеко вы, — выдохнул Алексей. — Как только решились на такую дальнюю дорогу...

— Всё — для исполнения мечты, — Светлана прикрыла глаза, улыбнувшись. Её всегда тянуло в Зону отчуждения. И теперь, находясь здесь, душа её парила и радовалась своему существованию. Казалось ей, что жизнь её прожита не зря.

— Для меня это возможность увидеть мир, — пожал плечами Костя. — У меня мечта другая. Я актёром стать хочу. Вот поднимусь на ноги, освоюсь во взрослой жизни немного и сразу уеду поступать в театральный университет.

— А моя мечта почти исполнена! Ещё чуть-чуть осталось, — похвасталась Элеонора. — Я уже отучилась на пожарного в МЧС, скоро пойду работать.

— Я тоже Родине хочу служить. Только мне всегда казалось, что моё место на границе, — благоговейно улыбнулась Света, представляя себя на границе своего государства, стерегущую покой граждан. Это было её целью с детства.

Скоро комната погрузилась в молчание. Эта тишина — не просто отсутствие звуков, а особое состояние, в котором обостряются все чувства, где каждый звук становится отчётливее, а мысли приобретают кристальную ясность. Мысли были заняты мечтами, какими-то особенными думами. Алексей, казалось, наконец расслабился. Однако в воздухе можно было ощутить тревожное ожидание чего-то неминуемого. Впрочем, это ощущение было лишь у Константина, всегда настороженного и пугливого. Парень поёжился, поставил кружку с чаем на расшатанную старую табуретку. Тельманов стал удивительно тихим, несмотря на обычно горящий энтузиазм.

— Слушайте, у меня снова какое-то нехорошее предчувствие, — просипел вдруг тихо Костя, осмотрев окна, словно увидев что-то.

— Да расслабься, Костя, вечно тебе что-то плохое мерещится, — махнула рукой Света. Она не чувствовала опасности и вдобавок знала, что парень был паникёром. — Время позднее, спать нужно ложиться.

— Да, — согласился Алексей, — завтра рано утром пойдём в Припять.

Виктор ВОИНКОВ
Кетовский МО
с. Лесниково

1

Оловянные ли, из свинца ли –
Соль земли, поглощающей фон?
Вы героями вечными стали –
Ликвидаторских душ легион.
Собирали разбитые стержни
В самом жерле, в четвёртом аду.
Каждый первый был самоотвержен,
Одинаков, как звенья в ряду.
Добровольцы, бойцы под присягой,
Долг и честь не предав, не забыв,
Тихой смерти ответив отвагой,
Невозможное сделали вы!
Вы героями вечными стали –
Ликвидаторских душ легион.
Оловянные ли, из свинца ли –
Соль земли, поглощающей фон!

2

Новая война над саркофагом,
Дроны и ракеты тут и там.
Зона под защитой и под флагом –
Русские пределы и цвета...
Смотрят люди старые устало,
Атом победившие весной,
Сорок лет – и родины не стало,
Только пыль витает над страной...

3

Мирный атом. Такой ли мирный?
Не прощает ошибок он.
Был апрельский денёчек дивный:
Смех и счастье из всех окон!
Но сирена рванула громом,
И другие настали дни:
Всё сгустилось и стало комом:
Шум, солдаты, машин огни...
А потом опустели сёла,
Город выехал разом весь:
Замер парк и затихла школа,
Стало всё отчуждённым здесь...
Только зона кипела стройкой:
Пряча смерть, собирая мрак,

Люди в масках сражались стойко,
Аду делали саркофаг...
Сколько жизней забрал тот опыт –
Не ответит теперь никто.
Смерть по-прежнему души копит:
Сыплет судьбами решето...

4

На земле появляются вдруг иногда
Сёла мёртвые, брошенные города.
Нет людей в них, но есть всё,
что жизнью зовём:
Вот дорога и двор, клёны, лавочки, дом...
Только тихо вокруг, только ветер поёт
Очень грустное что-то, твоё и моё...
Этот мир отчуждённый вины не несёт,
Это мы ошибались и делали всё,
Чтоб исправить и снова вернуться сюда -
В сёла мёртвые, брошенные города...

ВИТАЛИЙ НОХРИН
г. Курган

УДАРИЛ МИРНЫЙ АТОМ

Ударил мирный атом людям в спину
Апрельской ночью сорок лет назад.
На землю в эту страшную годину
Обрушился рентген смертельный град.

В эфир летят доклады и команды —
Нет паники, но велика беда.
Без выстрелов, бомбежек, канонады
Невидимая началась война.

Моторами взревев машины мчались,
Реактор страшно полыхал огнем.
Уже герои первые сражались,
Сгорали жизни в зареве ночном.

Спал безмятежно обречённый город,
Леса, поля, озёра и река,
Ещё никто не знал, как много жизней
Чернобыльская унесёт война.

Машины с катастрофой
не справлялись,
Надежда лишь на мужество людей.
Солдаты вновь за Родину сражались
За будущую жизнь своих детей.

Потерей счёт, растянутый на годы,
Мемориалы в разных городах.
«Книг памяти» суровые страницы
О людях, победивших боль и страх.

Четвёртый блок Чернобыльской АЭС,
Истории Отечества страницы.
Пустая Припять... Красно-рыжий лес...
Пусть это никогда не повторится.

ВОКРУГ ОГОНЬ

Вокруг огонь, куски графита...
Вся крыша взрывами разбита.
Четвертый блок... Огонь и дым.
Смерч пламени стоит над ним!

Всё это надо победить,
Людей спасти, огонь залить.
Пожарные шагнули в ад,
Никто не повернул назад!

Бойцовки, шлемы, рукавицы,
Противогазов нет на лицах...
Жара сжигает кислород,
А пламя рвется и ревёт!

Три караула бой ведут,
Врагу пощады не дают.
От новых взрывов мир спасли.
Где брали силы? Как смогли?

Брандспойт выпадал из рук,
Всегда был рядом верный друг.
Но радиация сильна,
Пожарных валит с ног она.

И с поля брани на руках
Бойцов несут, презревших страх.
Огромна доза облучения...
Героев не спасло лечение.

Могилы залиты бетоном
На горе матерям и жёнам.
Так началась ещё одна
Четырехлетняя война...

ПАМЯТИ

АКАДЕМИКА ЛЕГАСОВА В.А.

*Посвящается памяти академика,
одного из руководителей ликвидации
аварии на Чернобыльской АЭС, Героя
России Легасова Валерия Алексееви-
ча. Он был найден мертвым в сво-
ей квартире во вторую годовщину
Чернобыльской катастрофы. Само-
убийство. Валерий Алексеевич перед
смертью надиктовал пять кассет, в
которых рассказал всё о катастро-
фе. Мы помним...*

В магнитофоне кончилась кассета...
Он всё сказал. А может быть, не всё?
В руке, сгорая, шает сигарета.
Что ж, в жизни видно каждому своё...
На пять кассет трагедия вместились:
Воспоминания, правда и обман.
Вся жизнь на «до» и «после»
разделилась,
И сотня бэр, полученные там...
Засыпанный песком, свинцом и бором,
Закованный в железо и бетон,
Реактор до сих пор предмет для споров.
Он похоронен, но не побеждён.
Зашкаливал дозиметр на объекте,
А он работал, думал и решал.
Не раз на вертолёте в лапы смерти
К реактору в разведку сам летал.
Да, не в чести в высоких кабинетах
Суровой правды резкие слова.
Его статьи в журналах и газетах
О том, как к нам в страну пришла беда.
Искать виновных ныне слишком поздно,
Когда уже затянута петля...
Закрыли дело буднично и просто,
Состава преступления не найдя.
Ну вот и всё, пора уже решиться...
Профессор отодвинул микрофон.
Пусть запись эта людям пригодится,
А смерти нет, есть только вечный сон...

ЛИКВИДАТОРЫ

Они не штурмовали города
И кровь не проливали в рукопашной,
Но на груди медали, ордена
За бой с врагом невидимым и страшным.
Чернобыль...
Через Припять длинный мост,
Там километры зоны отчуждения.
Шли смело на реактор в полный рост
В смертельной схватке,
выиграв сражение.
В апрельский день, кто живы,
встанут в строй,
Храня святую память страшной даты.
Крещённые одной большой бедой
Собой страну закрывшие солдаты.

Николай АНОЩЕНКО
с. Лесниково
Кетовский МО

ТАКОГО МИР НЕ ВИДЕЛ

Такого мир не видел никогда,
И в страшных снах
то не могло присниться,
Никто не знал, что это за беда.
Как от такой напасти защититься?
Разверзся ад, и взвился пламень зла.
Как в недрах звёзд энергия бурлила.
И вся планета в страхе замерла,
Всего лишь шаг до губительного взрыва.
Дань первую уже хватала смерть,
Пожарные работали не зная,
Что суждено им и самим «сгореть»,
Такое облученье получая.
Стихию смерти нужно обуздать!
Спасать людей в округе той живущих.
Энергоблок надёжно закрывать,
Смертельно по всему живому бьющий.
И весь Союз поднялся на борьбу
С врагом невидимым, но сверхковарным,
Руками отводя эту беду,
И силой духа, и трудом ударным.
Советской Армии и Родины сыны
Ни сил своих, ни жизней не жалели,

Закрыв собою территорию страны,
Не допустили лучевой метели.
И этот смертный бой грешно забыть.
Запомним тех, кто головы сложили.
Об этом подвиге нельзя не говорить,
Чтоб больше не было
таких трагедий в мире.

Александр МОРГУНОВ
п. Мишкино

ЧЕРНОБЫЛЬЦАМ **(Ликвидаторам аварии)**

Когда над призрачным покоем
Страны, «изнеженной застоем»,
Зловещим коршуном, как месть,
Как чёрный демон с жутким воем
Сирен, взвилась лихая весть
О той ужасной катастрофе,
Мир жил спокойно и светло...
Никто не думал о Голгофе,
Когда реактор разнесло.
АЭС – Чернобыль – Украина!
О, Русь! Святая половина,
За что тебе такое Зло?..

А он в те дни возил пшеницу
И удобренья на поля,
И мирно радовал землицу.
Да ради Бога! Пользы для...
Мы все хотим поймать синицу
Величиною с журавля.
Ему – то премию подкинут,
То, с благодарностью, обнимут
То за бездетность не отнимут,
Как раньше, тридцать три рубля.
Росла семья, цвела Земля,
И зеленели тополя.

На жизнь хватало. Да, хватало –
Трудягам – в средней полосе.
И в день полочки, как бывало,
Он не роптал, что денег мало,
А после баньки млел устало,
Приняв по рюмочке, как все.
Он никогда не унывал.
Любил Страну, жену, сынишку,

Рассвет – он раньше всех вставал.
И часть зарплаты – на сберкнижку,
(Да и с кабанчика по лишку)
На «Жигули» от-кла-ды-вал.

Мой добрый друг – Капралов Толя –
Не идеал и не святой.
Он мог себе разок позволить,
Чтоб жажду светлую утОлить –
На море Чёрное... с женой,
Чтоб дальше вновь, как заводной.
И в будний день, и в выходной
Нещадно требовал райком
Прибавки тонно-километров...
Давай! Давай! Давай, родной!
Так и сейчас над «Передком»
Сбивает цель Андрюха Ветров...

Вот так и он долг не отринул.
Один, как все – в неравный бой.
По зову – отчину покинул
И заслонил Страну собой.
Там радиация гадюкой
Впивалась в душу, плоть и кровь,
И счётчик Гейгера, как злюка,
Трещал и щёлкал вновь и вновь.
Все, как один, восстали, встали
И отстояли в том бою
Рассветов розовые дали –
Святуу Родину мою.

Жаль... покрывают чёрной былью
Благую память прошлых дней,
И радиационной пылью,
Всю правду светлую о ней,
О той Стране красивой, сильной,
Скреплённой кровью братских уз,
Просторной, вольной и обильной.
Распался доблестный Союз.
А на пути полураспада
Возникли страны, города.
И эта Рада нам так рада
Не будет больше никогда.

Бед. Великая беда...
В беде СВОих мы не бросаем.
Шесть сотен тысяч храбрецов
Прошли тот ад, и мы спасаем
Теперь их дедов и отцов.

Враг был ядрён, живуч и страшен.
И наш Герой – не лыком шит.
Там заслужил Звезду Капашин.
За ним другой вопрос спешит.
Посёлок «Плановый», под боком...
А если вдруг и ненароком?..
Но Генерал – вопрос решит.

А что мой друг, Капралов Толя,
И все друзья его годки,
Кто по своей и Божьей воле
Гасил реактор у реки?..
Конечно, можно осторожно
Поговорить о том, о сём...
Давайте, если вдруг возможно,
Хоть одного из них спасём.
Давайте вспомним поименно
Всех тех, кому не вышел срок,
Кто этим адом опалённый.
Давай, мой друг! Держись, браток!

А те, кто ныне перед Богом
Безмолвно молятся о нас,
Кто за отеческим порогом
Страну от катастрофы спас –
Услышат наше к ним посланье
И благодарность наших душ.
Их жребий свят не в покаянье.
Он стяг Победы, кто есть Муж.
Я расточать слова не стану,
Мне это делать не с руки,
И на минуту, молча, встану
За вас пред Богом, Мужики!

ВЕТЕРАНАМ ВОЙСК ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Жизнь – только Родине.
Честь – никому.
Клич Петроградских кадетов.
Друг мой, по сердцу, отец, по уму.
В чистую правду, одетый.

Дай, я по-братски тебя обниму,
Руку пожму, как бывало.
Помнишь. У смерти, в разящем дыму,
Рвал ты гремучие жала.

Я понимаю... «Никто, кроме нас».
Клич ВДВ – впечатляет...
Здесь – «Только мы»,
каждый день и сейчас.
Круче – уже не бывает.

Друг мой, Товарищ, седой Генерал.
Братства священного крестник.
Видно Архангел твой путь выбирал –
Воли Отческой вестник.

Скажешь – я зря расточаю слова...
Правда – её не забудет...
К чести мундира нужна голова...
Та, что про долг не забудет.

Верный присяге – Отчизны солдат!
Долг свой исполнил достойно.
Грустно и радостно, в бронях наград,
Завтра ты можешь спокойно...

Всем на Объекте в глаза посмотреть
Да и сейчас, для примера.
Пусть воспоёт золочёная медь
Доблестный путь офицера.

«И дым отечества нам сладок
и приятен»,
Но есть другая, сложная стезя,
Где много ядовитых жёлтых пятен,
И где на миг расслабиться нельзя.

Когда идут военные парады:
Десантники, танкисты, моряки.
Им все, без исключения, так рады.
Какие боевые мужики!..

Тебе я присягнул, моя Россия.
И каждый день, как будто на войне,
Сражаюсь я,
под мирным небом синим,
С чудовищным оружием и мне

Так хочется сломать тугие жала,
И выпустить и сжечь их жёлтый яд,
Чтоб никогда над миром не стенала
Сирена, и не рвался химснаряд.

Я здесь почуял грозность
нашей службы
И начал прежде времени стареть.
Я здесь познал всю святость
братской дружбы
И был готов за друга умереть.

И нервы и душа была на взводе...
Рискуя и здоровьем и собой,
Я здесь, на этом «Щучьем химзаводе»
С победой закончил долгий бой.

А завтра я возьму с собой сынишку
И будем мы рыбачить на реке...
И буду я читать сынишке книжку,
Помешивая ложкой в котелке.

И дым костра нам сладок и приятен,
Душиста и навариста уха...
И всё же есть ещё немало пятен.
Не все ещё зачищены пока.

Я с ревностью служу своей Отчизне,
Спасая от беды земную твердь.
Пусть помнят – существуют ради жизни
Войска, уничтожающие смерть.

ПАМЯТЬ (Городам Героям)

Города – это очень круто.
В городах всё так мощно, сильно.
Разве там объяснишь кому-то,
Что деревня – Душа России.
Много раз я бывал в столице,
В Грановитой бывал палате...
Утомлённые маски-лица
На восходе и на закате.
Там не скажет прохожий: «Здрасьте!»,
Не протянет с улыбкой руку.
Там все радости и напасти,
Не разделят на всю округу.
А деревня пойдёт в ночное,
Соловьиные слушать трели,
В сад, где яблоко золотое
Томно зреет в закатной гжели.
Здесь такие живые звёзды!..
Звездопад – так пчелиным роем.

За деревней стоят Погосты.
Над покоем – дома не строим...
Мы приходим в день Радоницы
Погостить у родных и предков.
И под майскую звень синицы
Кто-то скажет с восторгом метко:
В городах всё так мощно, круто,
Бесподобно, красиво, стильно...
В День Победы и ночь салюта
Вновь помянем СВОих обильно.
И смирившись с крестьянской долей,
Снова души на мир настроим,
Поклонившись на Русском поле,
До земли, Городам-героям.

Марина ТАНАЕВА

г. Курган

ЧЕРНОБЫЛЬ: ЛЮДИ И «КАРТИНКИ» - 1986

О происшествии

В советской школе я училась,
А было мне двенадцать лет,
В то время в СССР случилась
Одна из самых страшных бед.

Апрель, число двадцать шестое,
И на Чернобыльской АЭС,
Теперь я тайны не открою,
Энергоблок взорвался здесь

С четвёртым номером по счёту,
Пошли пожаров очаги,
И смерть, и ужас, и расходы
Чрезмерно будут велики.

В ту ночь погибли сразу двое,
Один – Валерий Ходемчук,
(Так было, видимо, судьбою
Предрешено, пожар вокруг.)

Он циркуляции насосов
Был оператором тогда,
И тело не нашли. Вопросы
Учёным задала беда.

А в шесть утра – вторая жертва,
Ушёл Владимир Шашенок,
Пусконаладчик своей смерти
От травмы избежать не мог.

Упомянуть особо стоит
Пожарных подвиг в тот момент,
Что жизни многие закроют
Они собой, не комплимент.

С четвёртым блоком, что взорвался,
В близи опасной – третий блок,
Пожар чтоб не распространялся,
Мужчины бились, кто как мог.

Без средств химической защиты,
Одежды боевой брезент,
Для облучения открыты
Пожарные на тот момент.

Они огонь не пропустили,
От взрыва третий блок спасён,
Конечно, подвиг совершили,
Но был такой ценою он:

К часам двум ночи – слабость, рвота,
Пожарных «ядерный загар»,
Медпункта первая забота,
А жизнь людей – бесценный дар.

Майор Телятников тушеньем
Пожаров тех руководил,
Не избежал он облученья,
Но храбрым, мужественным был.

За счёт чего майор тот выжил?
Пересадили костный мозг.
Про это медикам услышать
Не раз в ту пору довелось.
Вот двадцать восемь из пожарных
Доставлены на самолёт,
В Москве, в шестой больнице главной
Теперь лечение их пойдёт.

А остальные будут воду
В реактор мёртвый подавать:
Ошибка, сил и средств расходы,
Что позже предстоит понять.

Эвакуация

Двадцать седьмой был день апреля,
Эвакуации приказ.
Вещей брать лишних не велели,
Через три дня, мол, пустят вас.

Животные остались дома,
Игрушки, фото и еда,
Теперь история знакома,
К ним не вернутся никогда.

Тяжёлой техники нагнали,
И сотни мелких деревень
Вокруг под корень разровняли,
Заборов сотни, сотни стен.

Автомобили, мотоциклы
Во всей округе погребли.
И все животные погибли,
Кошмар Чернобыльской земли.

Создали зону отчуждения
Вокруг Чернобыльской АЭС,
Как будто смерти наваждение,
Две мёртвых зоны были здесь.

Из них крупнее город Припять,
На сорок тысяч человек,
Не разровнять и не засыпать,
Он страшный памятник навек.

Бывает, что хотят туристы
На мёртвый город посмотреть.
На Рыжий лес, что буролистый,
Пустых квартир немую сеть,
На детский сад, что был заброшен
Лет сорок в Припяти назад.
ЧАЭС быт мирный уничтожен,
Картины печалят взгляд.

А сам Чернобыль – город меньше,
Тринадцать тысяч жило там,
Но радиация, нет речи,
Ходила так же по домам.

Животных тоже оставляли
В квартирах, коль заражены,
Как будто в мире наступали
Дни смерти, атомной войны.

Люди и «картинки»

Сидит у дома баба Женя,
Ей девяносто с лишним лет.
А старший сын жил с пораженьем,
От катастрофы много бед.

И баба Женя снова плачет:
«Да кто ж из нас вперёд умрёт?»
Опять в больнице Толя, значит,
И мать в слезах итога ждёт.

А сын её попал в Чернобыль,
Был ликвидатором в тот год,
И знает, были там «особы»,
И мародёрства оборот.

Работали над саркофагом,
Грузили глину и песок,
А кто-то, как универмаги,
Квартиры грабил в тот часок.

Особенно ковры любили
Со стен советские снимать.
«Заражены!» - им говорили,
Те не стремились понимать.

Рассказывал нам Анатолий:
«Тонн этак около пяти
Бросали на реактор, что ли,
Чтоб ситуацию спасти.
Кружили с глиной вертолёты,
И много сброшено песка,
Но облучились, слышал что-то,
Те лётчики, наверняка.

Был с мая по ноябрь построен
На месте взрыва саркофаг,
А ликвидаторы из строя
С болезнью выбывали как!»

Последствия от катастрофы

Я Рыжий лес упоминала,
От радиации погиб.
В лесу загублено немало,
Травинка, ягодка ли, гриб.

Лягушки чёрного окраса –
Вот радиации черта,

Таких в других местах ни разу
Ты не увидишь никогда.

В округе в двести километров
Квадраты все загрязнены,
И далеко относит ветром
Осадки посреди страны.

Так, с радиацией осадки
С небес в Чувашии летят,
От них в Мордовии несладко,
Под Ленинградом губят сад.

А там, где ближе катастрофа,
Житомир, Киев, Гомель, Брянск,
Заражены дороги, к слову,
Но, завершаю я рассказ.

В конце сказать необходимо,
Как дань бомбардировке-злу,
Чернобыль даже Хиросимы
Превысил жертвы по числу.

А с дня аварии той жуткой
Промчалось быстрых сорок лет,
Но даже в этом промежутке
Не вправе мы забыть тех бед!

Николай ДЕЕВ
г. Курган

МЫ БУДЕМ ПАМЯТИ ВЕРНЫ

Пусть сорок лет минуло, не забыли
Аварии той страшной на ЧАЭС,
Где город Припять мы похоронили
И порыжел печально хвойный лес.

Весёлые ржавеют карусели –
На них уж не кататься детворе,
Уютные квартиры опустели
В пустынном и запущенном дворе.

Чернобыль в душах мы запечатали,
Пронзительно звучат в них голоса
Весь мир собой закрывших в том апреле
Стуча встревоженным набатом
в небеса.

Герои все, кто был в той битве века:
Учёные, строители, врачи.
Отвага, сила, смелость Человека
Смирили смертоносные лучи.

И пусть касаться темы больно,
словно раны,
Но забывать об этом нам нельзя.
Почёт и слава Вам, герои-ветераны!
Гражданский подвиг ваш –
нелёгкая стезя.

Пусть слава силою заглушит
Слова предателей и недругов страны.
Пусть подвиг ваш для нас
примером служит,
Мы будем вашей памяти верны!

Анатолий КАРАСЁВ
п. Мишкино

ГОРЬКИЙ ВКУС ЧЕРНОБЫЛЯ

До беды не ведали, не знали,
Но пришла трагическая весть,
И на карте многие искали,
Город Припять, где такой он есть?

По призыву райвоенкоматов,
И по зову сердца – добровольцы,
Лиц гражданских, из частей солдаты,
Съехались герои–огнеборцы.

Мысленно кляня предположения,
Той стихии дыма и огня,
Явью стал, без всякого сомнения,
Ад крошечный среди бела дня.

Взрывом развороченный реактор,
Груды пепла, изотопной пыли.
Человеческий опять же фактор,
Там просчёты люди допустили.

Изотопы цезия и стронция,
Смертной дозы гамма-излучения,
После взрыва атомная станция,
Выпустила из повиновения.

И романтикою вовсе там не пахло,
На закланье заложили души.
А когда недобрым там «запахло»,
Стали вешать в СМИ «лапшу» на уши.

Всполошился весь Восток и Запад,
Хиросима всплыла, Нагасаки,
Был невыносимый горький запах,
Родились и вымыслы, и драки.

Пострадали люди, птицы, звери,
И природа нахлебалась горя,
Также безвозвратные потери,
Слёз по ним пролито было, море.

И поныне многие страдают,
Ликвидаторы зловещей той путины,
И до срока умирая, люди знают,
Свой диагноз и его причины.

За колючей проволокой зона,
Зона лучевого облучения,
Саркофаг бетонный, как корона,
В воздухе витает напряжение.

Напрягает и страшит безлюдье,
Мёртвый город,
словно призрак жуткий.
Брошенные в Припяти орудия,
И ненужность телефонной будки.

Каждый год в преддверье Первомая,
Митинги и памятный салют.
Люди в благодарность вспоминая,
Должное героям воздают.

Знаем мы, что время лечит раны,
Им на долю выпал трудный путь.
Все, кто живы, нынче ветераны,
А потерь, конечно, не вернуть.

И цветы к подножью возлагают,
Волос в голове степной ковыль.
До сих пор, наверно, ощущают,
На зубах Чернобыльскую пыль.

И тогда не думали, не знали,
Честно выполняя ратный труд,
Что за то, что в схватке испытали,
Подвигом в народе назовут.

За просчёты экспериментаторов,
Той страны уже на карте нет.
Подвиг тех героев-ликвидаторов,
Будет вечно помнить белый свет.

Александр КАРАСЁВ
п. Мишкино

НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ

К закату шёл двадцатый век.
И космос, и глубины –
Покорены,
Мнит человек себя непобедимым.
Уже и атом ему брат –
На службе у народа,
И человеку нет преград,
Ещё бы – царь природы!
Но вдруг удар потряс, взорвал,
Никак не ждали это,
Ведь далеко не каждый знал,
Что есть Чернобыль где-то,
А тут ЧП на весь Союз,
Не показалось мало...
И комсомол, и профсоюз,
На всех беды хватало.
Десятки тысяч человек
Рванули в одночасье
Страну и мир спасти от бед,
Создав заслон несчастью.
По зову сердца и души,
А кто по долгу службы,
Спешили не за барыши,
Все знали – это нужно.
Герои встали, как в войну,
Не люди – Прометеи,
Как в бой за Родину свою,
Шли, жизни не жалея.
Ценою лучших сыновей,
Потерянных в стихии,
Величие страны своей
И славу подтвердили.
Сегодня нет СССР,
Но в памяти остались,
Герои огненных потерь,
Что с атомом сражались,
Спасли людей в тот скорбный час,
Вновь засияло солнце.

Чернобыль вспомнится не раз,
Спросите у японцев...

Андрей ЕГУПОВ
Далматовский МО
с. Песчано-Каледино

ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ

Заглянет зверь сюда, побродит
Среди заброшенных домов.
Не знает он, живя в природе,
Известных человеку слов,

Как Нагасаки, Хиросима,
Уран и ядерный заряд.
Что радиация незрима
И убивает, словно яд.

Здесь людям жить запрещено,
А значит, некого бояться,
Уехали давным-давно
И никогда не возвратятся.

Апрельской ночью город спал
Субботним безмятежным сном,
Тогда ещё никто не знал,
Что навсегда покинет дом.

С утра ворвётся в жизнь кошмар,
По городу поскачет бесом.
Пылал на станции пожар,
Недалеко, за хвойным лесом.

Эксперименты проводили,
А получили ад земной.
Большую цену заплатили
За тот злосчастный выходной.

Реактор только что был жив,
И вдруг в агонии забился.
Стонал, рычал – раздался взрыв...
И в мирный атом бес вселился.

Взметнулось пламя в небеса,
Всё ослепив собой в округе,
Как будто вырвалась гроза
Из жерла адского в испуге.

Второй хлопок и выше пламя,
Наверно, звёзды обожгло.
Шепнул беззвучно кто-то: «Мама!» –
Реактор в щепки разнесло.

Светился жутким фиолетом,
Кипел, нутром своим парил.
Огонь багрово-синим цветом
Из жерла вверх наружу бил.

Струился пепельный дымок.
Взорвались сотни Хиросим.
Разрушен был 4-ый блок,
Взорвались судьбы вместе с ним.

Кругом реакторный графит.
На крыше он и на земле
Кусками чёрными лежит,
Смерть, излучая в жгучей мгле.

Цветами радуги играла
Труба ночная на АЭС,
Округа «атомом» дышала,
За полчаса стал рыжим лес.

Он спас людей от страшной грязи,
Собою город заслонив.
Хвоя впитала часть заразы,
Свои иголки опалив.

В невиданном ещё пожаре
Сгорели сосны без огня,
Не издавая запах гари,
Радиоактивностью звеня.

Свалили позже, закопали,
Наверно, сосны век росли?
Они, как люди, жертвой стали,
С людьми в историю вошли.

Поднялись части по тревоге
Тушить на станции пожар.
Он бушевал, пылая в блоке,
Душил урановый угар.

Блок грохотал, как зверь ревел,
Клубился чёрный дым с огнём.
Вода фонтаном, пар шипел
И искры сыпались дождём.

Горели кабели, и мгла
Сверкала, слышались хлопки.
Пыль смертоносная легла,
Припудрив лица и виски.

Слепило вспышками глаза,
Хлестало масло, всё в пыли.
Нет крыши – видно небеса,
Мерцали звёздочки вдали.

Горящий битум вниз летел
Струёй, но в точь, как из ракеты.
Свет аварийный еле тлел,
Двоились в сумраке предметы.

Глаза в прибор с тревогой впились...
Не может быть! Что за дела?
Зашкал! Дозиметры взбесились!
Что? Радиация сожгла?
Жгло веки, горло – не вздохнуть,
Плевались липкою слюной.
Жгло изнутри лицо и грудь,
Плеснули словно кислотой.

Пот жжёт глаза – не вмогуту!
Першило в горле, духота.
Мука какая-то во рту,
Сушило кожу, тошнота.

Лишь роба, каска, рукавицы,
Невыносимый едкий жар.
Ожоги, рвота и больницы,
В придачу «ядерный загар».

Клокочет дьявольская смесь,
Где сердце ядерное билось.
Осталась только крышка здесь,
Частично в шахту провалилась.

Взлетев, как лёгкое перо,
Перевернувшись, вниз упала –
С наклоном встали на ребро
ТРИ С ЛИШНИМ ТЫСЯЧ тонн металла!

Кран мостовой и спецмашину,
Как мяч подбросило... потом,
Всё это рухнуло в пучину
Котла, кипящего огнём.

А прежде падая, успели
Пробить над пультовóй бетон.
Обломки намертво засели,
Зависнув сталью над котлом.

Уран под шахту вниз стекал,
Графит светился красным светом.
Кипел расплавленный металл,
Цирконий плавился в нём следом.

Сползала лава на бетон,
Остыв, в чертогах затаилась...
В ней яда десять с лишним тонн –
В «слоновью ногу» превратилась.

Зловещий блеск, гнетущий мрак,
Полы бетонные и стены.
На дне невидимый очаг,
Трещат смертельные рентгены.

Страшнее нет по своей сути –
Раздавит вас, как комара.
В ней радиации до жути,
Хоть всё случилось не вчера.

Взорвалось атомное сердце –
Ворвался в жизнь незримый враг.
Осталось шкаф открыть, одеться
И в неизвестность сделать шаг.

Днём позже Припять опустеет,
В ней не останется людей.
Любимый пляж осиротеет,
Умолкнет звонкий смех детей.

Сказали паспорт не забыть;
Продукты, вещи, деньги взять;
Краны в квартире перекрыть;
Дальнейших указаний ждать.

Автобусы к домам подали,
Пообещали всех вернуть,
И увезли, они не знали –
В один конец лежал их путь.

Оставив братьев наших меньших
На трое суток, но, увы...
Простите всех хозяев грешных,
Они страдают, как и вы.

Клянут себя, но кто же знал,
Что уезжают навсегда?
Никто друзей не предавал,
Вас запретили брать тогда.

Приедет в зону ликвидатор,
Со всей страны честной народ.
Заткнёт разрушенный реактор,
Над блоком купол возведёт.

Помыли здания, дороги,
В могильник «мусор» увезли.
Простые люди, а не боги,
Поклон до самой им земли.

Снимали грунт, графит таскали,
Лопатой брали и вперёд!
Бегом, скорей – все понимали,
Что на секунды счёт идёт.

Врачи свой подвиг совершили,
Иной раз, жертвуя собой.
И день, и ночь больных лечили,
Уйдя в работу с головой.

На что смотреть пришлось в больницах,
Не каждый выдержать бы смог!
Чужая боль читалась в лицах
Врачей, исполнивших свой долг.

А сколько в первых же рядах
Людей шагнуло прямо в пекло?
Порой бывало, что в глазах
Кружилось небо, солнце меркло.

Все вертолётчики – герои,
По двадцать вылетов за день!
Над ними небо голубое,
Под ними тысячи рентген!

Крутились стрелки на панели.
Что на приборах – не понять.
От радиации хотели
Себя с оси своей сорвать.

Свинец, песок бросали в жерло
И так по кругу день-деньской.
Шум в голове, лицо краснело,
А в пять утра обратно в бой.

Все облученью подвергались,
Жара, как в бане, на бортах!
Кто был в Афгане, признавались,
Труднее здесь, чем там в горах.

Стальные нервы на пределе,
В наушниках один лишь треск –
Без них к реактору летели,
А под винтом был мёртвый лес.

А было дело, погибали.
Случилось – рухнул вертолёт.
Три мощных крана там стояли,
И трос винтом задел пилот.

Крутилась смерти карусель,
А под землёй без лишних слов,
Упрямо к центру полз туннель,
Пропахший потом горняков.
Промокли все, хоть выжимай!
Бежит ручьём горячий пот.
Над головой бушует май –
В садах черёмуха цветёт.

Народ особенный – шахтёры.
Огромной воли мужики!
И если надо – сдвинут горы,
Всему на свете вопреки.

В патриотическом порыве,
Глотая пыль, глотая пот,
По деловому, молчаливо,
Считая метры, шли вперёд.

Туннель под блоком пробивали,
Совсем себя не берегли.
Уложив рельсы магистрали –
«Дорогой жизни» нарекли.

В конце лопатами копали,
Откуда столько сил взялось?
Бетон по трубам подавали –
«Подушку» заливать пришлось.

Проложат трубы, провода
Для охлаждения расплава.
Никто не знал ещё тогда,
Что затвердеет вскоре лава.

Жара не меньше, чем в парной,
Одежда белая на теле.
Лишь полчаса, и всё, отбой –
Уже другая смена в деле.

Всё понимали и спешили,
Работал каждый за троих.
Шахтёрский подвиг совершили,
И к счастью всех «вулкан» затих.

Есть фраза – зона отчужденья,
«Нога слоновья», рыжий лес.
Всё это часть лишь порожденья
Земного ада на ЧАЭС.

Ползла зараза по траве,
С дождём весенним проливалась.
Летела с ветром в синеве
И с половодьем растекалась.

Как время всё же быстротечно.
Каких нам ждать ещё Голгоф?
Чернобыль впишется навечно
Строкою страшных катастроф.

С той даты, атомом сожжённой,
Минуло сорок лет почти,
Как и тогда, неугомонный
Забрезжил робкий свет в ночи.

Туман, озябший над полями,
Встречает утренний рассвет.
Возникнет с первыми лучами
Из тьмы забытый силуэт.

Раскаляется красный восток,
Заблестела в окне паутина
И, кудрями достав потолок,
Загрустила в квартире рябина.

А на крышах берёзы растут,
Как на вышках стоят часовые.
С первых дней мародёры начнут
От беды получать чаевые.
Страсть наживы не ведает страха.
Негодяев ничем не сдержать,
Даже если кровавая плаха
С топором у дверей будет ждать.

От любителей жить задарма,
По стране растащивших заразу,
Окружили колючкой дома,
Ток пустили, не мешкая сразу.

Что украли – сдадут на толкучках,
Бог им, видимо, не дал ума,
Но, а Припять в железных «колючках»
Разрушалась, ветшали дома.

Во дворах заросли карусели,
С колесом обозренья вдали.
Рядом намертво встали качели,
Своей ржавчиной в землю вросли.

День, лисицу на площади встретив,
Словно тень исчезает в ночи.
Огоньки чьих-то глаз приметив,
Светлый месяц поднялся в тиши.

Взглянет сверху с задумчивой грустью,
А в звенящей ночной тишине
Не горят фонари, в окнах пусто,
Затаился лишь мрак в глубине.

Сколько там бесполезных зеркал?
Отражается в них лунный свет.
От людского забвенья устал,
Этот город, которого нет.
24.02.2026 г.

Примечания

1. «Слоновья нога» – застывшая лавообразная масса, образовавшаяся в результате сплавления ядерного топлива, бетона, металла и графита. Свое название она получила благодаря характерному внешнему виду, напоминающему отекшую, морщинистую конечность слона. В момент обнаружения в 1986 году, уровень радиации в непосредственной близости от «Слоновьей ноги» достигал 10 000 рентген в час, что делало ее одним из самых смертоносных мест на планете.

2. Спецмашина – разгрузочно-загрузочная машина (РЗМ), при помощи которой в реактор загружается свежее топливо и выгружается отработанное. Вес 465 тонн.

3. Котёл – ядерный реактор атом-
щики часто называют «котлом». Термин
«ядерный реактор» стали применять с
1955 г.

4. Шахтёры, работавшие под землёй
на Чернобыльской АЭС, носили белую
спецодежду, как у работников станции.

5. «Подушкой» под реактором на
Чернобыльской АЭС называли железо-
бетонный монолит размером 30×30×2,5
м. Его соорудили, чтобы задержать
раскалённое топливо в случае его дви-
жения вниз при разрушении строитель-
ных конструкций реактора.

Лариса ВЕРХНЕВА
с. Белозерское

Я ПОМНЮ

Сначала шум пронёсся, еле слышный,
В который верить не хотелось очень,
Что за грехи грядёт нам
Суд Всевышний,
Смертельной радиацией отточен.

Авария. И вся страна в тревоге
Прильнула к новостной телепрограмме.
И женщины в невероятном шоке
Прижали ребяtnю к себе руками.

Я помню. Я была одной из женщин.
Прижав к груди двухлетнего сынишку,
Вдруг вспомнила, что мир не бесконечен,
Жизнь показалась хрупкой,
даже слишком.

Как в бой, мужчины буднично и споро
Засобирались помогать в Чернобыль.
А нежелание помочь, без спора,
Здоровье, души им спасти
смогло бы ль?

Работали ответственно, отважно
И зону отчуждения гранича.
Опасность заглушить им было важно,
Чтоб жизнь вокруг цвела
под гомон птичий.

Боролись с радиацией и смертью
Потом годами славные герои,
С немыслимых болезней круговертью,
С желанием поддаться им порою.

Что ж, ликвидаторы той катастрофы
Свершили подвиг.
Только больно что-то,
Ведь раньше времени
уходят в строфы
Родной страны бойцы и патриоты.

Так хочется, чтоб не было на свете
Ни катастроф,
ни катаклизмов-бедствий
И чтоб отцов не провожали дети,
Познав беду и горе в малолетстве.

Чтоб наша распрекрасная планета
Не превратилась вдруг
в каменоломни,
Чтоб не пропасть
без солнечного света,
Я помню про Чернобыль!
И ты – помни!

Анастасия МЕНЩИКОВА
п. Мишкино

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

А сорок лет назад всё было мирно –
Кукушка куковала, ветер спал,
Апрель цветы сажал так ювелирно,
И кто-то первомайский праздник ждал...
Чернобыльская станция, реактор,
От взрывов на земле разверзся ад,
А в Киеве все в праздничную дату
Шагали строем дружно на парад.
О той беде не сразу все узнали,
Эх, горькой стала «чёрная полынь»!
А жители с надеждой уезжали
Вернуться до посадочной поры.
Пришлось покинуть дом,
могилы предков.
Животных, вещи брать с собой нельзя!
А с радиацией повсюду пепел
Накрыл поля и крыши, и леса.

Пожарные, шахтёры и солдаты,
Гражданские, военные, запас –
Без промедления, не за награды
С врагом незримым бились каждый час.
Болезнь их поразила лучевая,
Ожоги, слепота, а многим – смерть,
Удел героев – жизнь отдать, спасая,
Чтобы воскресла вновь земная твердь.

ХУДОЖНИКУ ВАЛЕРИЮ БОБКОВУ*

Казалось бы, обычный ликвидатор,
Ожог сетчатки, левый – не спасли,
По жизни шрамом пролегает дата –
Трагедия для всей большой земли.
Без зрения почти художник. Больно...
Но не жалеет в жизни ни о чём,
Вернулся в Припять снова добровольно,
(Пусть даже она станет палачом).
Рисует он Чернобыля картины,
Полгода пролетели, словно миг,
Природы гибель, рыжий лес, руины,
Порой, реальность хуже
страшных книг.
А позже ждёт Италия, Везувий,
Помпеи он с Чернобылем сравнил,
Он знал одно, как человек рискнувший -
Твори добро, пока хватает сил.
И он творил, продав свои картины,
Все деньги на лечение отдал
Больным детишкам – ангелам невинным,
Тем, кто от облученья пострадал.
Художник получил письмо однажды
От девочки, что выросла уже:
«Спасибо Вам! Здорова. Вышла замуж!»
И счастье расцвело в его душе.

** Валерий Константинович Бобков — советский и российский художник-живописец, график, скульптор. Известен как первый и единственный в СССР профессиональный художник, создававший картины в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС.*

Лада КУЗНЕЦОВА
г. Петрозаводск
Республика Карелия

ВЗОРВАННАЯ ВЕСНА

Никто не ждал беды. Сама пришла.
Без спросу, грозно, среди ночи – в сны.
Сиреной заревела. Взорвала
Покой и негу дремлющей весны.

Невидимой рукою страшный бес
Осыпал пеплом спящие поля,
Под грохот расколовшихся небес
Сочилась ядом, мучаясь, земля.

А кто-то и проснуться не успел:
Не долюбил, не спел, не дочитал.
Он тенью бестелесной улетел,
Что вмиг исчез – не понял, не узнал...

Часы стоят. Поскрипывает дверь...
В домах безглазых – роем сквозняки.
И холодит предутренняя серь
На брошенных могилах васильки.

Там, на руинах рухнувших надежд,
Набат Чернобыля гудит, не умолкая,
Пока очередной не взят рубеж –
Предупреждает, молит, закликает.

...Когда-нибудь здесь зацветут сады,
Жизнь возвестит заливиная трель,
Склонятся ивы томно у воды –
Вновь заиграет, зазвенит апрель!..

Евгений МАСКАЛЮКОВ
г. Ленинск-Кузнецкий
Кемеровская область

ВЕРНУСЬ К УТРУ...

В ту ночь за шторами
дремала тишина,
Ты собирался в смену, как обычно.
«Вернусь к утру», — шепнул, и у окна
Меня поцеловал почти привычно.

В ладонях ты баюкал мой живот,
Где наше продолжение дышало.
Ты говорил: «Пусть сын мой подрастёт,
Я научу его всему, что знал не мало».
Ушел. В дверях растаял силуэт,
Лишь в коридоре гул шагов остался.
А в небе полыхнул неона свет —
То атом в гневе диком разрывался.
Пока спала я, видя добрый сон,
Ты в пекло шёл, не прячась от пожара.
Смертельный луч, прозрачен и силён,
Пронзил тебя безмолвием удара.
В ту ночь там даже плавился бетон,
И небо было рыжим, страшным цветом.
Ты не услышал наш последний зов,
Сгорев заживо в зареве рассвета.
Настало утро — хмурое, не то.
Тебя в нём нет. Лишь пепел на пороге.
Висит в прихожей старое пальто,
И впереди — беспутные дороги.
Сын вырастет. Лицом будет похож
На ту улыбку, что в дверях мелькнула.
Но ты его на руки не возмёшь —
Та ночь навеки всё перевернула.
Сквозь годы, сквозь бетонный саркофаг,
Я принесу цветы к твоей могиле.
Мой муж, герой, ты сделал этот шаг,
Чтоб мы на этом свете просто жили...

Виталий ТАРАСОВ
г. Курган

ЛИКВИДАТОРАМ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧАЭС

«Героями не рождаются – героями
становятся!»
Ничто не предвещало нам беду.
Весна цвела и силы набирала...
В том памятном, трагическом году
В ту ночь судьба народ наш вновь
На прочность, силы духа испытала...
Внезапный взрыв!..
Четвертый блок в огне...
АЭС Чернобыльская стала адом...
Сквозь годы снится очевидцам в
страшном сне
Их город Припять, что считали садом.

Взрыв прогремел и город-сад
Окутал темно-рыжий пепел...
И дым, и гарь, и пламя с под небес –
Все это гнал на город сильный ветер...
И жёлтым становился лес и сад,
И речка Припять, и поля в округе...
Казалось не земля вокруг, а ад...
От радиации изнемогали люди...
Не дрогнул пред стихией наш солдат,
Пилот, пожарный, инженер, рабочий.
Рискуя жизнью, установили саргофаг,
Стихию заглушили, обеспечив...
Пройдут десятки, сотни лет...
Народы будут помнить
сыновей России.
Всех тех, кто жив сейчас,
кого уж с нами нет...

Кто устранял последствия стихии
не ради славы,
не жалея сил,

Здоровье личное
на кон судьбы поставил.
Кто в трудную минуту для страны
Трудом и мужеством себя прославил!
Не струсил кто, не кинулся бежать,
А сделал всё, чтоб усмирить стихию.
Потомки будут их с любовью
вспоминать
И называть Героями России!
Узнаем ль мы аварии секрет?..
Какая б ни была в политике «погода»,
Им память вечная!

Награды выше нет,
чем память Родины
и своего народа!
Ничто не предвещало нам беду...
Весна цвела и силы набирала...
В том памятном, трагическом году,
В ту ночь судьба народ наш вновь
На прочность, силы духа испытала...

Римма ШАМУХАМЕТОВА
с. Маслянское
Шадринский МО

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Их было двадцать восемь.
Двадцать восемь...

Солдат, которых помним с дней войны,
Панфиловцы стояли цепью плотной
И оставались там,
на подступах Москвы.
Тогда был враг понятен, осязаем,
Там танки шли, земли взрывая твердь,
Фашистские, со свастикой, чужие
И поджидала их в окопах смерть.
Во время мирное
опасность есть другая,
Где атом стал не другом, а врагом
И радиация повсюду проникая,
Делила время на сегодня и потом.
Их тоже было ровно двадцать восемь
Пожарных, что в огонь пошли стеной,
Без их решимости, упорства и отваги,
Что стало б со страной моей родной?
Той ночью теплой, по апрельски светлой,
Когда весь город безмятежно спал,
В Чернобыле, что по-соседски, рядом
Зловещей тенью этот атом стал.
Что было там? Ошибка и халатность?
Самонадеянность, незнание основ?
Взорвался ярким пламенем реактор
И уничтожил ночь спокойных снов.
Был еле слышен гул машин пожарных,
Все было рядом, километрах в трех
Не просыпалась Припять.
Лишь пожарным,
Понятным было, что случилось,
и без слов.
И в это время на постах пожарных,
Сработала тревога для частей
И началась опасная работа
Обычных, так казалось бы людей.
Да, пламя победить для них привычно,
Брандспойтов развернулась быстро сеть,
Но ждал пожарных враг куда опасней,
Вопрос стоял: тушить и умереть.
Светился в небе отблеском реактор,
Зловеще растворялась ночи тьма
И радиация невидимую тенью
Захватывая все вокруг, ползла.
Но шли пожарные вперед
сплоченной цепью
Никто тогда назад не отступил,
А главный враг, невидимый,
прозрачный,
Всепроникающе позиции мостил.

Горел графит, вода во тьме светилась
Никто тогда еще не понимал,
Какая адская трагедия свершилась
И для кого-то этот день
последним стал.
Погибло шестеро,
в тяжелых страшных муках
Их судьбы- радиации мишень,
Которая сжигает кости, жилы,,
И забирает жизни через день.
А Припять рано утром просыпалась,
Смахнув дремоту безмятежных снов.
Совсем не ведая,
что скоро все покинут
Уют своих квартир, своих домов.
Их было двадцать восемь,
двадцать восемь.
Как будто ожили солдаты дней войны!
Мы им за все безмерно благодарны,
Пожарным, отстоявшим жизнь страны.

Алексей БОРОДИН
*Курганский государственный
университет*

РАССВЕТ НАД ПРИПЯТЬЮ

Рассвет над Припятью вставал,
Не зная горя и беды.
Никто опасности не ждал
Среди цветущей той весны.
Но в тишине, в ночном часу,
Когда утихли голоса,
Раздался взрыв — и мир упал,
И почернели небеса.
Дрожь под землёй, удар, как гром,
Четвёртый блок открыл забрало.
Перевернулось всё вверх дном,
Героев время вновь призвало.
Ребята шли дорогой в ад,
Не пряча лиц, не пряча глаз,
Сквозь дождь и зной,
сквозь дым и смрад
И действуя не напоказ.
Хрустел графит тогда, как снег,
Но то был снег иной зимы.
И сокращала жизнь навек
Улыбка ядерной чумы.

Тот саркофаг теперь, как щит,
Молчанье, боль и ржавый стон.
Земля под пеплом вдовьих плит
Хранит тот горький, страшный сон.
Склоняем головы в тиши,
Пред теми, кто закрыл собой
Врата бездушья, ад глуши,
Ценой, неведомой порой.
Апрель – то памятная дата,
Когда разверзлась тишина.
Мы помним всех, кто жил когда-то,
И чья оборвалась весна.

Алёна БРЯКОВА
Петуховская СОШ, 9 кл.

ГОРОД-ПРИЗРАК

Под небом апрельским,
объатым внезапным испугом,
Взметнулся реактор –
огненный шквал из глубин.
Земля почернела, и люди,
живущие кругом,
Собрали все вещи.
Город остался пустым.

Тут дети смеялись,
забыв про тревоги и беды,
Их мамы надеялись –
жизнь для них будет простой.
Сегодняшний вечер для них
стал шепоткою пепла,
В том мире, где раньше
царил лишь покой.

Теперь тишина над равнинами
сонными бродит:
Не слышно ни птиц, ни людей,
ни шума листвы.
Дома опустели,
травой заросли все дороги,
И жизни судьба замела все следы.

Забытый Чернобыль лежит,
словно старая книга,
Страницы которой давно
человек не листал.

Народ называет его «Город-призрак»,
И эхо шагов здесь лет сорок никто не
слыхал.

Вангьял ДАРБАКОВ
Республика Калмыкия, г. Элиста
Элистинский лицей, 8 класс

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ ЧЕРНОБЫЛЯ

Дыхнул реактор жаром адским в ночь,
И город стих, объят зловещим сном.
Поднялся смерч, неведомую мощь
Неся с собой, как погребальный звон.

Не слышно было криков, лишь сирены вой
Тревогой разрывавший тишину.
И люди шли, готовые на бой,
На «мирный» атом шли, как на войну.

Рискуя жизнью, ради жизни тех,
Кто спал в домах, цветные видя сны,
Вступали в бой, не ведая помех,
Советской Родины отважные сыны.

В забралах-масках, словно на войне,
Они гасили пламя, гнали страх.
И каждый шаг сквозь боль, но шли они,
Ведь долг превыше боли был в глазах.

Под сталью и бетоном, в эпицентр,
Они входили, жертвуя собой.
За мир, за жизнь – святая цель
В смертельной схватке
с ядерной грозой.

Пусть время лечит раны, но в сердцах
Останется их подвиг навсегда.
Бессмертен тот, кто смертью
смерть поправ –
Зажжётся в небе новая звезда!

Они ушли, но свет их не погас,
В людских сердцах остался он.
Ликвидаторы-герои, помним вас!
За вашу жертву, низкий вам поклон!

Глеб МЕЗЕНЦЕВ
Петуховская СОШ, 9 кл.

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

Сорок лет как выжженная дата,
Звенит в ночи апрельский тихий гром,
Где пламя рвало небо виновато,
И мир качнулся атомным костром.

Там над рекой у сонной Припяти
Встал чёрный столб безмолвный,
как укор.
И в сердце юной, светлой Припяти
Ворвался страх, как огненный дозор.

Четвёртый блок дрожал
в слепом надрыве,
Рассыпав искры в траурную высь.
И тень легла на нивы и разливы,
Где раньше детский смех звенел,
как жизнь.

Гудел реактор в ярости бездонной...
То был разлом надежд и тишины.
И имя горькое Чернобыльской АЭС
Словно печать на лике атомной весны.

Но встали люди хрупкие, земные,
Закрыв собой расплавленный разлом,
И через годы помнить будут все живые,
И свет хранить над выжженным крылом.

Злата ШВЕЦОВА
Глядянская СОШ, 6 кл.

40 лет прошло, почти полвека...
Память возвращает нас опять
На ту страшную битву человека
С катастрофой, а иначе не сказать.

Город спал, ничто не предвещало
Той беды, которую не избежать.

Только утром население узнало,
В ночь ушло людей – не сосчитать...

Героически бесстрашные мужчины –
Ликвидаторы Чернобыльской АЭС,
В мыслях, в деле вы в своём едины
Сколько же погибло? И не счесть.

Мы сегодня стоя выражаем
Ветеранам, семьям их и всем родным
Благодарность и, поистине, считаем
Что без вас, могло и нас не быть!

Вероника ШОРОХОВА
Петуховская СОШ, 9 кл.

НЕМОЙ ГОРОД

Тишина, как саркофаг, в Припяти лежит,
Где яростный пожар сорок лет назад пылал.
Город-призрак в забытии
своих жителей хранит,
И время на часах навсегда здесь встало.

Нет росы на пустых улицах,
а в окнах – лишь птиц полёт,
И тень беды на каждом этаже
безмолвно говорит.
Стальная ограда памяти –
немеркнувший оплот,
Она немой свидетель
тех трагических событий.

Мы помним тех, кто сделал шаг
в кромешный ад,
Без страха шёл навстречу смертной тени...
Ваш подвиг – вечный, скорбный
и святой уклад,
Урок для всех грядущих поколений.

Пусть лес в квартиры пустит свои корни,
Закроет раны на земле травой зелёной
И пусть над Припятью рассвет напомним,
О тех героях, атомом сражённых...

Любовь ИВАНОВА
Далматовский МО
с. Уксянское

ЧЕРНОБЫЛЬ. НАШИ ЗЕМЛЯКИ

Чернобыль! Громом разлетелось ТВОЁ НАЗВАНИЕ по миру. А с ним – признание за смелость ТЕМ, кто закрыл собой горнило... С 1986 года в наших сердцах живёт страшное слово: Чернобыль и скорбная дата - 26 апреля, ставшая теперь Международным днём памяти жертв радиационных аварий и катастроф. В НОЧЬ 26 АПРЕЛЯ 1986 На Чернобыльской АЭС вырвавшееся на свободу радиоактивное облако смертоносным одеялом покрыло ближайшие села и города и принесло с собой огромные беды и страдания. В ЭТОМ ГОДУ исполняется 40 ЛЕТ со дня крупнейшей техногенной катастрофы – аварии на Чернобыльской атомной станции. Последствия аварии могли бы быть гораздо серьезнее, если бы не героизм тех, кто ликвидировал аварию, Не их мужество и самопожертвование. Наши зауральцы, военнослужащие запаса, из Далматовского района 116 человек, в том числе 8 человек из нашего села, прибыли для оказания помощи населению и выполнения других задач по ликвидации последствий катастрофы на атомной станции.

Сержант **Степановских Василий Александрович** находился в Чернобыле с декабря 1986 года по май 1987 года. Обыкновенный сельский парень из с.Лебяжье, закончил десятилетку, отслужил армию на Дальнем Востоке в танковом полку командиром ремонтного отделения, вернулся домой, поработал трактористом на посевной, приглядел себе невесту Любашу, фельдшера, сыграли свадьбу и переехали жить в с. Уксянское. Василий Александрович устроился работать в МСО трактористом, Любовь Дмитриевна в Уксянскую участковую больницу. Народились и детки: сыночек и лапушка-дочка. В 1985 Василий Александрович устроился на работу в качестве слесаря 6 разряда на участок «Д» Малышевского рудоуправления. А в декабре 1986 года всем военнослужащим запаса, от 35 до 45 лет и имеющим двоих детей выдали повестки: явиться на призывной пункт для отправки на военные сборы. Конечно, все понимали, что поедут в Чернобыль. Так называемую переподготовку старослужащие и ещё 50 срочников молодых проходили в Златоусте. Зима, холод, неотапливаемое помеще-

ние. Мужчины сами создавали для себя бытовые услуги. А после эшелонам их отправляли в Белоруссию в Гомельскую область. Часть находилась в 30 километрах от АЭС. Вокруг этой 30-ти километровой зоны находилось более ста

военных спецподразделений, и, у каждого была своя задача и работа. Все по-военному точно: дисциплина, режим, план работы, выполнение, результат. Картина, конечно, страшная. Без мирных жителей поселки, города, большие предприятия, грохот работающей техники, знаки «Прход запрещен», «Заражено», колючая проволока... Вот что наделал этот невидимый страшный враг, без вкуса и запаха, называемый – радиация. Работали днем и ночью от нескольких минут до нескольких часов в зависимости от уровня радиации. Зимой работали в выселенных деревнях: закрывали колодцы от загрязнения, разбирали постройки, всё это вывозили и «хоронили» в огромных траншеях, там же и техника, грунт, зараженный лес, костюмы, в которых работали люди. Весной - на станции, а Василия Александровича оставили дежурным в батальоне. Командир батальона

был как отец родной им, берег своих подчиненных. Строго следил за временем работы и за дозой облучения каждого, выходящего на работу. Сначала доза облучения была не более 15 рентген, затем убавили - не более 10 рентген, и больше уже работать он не разрешал, отправлял в подразделение. Василий Александрович находился на Чернобыльской земле с декабря 1986 г. по 17.05.1987 г., награжден медалью «За спасение погибавших». Вернувшись домой, Василий Александрович отгулял положенный отпуск, отдохнул, восстановил силы и до выхода на заслуженный отдых продолжал работать слесарем на участке «Д» Малышевского рудоуправления. На память бойцы ликвидаторы Уральского полка сделали фото у въезда в расположение войсковой части у боевой машины со знаковым номером 264 – день аварии на ЧАЭС... На фото Василий Александрович второй слева вверху во втором ряду и Палицын Дмитрий Иванович, рядовой, тоже житель нашего села был в Чернобыле с 09.04.1987 по 28.12.1987г. На фото внизу, третий слева. А так же участниками ликвидации последствий на ЧАЭС были Зайков Виктор Алексеевич, Ознобишин Самуил Филлипович, Охулков Анатолий Александрович, все они награждены медалью «За спасение погибавших», Вохмяков Александр Павлович, Кононов Александр Анатольевич, Архипов Анатолий Алексеевич.

Чернобыльская авария стала не только огромной трагедией и крупнейшей экологической катастрофой 20 века, но и уроком всему человечеству, показав, что вышедшая из-под контроля ядерная энергия не признает границ. К сожалению, ее отголоски будут звучать еще долго и скажутся не на одном поколении людей. Ведь радиоактивный мусор утратит свою губительную силу через 300 лет. Все, кто там был, это настоящие мужчины. Они выполнили свой долг с риском для здоровья и самой жизни, и государство просто обязано оказывать им помощь и поддержку.

МИХАИЛ ЗАЙКОВ

**Далматовский муниципальный округ
с. Новопетропавловское**

ВЫШЕДШИЕ ИЗ АДА

**Ликвидаторам на атомных объектах страны
посвящается**

Об авторе

Зайков Михаил Александрович

Родился в д. Ленинка, Новопетропавловский сельский совет, бывший Уксянский район, ныне Далматовский 15 апреля 1949 г. в рабоче-крестьянской семье. Окончил 8 классов Новопетропавловской средней школы, работал токарем в колхозе «Урал» до призыва в ряды Вооруженных Сил. С ноября 1968 года по декабрь 1970 года проходил военную службу. После демобилизации 3 года работал в лечебном учреждении Новопетропавловской психиатрической больницы. В 1974 году перешел работать в Новопетропавловскую среднюю школу военным руководителем, учителем трудового обучения. Возглавлял ученическую производственную бригаду, вел кружки: «Стрелковый», «Умелые руки», «Фотокружок». Был председателем общества «Знания», председателем детской комнаты милиции. Вел патриотическое воспитание, проводил военизированные игры с ребятами, ходил с ребятами в длительные походы. В октябре 2009 года вышел на пенсию. Возглавлял ветеранскую организацию села. Посещал родную школу, проводил беседы с детьми.

Написал ряд книг: «Они сражались за Родину», «Тыл фронту», книги об исчезнувших деревнях Труженик, Ленинка, «Война и дети», «В службе честь», «По волнам памяти», «Моя родословная».

В настоящее время работает над книгой «История Новопетропавловской средней школы».

Являлся организатором «Бессмертного полка».

Вышедшие из ада

На Потсдамской конференции лидеров стран-победительниц в Великой Отечественной Войне И.В. Сталин услышал из уст американского президента весть о том, что ими изобретено супер оружие, и оно испытано. Сталин не подал виду и не сделал испуганное лицо.

Он знал, что эти работы велись в Германии, в США, Японии, и эти разработки велись в Советском Союзе. Для решения ядерной проблемы были привлечены все ученые физики. Со стороны американцев это был вызов и предупреждение, в планах США уже были намечены цели в СССР для будущей атомной бомбардировки. Бомбардировка японских городов Хиросима, Нагасаки показали всему миру насколько разрушительна сила этого оружия. По тем временам средствами доставки этого оружия были самолеты. Территория СССР была огромная, и наши летчики обладали опытом воздушных боев, то, возможно, эти факторы помешали осуществить свои планы бывшим нашим союзникам.

Нужны были более скоростные и неуязвимые средства доставки, а их не было. В 1949 году в СССР была испытана первая атомная бомба. Началась «холодная война». Для начинки атомной бомбы нужно было сырье. Его добывали и перерабатывали на производственном объединении «Маяк». Этот комбинат уже с 1949 года сбрасывал радиоактивные отходы в водохранилища. Из-за нарушения условий хранения 29 сентября 1957 года произошел взрыв на одном из одиннадцати хранилищ. Взрыв был такой мощный, что крышку хранилища, весом 160 тонн, отбросило в сторону на 20 метров. Площадку засыпало отходами. Для ликвидации последствий были привлечены военнослужащие в/ч 11003. Среди них были наши земляки: Краснопеев Анатолий Степанович, Щербаков Александр Егорович, Абрамовских Николай Екимович. О них и пойдет речь.

Краснопеев Анатолий Степанович

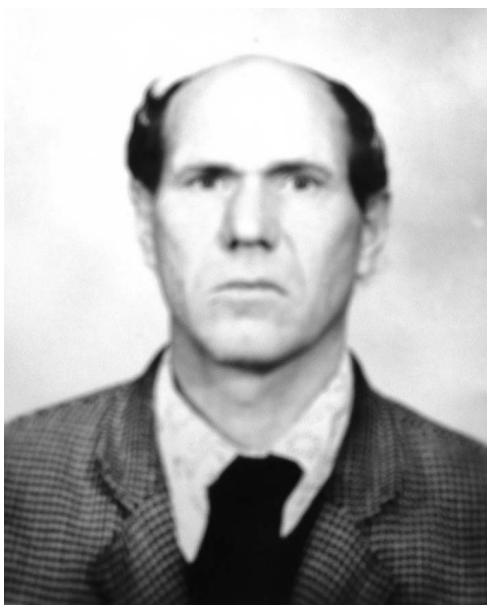
Родился в крестьянской семье в д. Ленинке в 1937 году. В полной мере познал военное детство. Отца, Степана Семеновича, призвали в «трудовую армию» там и остался навсегда, лишь только крест из березовых жердей был ему памятником, да добрая память – безотказный был человек. Это его и погубило. Всем старался уноровить. Кому топором сделать, кому пилу подправить. План не выполнялся, урезался хлебный паек, в результате смерть от истощения.

Анатолий рос озорным мальчишкой. После семи классов обучения освоил профессию тракториста. Работал до призыва в армию.

Был призван в армию в 1956 году. Приходилось убирать пепел, засыпать

песком площадку. Работали в противогазах, расpirаторах. Радиационный контроль был, только кто скажет сколько получили Рентгенов. След ядерного взрыва прошел по территории Далматовского района. Часть населенных пунктов были перенесены в другие места, а река Теча до сих пор считается опасной, хотя ее водой пользуются и ловят рыбу. Работы были выполнены. По окончании службы подписались о неразглашении подробностей. Дома его уже ждала жена Тамара Ивановна с маленьким

сыном Мишей и крестьянская работа. Дали ему разобранный по частям трактор Беларусь и, не снимая солдатской формы, он привел его в порядок, и трудился на нем в колхозе «Урал» бригады №3.

Любимым его выражением было: «Не тот пахарь, что пашет, а тот, кто пахотой любит». Отличался веселым юмором, играл на гармони. Был активистом. Частенько с молодежью пытался устроить соревнования. Любил прихвастнуть. Перепрыгивал через изгородь из штакетника высотой 120 см, но из молодежи никто не пытался проделать этот номер. Мог прыгнуть в речку с самого высокого обрыва. Во время выполнения авральных работ был красноречивым. Хотя

Поселок, перенесенный из зоны риска

Река Теча. Памятник жертвам радиации.

был не скандальным и добрым человеком, но колхозное начальство его недолюбливало.

Работа в зоне риска сказалась на здоровье Анатолия Степановича и в возрасте 74 лет его не стало. Похоронен на сельском кладбище. С женой Тamarой Ивановной вырастили сына Михаила и дочь Ирину. Оставил о себе хорошую память.

Абрамовских Николай Екимыч

Родился в д. Прошкино Галкинско-го района, позднее Шумихинского, в 1937 году в крестьянской семье. Детство пришлось на голодные и холодные военные годы. Рано познал крестьянский труд. Окончив четыре класса сельской школы, пошел работать в колхоз «Имени Ленина» д. Прошкино. Был разнорабочим.

В 1957 году был призван в ряды Вооруженных Сил. Катастрофа на производственном объединении «Маяк» 29 сентября 1957 года требовала больших людских резервов для ликвидации последствий. Пришлось служить в в/ч 11003 сапером, а позднее в/ч 20157 в этой же должности. Убирали радиоактивную грязь, засыпали очищенную территорию песком. Средства защиты были примитивны, дозиметрический контроль желал быть лучшим.

Долгое время эта катастрофа была под грифом «Секретно» и об этом Николай Екимыч, так же как и остальные ликвидаторы, не говорил. Даже собирая материал об этих участниках, их дети мне говорили: «Так ведь нельзя про это говорить». После демобилизации Николай Екимыч вернулся в родное село. Стал работать в колхозе пастухом дойного стада, а позднее овец – чабаном. Вместе с женой Татьяной Сергеевной и сыном Алексеем взяли семейный подряд – пасти овец. Как и на военной службе, к своей новой профессии Николай Екимыч относился с большой ответственностью. Был постоянным победителем соц. соревнования, неоднократно премировался поездкой на Всесоюзную Сельскохозяйственную Выставку.

О результатах его труда говорили следующие показатели: сохранение и умножение поголовья, количество и качество полученной шерсти. Ветеран труда, юбилейная медаль к «100 - летию рождения В.И. Ленина», медаль «Участнику ВДНХ», медаль «За освоение целинных земель». С женой Татьяной Сергеевной воспитали пятерых детей: Алексея, Владимира, Нину, Ольгу, Сергея.

В 2006 году переехал в с. Новопетропавловское, вел скромный образ жизни. Не стало его в 2013 году. Похоронен на сельском кладбище. Светлая ему память и земля пухом.

Щербаков Александр Никифорович

Родился 29 июля в 1937 года в с. Лебяжье Уксянского района Курганской области. Семья колхозника. Получив начальное образование на краткосрочных курсах, выучился на механизатора. До призыва в армию работал трактористом, 8

бригада колхоза «Урал» с. Лебяжье.

Был призван в ряды Вооруженных Сил в ноябре 1957 года. Служил в в/ч 11003 с ноября 1957 года по июль 1958 года сапером. С июля 1958 года по октябрь 1960 года воинская часть 20157 – сапер. Выполнял работу по ликвидации аварии на производственном объединении «Маяк».

После демобилизации работал в колхозе «Урал» трактористом, до отделения Лебяжье от колхоза «Урал» в 1966 году. В образовавшемся колхозе «50 лет Октября» работал механизатором широкого профиля, бригадиром, заведующим гаражом, механиком, заведующим МТМ. В совершенстве знал технику, помогал молодым механизаторам познавать секреты полеводства и устранения неисправностей техники.

За добросовестный труд многократно поощрялся, награжден юбилейной медалью «к 100-летию рождения В.И. Ленина», член КПСС с 1972 года.

Военное детство, работа в зоне радиоактивного заражения и самоотверженный труд на полях родного колхоза, не жалея себя, сказались на здоровье Александра Никифоровича. В 2013 году его не стало.

Похоронен на местном кладбище с. Лебяжье. Оставил о себе хорошую память. Земля ему пухом.

Чернобыльцы

Самая крупная техногенная катастрофа в мире – это авария на Чернобыльской атомной электростанции. 180 тонн пылающего урана взмыло огненным шаром на высоту 2 км 26 апреля 1986 года. Радиационная пыль распространилась по территориям Украины, Белоруссии, 17 областей России, части Западной Европы. Чернобыльская авария в 600 раз превзошла по степени загрязнения Хиросиму. 113 человек из нашего района было направлено на ликвидацию последствий катастрофы. Многие из них награждены наградами Родины. Среди них наши земляки:

Сорока Анатолий Иванович;
Заварницын Михаил Михайлович;
Щербаков Борис Петрович;
Киранов Сергей;
Шахов Александр Владимирович;
Маленьких Федор Семенович;
Миронов Владимир.

26 апреля 2016 года у районного Культурно-досугового центра состоялось торжественное открытие памятного камня землякам, проявившим мужество и героизм при ликвидации аварий на Чернобыльской АЭС. На митинге присутствовали участники ликвидации, руководители района. Право снять защитное полотно с памятного камня было предоставлено Сороке Анатолию Ивановичу и учащемуся Далматовской средней школы №2 Денису Рушкову. Были возложены цветы к подножью памятного камня.

Сорока Анатолий Иванович

Родился в 1949 году в г. Рыльске Курской области. Рядовой. В городе Чернобыле с 17 декабря 1986 года по 11 февраля 1987 года.

Его воспоминания:

- Обучение проходили в г. Чебаркуле, отрабатывали приемы пользования индивидуальными средствами защиты органов дыхания, проведению дезактивации,

дегазации и частичной санитарной обработки. После прохождения обучения нас привезли в г. Белую Церковь, недалеко от Чернобыльской АЭС. Выполняли работы по удалению радиоактивного мусора. Ад прошли ребята в Афганской и Чеченской войне, а мы видели конец света: пустые города и села, брошенные дома с чернеющими окнами, трупы собак вдоль дорог, блуждающие домашние животные. Самое страшное – подорванное здоровье при выполнении работ по ликвидации аварии.

Ликвидаторы

От автора: Анатолий Иванович - интересный рассказчик. Встречается с детьми в школе. Рассказывает о той страшной трагедии. А также он страстный рыбак, это так, для души. Хотя здоровье подорвано, но он оптимист, никогда не унывает.

С женой Ольгой Евгеньевной вырастили и воспитали сына Ивана и дочь Татьяну, которая получила высшее медицинское образование и проживает в городе Тюмени.

Киранов Сергей Александрович

Родился в с. Новопетропавловском в 1958 году. Ефрейтор. Работал механиком по животноводству на свинокомплексе колхоза «Урал». По словам друзей, был добрейшей души человек. Призван на ликвидацию аварии на Чернобыльской АЭС с 25.01.1990 года по 20.04.1990 года. Пребывание в зоне радиоактивного заражения сказалось на здоровье. Умер 23.08.2003 года. Похоронен на местном кладбище.

Шахов

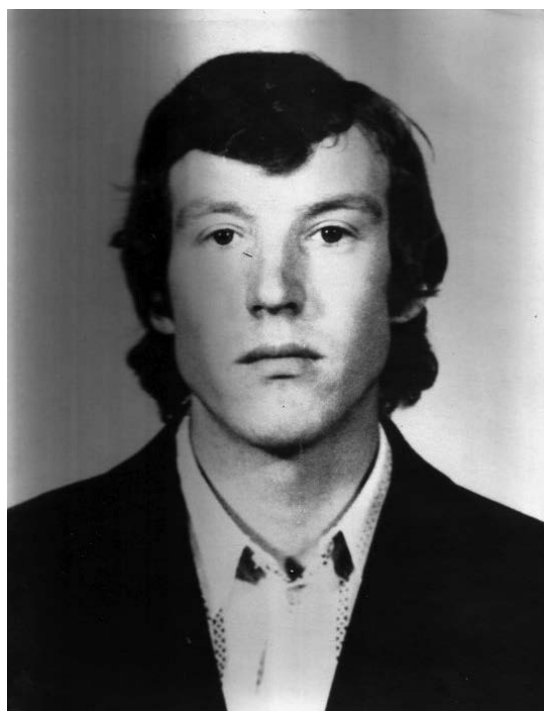
Александр Владимирович

Родился в 1955 году в семье колхозников. По окончании школы получил профессию электрика, работал в колхозе «Урал». В ряды Вооруженных Сил был призван в 1973 году. По окончании службы вернулся в родное село. Работал электриком в колхозе «Урал». Работы было много. Выезды на фермы, на зерносклад, свинокомплекс, в шко-

Щербаков Борис Петрович

Родился в с. Новопетропавловском в 1955 году. Работал в колхозе «Урал». Был призван с 13.04.1989 года по 06.08.1989 год. Пребывание в зоне радиоактивного заражения сказалось на здоровье.

Умер 18.10.2001 года. Похоронен на местном кладбище.

лу, по вызовам жителей. Росло мастерство. В дальнейшем Александр Владимирович стал «профессором» в электроделе. Помимо прямых обязанностей Александр занимался декоративно – прикладным искусством, а также конструированием. Изготовил самодельный трактор, которым пользуется более 30 лет.

Был призван райвоенкоматом с 10 июня 1987 года по 21 августа 1987 года на ликвидацию аварии на Чернобыльской АЭС. Был награжден медалью «За спасение погибающих», юбилейными медалями. По возвращении вновь продолжил работать в колхозе «Урал». После развала колхоза перешел работать в ДАЛУР электриком. Работал до выхода на пенсию.

Проживает в с. Новопетропавловском. О своей работе на Чернобыльской АЭС рассказывать не любит. «Работал, как все», - говорит он.

Миронов

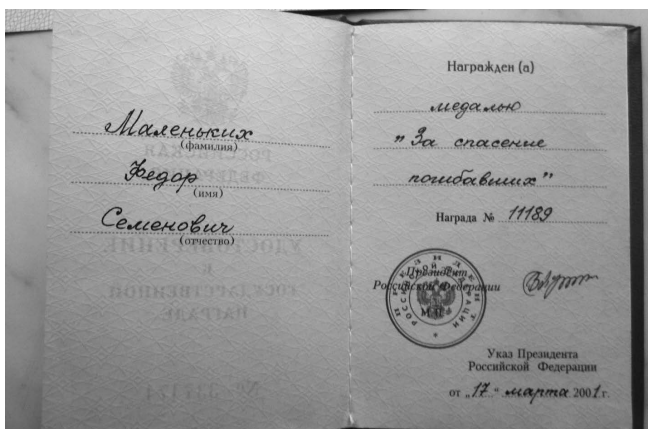
Владимир Владимирович

Родился в 1957 году, д. Алмино Карсавайского района, Удмуртия. Получил специальность сварщика-арматурщика в ГПУ-9. Проживает в с. Новопетропавловском Далматовского района.

Призван по плану РВК 22 сентября 1988 года по 27 декабря 1988 года на устранение аварии Чернобыльской АЭС. Награжден медалью «За спасение погибающих», юбилейной медалью. В настоящее время пенсионер.

Маленьких Федор Семенович.

Родился в 1952 году в г. Асбесте Свердловской области. Во второй по-

ловине 50-х годов семья переехала в с. Новопетропавловское. Окончив 8 классов Новопетропавловской средней школы, обучался в Далматовском СПТУ. На военную службу был призван в 1970 году.

Воспоминания

- Военную службу проходил в Горьковской области г. Городец 75 ракетный комплекс в должности водителя КАМАЗа – снегороторщик. Чистили подходы к ракетным установкам, дороги. Отделением командовал капитан.

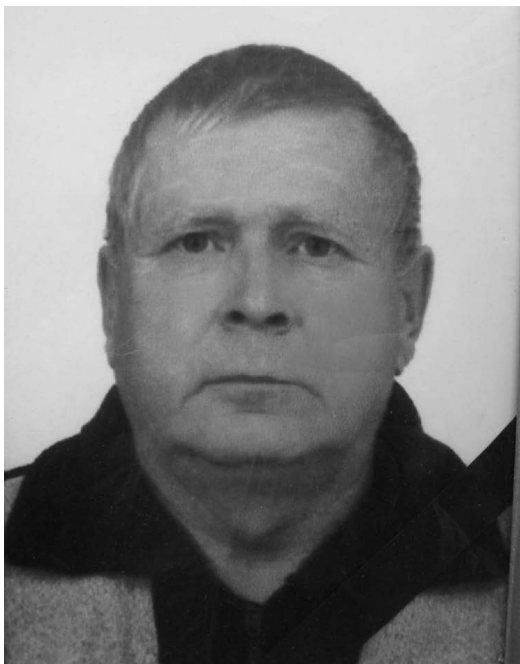
Были отделения электриков, дизелистов, сантехников, химзащиты. После демобилизации работал в колхозе «Урал» водителем КАМАЗа. Был призван по плану РВК с 1 января 1987 года по 13 июня 1987 года на устранение аварий на Чер-

нобыльской АЭС. Сначала были подготовительные мероприятия. Поначалу мне показалось даже смешно, пока я не узнал, какие могут быть последствия после облучения, тогда стало страшновато. Обучали как пользоваться средствами индивидуальной защиты, способом дезактивации, а главное о времени пребывания на участке работ. Подвозили нас на автобусе к мосту, и мы бегом пробежали этот участок, убирали верхний слой почвы в мешки, увозили. Я работал на КАМАЗе, привозили чистый песок на очищенную территорию. Народу работало много, каждый выполнял отведенную ему работу. По окончании работ проходили дози-

метрический контроль, чистку одежды. Некоторые работали по 5 минут, т.е. интенсивного радиоактивного заражения. Сколько получил рентгенов - не знаю, но мне сделали отметку, что получил 9, 99 рентгена. Если бы сделали 10 рентгенов, то нужно меня было бы выводить на группу, поэтому старались не переступить эту черту. Из поселка Лесники был Виктор Степановских. Много бывших ликвидаторов поумирало за эти годы. Может, последствия облучения, может, и другие факторы. Если взять статистику по количеству умерших мужчин, даже не участников ликвидации, то цифра будет не меньше. Я стал инвалидом, а Виктор Степановских потерял зрение, правда, потом восстановился. После нас уже сделали установку 5 рентгенов. Встречаемся с друзьями, вспоминаем, как это было и как опасно шутить с огнем, тем более с ядерным. По окончании работ на АЭС вновь

работал на КАМАЗе колхоза «Урал» до самого его развала. С женой Верой воспитали двух сыновей: Андрея и Александра. Награжден медалью «За спасение погибающих», юбилейной медалью.

Заварницын

Михаил Михайлович

Родился в 1955 году в д. Пуктыш Щучанского района. Водитель автомашин колхоза «Урал», механик.

Призван по плану РВК с 10 июня 1987 года по 21 августа 1987 года на ликвидацию аварии Чернобыльской АЭС. Награжден медалью «За спасение погибающих», юбилейной медалью.

Умер в 2016 году. Оставил о себе хорошую память.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Минуло 40 лет, как произошла эта страшная трагедия. Как в былые годы, дети и внуки героев ВОВ по зову Родины-матери встали на защиту нашей страны от невидимого врага и показали себя достойно.

Многих уже нет в живых, но традиции, заложенные нашими предками, передаются из поколения в поколение. Теперь уже дети тех ликвидаторов борются со страшным врагом – нацизмом. Они также рискуют своей жизнью для спасения человечества. Гибнут, но закон войны суров: «Чтобы кто-то жил, кто-то должен умереть». Но Победа будет за нами!

Здоровья вам, сыны Отечества! Бойцы с невидимым врагом и нацизмом, ваш подвиг бесценен и будет почитаться через века.

Альбина АРТАМОНОВА
Притобольный МО
д. Верхнеберёзово

МЕСТО ПОДВИГА – ЧЕРНОБЫЛЬ

Нет, мужики!

Нет, мужики, не время уходить
И погибаться в вымытых палатах:
Кто вместо нас сумеет сохранить
Историю об Атомных Солдатах?

Нет, мужики, не наш печальный крест
Смотреть с тоской за тихую ограду.
Пусть там пока нам не найдётся мест,
Как минимум, до третьего распада.

Нет, мужики, не время горевать
О том, что так прозрачна справедливость.
Пусть даже в сердце выжженном, опять
Предельной дозой горечь накопилась.

Нет, мужики, а всё же, это честь -
Живым прийти из круга преисподней,
И знать что мы: кто был и те, кто есть,
Вовеки стали Воинством Господним!

В. Малышев

26 апреля – День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах. В 2026 году исполняется 40 лет с момента Чернобыльской катастрофы – крупнейшей за всю историю мировой ядерной энергетики.

Авария на ЧАЭС полностью перевернула жизнь людей. Черное ядовитое облако, вырвавшееся из реактора, принесло с собой смерть и болезни. Человек оказался бессильным перед атомом, который больше не желал оставаться мирным.

Каждый день отдаляет человечество от этих трагических событий. Все

меньше остается тех, кто устранял последствия техногенной катастрофы. Забывать об этой трагедии нельзя. Молодое поколение должно извлечь уроки из ошибок, которые были допущены и, уберечь себя и своих потомков от подобных бед.

В реалии сейчас ситуация крайне опасная. Несмотря на то, что территория Украины больше всех пострадала от этой аварии, современные укронацисты, прицельно бьют по атомным электростанциям. Постоянному обстрелу ВСУ подвергают Запорожскую АЭС, пытаются разрушить саркофаг на Чернобыльской АЭС...

Вернемся в 1986 год. 16 мая на заседании правительственной комиссии было принято решение о долговременной консервации разрушенного энергоблока. 20 мая был издан приказ Министерства среднего машиностроения «Об организации управления строительства на Чернобыльской АЭС», в соответствии с которым начались работы по созданию сооружения «Укрытие». Возведение этого объекта с привлечением около 90 тысяч строителей продолжалось 206 дней с июня по ноябрь 1986 года. 30 ноября 1986 года решением государственной комиссии законсервированный четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС был принят на техническое обслуживание.

Тысячи человек со всех уголков нашей страны отправились в таинственную зону под названием – Чернобыль. Мужчины ехали в обычную командировку. Не было торжественных проводов, не было четкого понятия сложившейся ситуации.

В начале июля на ЧАЭС и прилегающих территориях начались плановые работы, стали прибывать командированные специалисты. К этому времени в 30-километровой зоне были размещены прибывшие воинские подразделения, состоящие в основном из резервистов. Это была та сила, которая выполнила всю грязную работу. Их всех позднее стали называть «ликвидаторами».

От апреля, почти в бесконечность
Шли колоннами мы на АЭС,
Где минуты тянулись, как вечность,
Превращаясь в рабочий процесс.

Где гулял только атомный ветер,
Поднимая из стронция пыль,
И где лучшие парни на свете
Боль глушили и строили Быль.

В. Малышев

Ликвидаторы работали в опасной зоне посменно: те, кто набрали максимально допустимую дозу радиации, уезжали, а на их место приезжали другие. Основная часть работ была выполнена в 1986 – 1987гг., в них приняли участие примерно 240 тысяч человек. Общее количество ликвидаторов (включая последующие годы) составило около 600 тысяч человек. Среди них были и зауральцы.

Из Курганской области в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС участвовало более двух тысяч человек. Из них – 36 притобольцев. 36 наших земляков, настоящих мужчин, заслонили собой смертельную опасность. На сегодняшний день на территории Притобольного округа проживают 9 ликвидаторов последствий той страшной катастрофы.

Патраков Николай Фёдорович (С. Глядянское),
Якутин Виктор Николаевич (С. Глядянское),
Архипов Владимир Фёдорович (С. Межборное),
Катайцев Александр Иванович (Д. Верхнеберезово),
Анисимов Юрий Алексеевич (С. Гладковское),
Иванов Николай Иванович (Д. Нижняя Алабуга),
Карандашев Александр Николаевич (С. Боровлянка),
Серов Юрий Михайлович (Д. Мочалово),
Перемикин Леонид Адексеевич (С. Чернавское).

Большинство из них были призваны Притобольным РВК в период с 1986 – 1990гг. Было им в то время от 31 до 40 лет. Молодые, здоровые, имеющие семьи... Каждый в Чернобыле работал по своей основной специальности. Наравне со всеми, наши земляки проявили образцы стойкости, мужества и самопожертвования не прячась за спинами товарищей, не считаясь с риском для здоровья и, зачастую, с риском для жизни. Как ни цинично сегодня звучит, но неквалифицированную и особо грязную работу выполняли «партизаны», так называли запасников.

Авария на Чернобыльской атомной электростанции стала не просто трагической переменой в их жизни, но и знаковым моментом в судьбе. Закончились командировки, и вернулись зауральские чернобыльцы к мирной жизни. Но у каждого в душе навсегда осталась память о Чернобыле.

И мы все, ныне живущие и будущие поколения, должны помнить о тех, кто положил свою жизнь и здоровье на алтарь Отечества, кто защитил людей и землю от ядерного монстра.

В окружном центре – селе Глядянском в настоящее время проживают два участника ликвидации последствий аварии на ЧАЭС – Патраков Н.Ф. и Якутин В.Н.

Патраков Николай Фёдорович родился в Глядянском в 1951 году. Работал водителем в районном объединении «Сельхозхимия». Женат, имеет двоих детей.

Был призван Притобольным РВК, полтора месяца находился на переобучении в Златоусте. В Чернобыле с 13 декабря по 8 июля 1987 года, рядовой N зоны (зоны отчуждения). Жили тут же, на территории зоны отчуждения, в палаточном городке Уральского округа, неподалеку от городского поселка Брагин Белорусской ССР.

Занимались различными работами – гуртовали зерно в деревнях, трудились на пилораме, выпиливали и отправляли на захоронение «рыжий лес».

Самый страшный лес из сказки,
Тот, что вырос до небес –
Просто детские рассказы
Тем, кто видел Рыжий лес.

Здесь на скорости машинам
Проносится был приказ
Но рентген лупил по шинам,
Всё равно, как в первый раз.
И, опять перекрестившись:
Чему быть – тому и быть,
Ликвидатор, причастившись,
Рыжий лес пошел валить.
Строить новые дороги,
Расчищать, какие есть,
Довелось тут очень многим
Честь ли это? Это – честь!

В. Малышев

Довелось Николаю Федоровичу работать и непосредственно на станции. При очистных работах использовалась радиоуправляемая техника. К примеру, бульдозеры без бульдозеристов сгребали к разрушенному 4-му энергоблоку все, что следовало захоронить вместе с ним, и расчищали подходы для другой техники. Управление велось из специального бронетранспортера с расстояния 100 метров. Были и другие уникальные машины, автоматы-манипуляторы и роботы. Однако они не могли полностью заменить человека. Н.Ф. Патраков в течение 17-ти дней работал там, где отказывала даже японская техника. Из средств защиты были только респираторы ШБ «Лепесток», ликвидаторы их называли просто «лепестки». Положенные каждому «таблетки – накопители», не выдавались.

На территории вокруг станции был снят радиоактивный грунт и положены бетонные плиты, чтобы не поднималась пыль. Работа группы ликвидаторов, где находился Николай Федорович, заключалась в том, что приходилось замерять радиоактивный фон бетона, затем вручную выдалбливать зараженные участки и вновь их бетонировать.

Имеет награды – медаль ордена «За заслуги перед Отчеством II степени», юбилейные нагрудные знаки.

Якутин Виктор Николаевич, 1955 г.р., всю жизнь проработал водителем автоколонны 1396. Был женат, имеет дочь.

Притобольным РВК призван для ликвидации аварии на ЧАЭС, где находился с 13 апреля по 21 августа 1989 года. Механик радиационной защиты N зоны (зоны отчуждения). Жили в 30-километровой зоне, в палатках. На месте, примерно месяц, учился на дозиметриста. Полностью специальность называется – мастер средств радиационной и химической разведки и дозиметрического контроля.

Рота химической разведки занималась тем, для чего и была предназначена – проводила радиационно-химическую разведку, а полученные данные об очагах поражения наносили на карту

и сообщали в штаб армии. На основании данных карт другими подразделениями в этих местах велись работы по дезактивации.

...Кто вперед? Вперед - РАЗВЕДКА:
Ищет будущий маршрут.
Здесь потом по этим меткам
Ликвидаторы пойдут.
Что ни уровень замера –
То незримая беда.
Я не знаю, что за вера
Там держала их тогда...

В. Малышев

Кроме основной работы, помогали эвакуировать местное население. На тот момент в некоторых деревнях зоны отчуждения еще проживало местное население. В основном – пожилые люди. Тем из них, кто вновь отказался выезжать, – помогали делать ремонт домов.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Химиком-дегазатором, рядовым на ликвидации аварии был **Катайцев Александр Иванович** из деревни Верхнеберезово, 1949 г.р. Он работал механизатором в колхозе «Звезда». Женат, имеет сына.

На сборы был призван Глядянским райвоенкоматом и отправлен на подготовку в Златоуст. Только там узнали, что отправят в Чернобыль. Из Златоуста самолетом прибыли в город Белая Церковь. В Великую Отечественную войну там воевал отец Александра Ивановича, и ему тоже довелось там побывать.

Разместили прибывших в 30-километровой зоне. Жили в палатках, кормили хорошо, всего было вдоволь.

В Чернобыле с 17 января по 3 апреля 1987 года. Работал Александр Иванович непосредственно на четвертом энергоблоке – самом опасном участке. Приходилось очищать территорию от обломков арматуры, строительного мусора, свинца, долбить бетон. Свежим бетоном территорию заливали уже другие подразделения. В день работали всего по 5 минут. Затем несколько часов мылись в душе. «Дозиметры у нас были, – вспоминает Александр Иванович – но кто, сколько рентген «поймал», никто толком не знал. У меня уже там начали ступни ног болеть, голова, позвоночник». А ведь призывали для ликвидационных работ только абсолютно здоровых людей, медицинское заключение гласило – «годен для работы с источниками ИИ (ионизирующего излучения) в ОВУТ (особо вредных условиях труда)». Поэтому когда стали возникать проблемы со здоровьем, ликвидаторы однозначно связывали их с работой на станции.

Мы «ура» там не кричали,
В штыковую не ходили,

«Грязь» руками собирали
И в могильник хоронили.
В этой адской круговерти
Офицеры и солдаты
Облучались «белой смертью»,
Побеждая «мирный атом».

В. Моторин

«Было все скрыто. Если вдруг появлялся иностранный вертолет, сразу прятали всех солдат и рабочих. Делая вид, что ничего не происходит. Еще меня поразила чистота самого города Чернобыль» - вспоминает А.И. Катайцев. За участие в ликвидации аварии на ЧАЭС он награжден орденом Мужества, юбилейными нагрудными знаками.

Водителем на ЧАЭС был **Карандашев Александр Николаевич**, 1949 г.р., из села Боровлянка. Он работал энергетиком в совхозе «Притобольный». Женат, имеет сына.

На сборы в в/ч 44332 он был направлен Притобольным РВК 17 апреля 1989 года и уже 21 апреля прибыл в 30-километровую зону (поселок Брагин), где работал ровно четыре месяца.

Воинское звание – рядовой. В Чернобыле занимался разборкой разрушений, отвозил зараженный мусор для захоронения. Также снимали зараженный грунт, а на его место насыпали песок. Приборы для определения радиации указывали на то, что все допустимые нормы превышены. Из средств защиты были только «лепестки» - повязка на нос.

В настоящее время у Александра Ивановича большие проблемы со здоровьем. Он является инвалидом 1-й группы.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Ещё получит мужество Стальных
Свои награды, фильмы и сказанья,
Но мы грешны не больше остальных.
За что же нам такое наказание?
Изрыт Чернобыль вдоль и поперёк,
Рентгеном соль и хлеб пропитаны.
Мы молча взяли все под козырёк.
Не из геройства – просто так воспитаны.

В. Моторин

В деревне Мочалово проживает **Серов Юрий Михайлович**, 1956 г.р. Он работал механизатором в совхозе «Притобольный». Женат, имеет двоих детей.

Притобольным РВК был направлен на сбо-

ры. В период с 26 апреля по 6 июля 1988 года выполнял задание по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в в/ч 73413 в 30-километровой зоне отчуждения.

Воинское звание – сержант, должность – командир отделения. Занимался дезактивацией помещений.

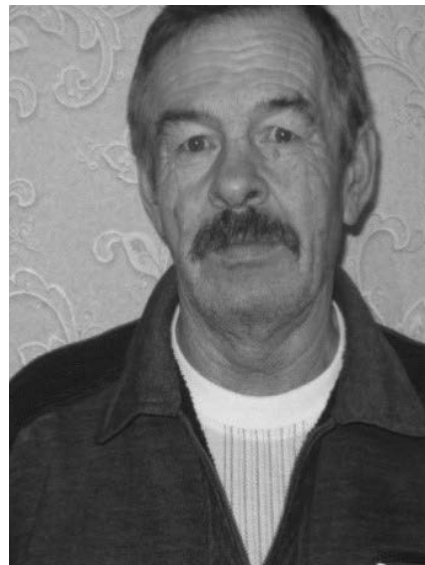
Награжден медалью «За спасение погибавших», юбилейными нагрудными знаками.

Архипов Владимир Федорович родился в селе Межборном в 1954 году. Работал водителем в Притобольном райобъединении «Сельхозтехника». Женат, двое детей.

В апреле 1989 года Притобольным РВК был призван для ликвидации последствий аварии. В Златоусте обучался работе в условиях высокой радиации.

В Чернобыле был с 7 апреля по 9 июня 1989 года, воинское звание – ефрейтор в/ч 54979. Как и все, жил в 30-километровой зоне. Работал водителем, доставлял людей на работу в зараженную зону.

Награждён юбилейными нагрудными знаками. Проживает в селе Межборном.

Анисимов Юрий Алексеевич, 1958 г.р., из села Гладковского трудился механизатором в колхозе «Заря». Женат, имеет троих детей.

В Чернобыле был с 23 января по 24 апреля 1990 года, сержант. Вначале две недели проходил подготовку в Златоусте, где изучал приборы радиационной и химической разведки, средства индивидуальной защиты. В Златоусте была сформирована команда почти из трёхсот воинов запаса из городов Кургана, Ижевска, Перми, Свердловска, Челябинска.

На поезде приехали в Киев, а потом уже на машинах ЗИЛ привезли на «прифронтовую базу», т.е. в 30-километровую зону. Зримая картина большой беды смутно ощущалась уже в Киеве. В памяти у Юрия Алексеевича отложились первые минуты пребывания в этом городе: «Когда вышли на перрон, у меня, и у других прибывших как говорится «со свежего воздуха», сразу же началось першение в горле и ощущение во рту металлического привкуса. На «прифронтовой базе» пришлось расстаться с земляком из соседней деревни Нижняя Алабуга Филиппович Виктором, которого представитель (покупатель) забрал в другую команду непосредственно для работы «на печке» (станции)».

Таким образом, все вновь прибывшие были распределены по батальонам. Большинство курганцев попали в инженерный и химический батальоны. Здесь Юрию Алексеевичу пригодилась профессия водителя. При распределении попал в село Дитятки Иванковского района Киевской области. Возил для населения

продукты и в первую очередь минеральную воду, ведь употреблять в пищу можно было только привозную воду.

«Затем месяц работал при штабе – оформлял документы прибывающих и выбывающих ликвидаторов. Никогда не подумал бы, что после «писарчуковой, бумажной» работы перевод в связисты буду считать подарком, ведь приходилось в любое время суток, и среди ночи оформлять документы. Прибывала новая команда, и пока на каждого не подготовишь документы не ляжешь отдыхать, хотя товарищи уже десятые сны доглядывали. Порой не спал и в баню не попадал» - вспоминает Юрий Алексеевич.

Задачей связистов было осуществление связи между подразделениями. У каждого был свой позывной. Позывной Юрий Алексеевич был «Гранит». Условия жизни – полевые.

Вся 30-километровая зона по периметру была огорожена колючей проволокой и отделена рвом, заполненным водой. Сделано это было для того, чтобы талая зараженная вода не попадала на безопасную зону. Здесь за три года уже развелось очень много рыбы. Соблазн и любопытство иногда преобладали над сознанием – рыбачили, но делали это ради интереса. Ловили рыбу и отпускали обратно. Очень часто вылавливали рыб-мутантов. В основном рыба была одноглазая, как камбала. У столовой обитали бездомные животные – слепая лошадь и слепая собака, которых было очень жалко, и их подкармливали пищевыми отходами. Увечье животных, это тоже результат радиации.

На столовой ежедневно вывешивалась информация об уровне радиации в этой зоне, а территорию, где проживали ликвидаторы, так же ежедневно поливальные машинами смачивали водой, чтобы с пылью в легкие не попадала радиация. В военном билете Юрия Алексеевича стоит отметка – «получил дозу облучения 4,98 БЭР».

Имеет Благодарность комиссара войсковой части, юбилейные нагрудные знаки.

Его земляк, уроженец соседней Нижней Алабуги, **Иванов Николай Иванович**, 1956 г.р., механизатор колхоза им. XXV съезда КПСС, в Чернобыле был с 23 апреля по 16 октября 1988 года, младший сержант. Находился в 30км от эпицентра в городском поселке Брагин. Жили в палатках по 30 человек.

Николай Иванович занимался дезактивацией территории. Приходилось даже сносить целые деревни. Ликвидаторы ломали дома и постройки и увозили все это на «могильники» – большие карьеры, которые потом закапывались. Иногда копали большие ямы рядом с домом, бульдозером сталкивали дом в яму и зарывали.

Награжден медалью «За спасение погибавших», юбилейными нагрудными знаками.

Слово «СТАЛКЕР» модным очень
Стало, как-то, в наши дни,
И скажу вам, между прочим,
Были первыми - ОНИ.

Пыль, горячие частицы –
То, что может тут убить,
Не должно распространиться –
Это нужно подавить.

Это вам, друзья, не грядки
Дома дачные вскопать:
Сёла, город, стройплощадки –
Всё придётся очищать...

В. Малышев

Перемикин Леонид Александрович, 1948 г.р., проживает в селе Чернавском. До Чернобыля трудился на птицефабрике. Имеет семью.

Одним из первых в районе, 25 октября 1986 года получил повестку от Притобольного райвоенкомата и уже на следующий день, в числе других воинов запаса, был отправлен в командировку. Вначале была переподготовка. В Чернобыле находился с 26 октября 1986 по 16 января 1987 года, рядовой.

Леонид Александрович вспоминает: «Ликвидаторов и техники было много, но царил хаос и неразбериха. Поселились в палаточном городке и поначалу смутно представляли, чем будем заниматься, но постепенно все определилось. Занимался электрооборудованием танков и БТР, был электриком и сварщиком, выезжал в зара-

женную зону на час-два, пока не получал допустимую дозу облучения».

За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы награжден орденом Мужества, юбилейными нагрудными знаками.

В Тюмени проживает **Кунгуров Александр Дмитриевич**, 1966 г.р., уроженец Глядянского. Он окончил Костромское высшее командно-инженерное училище радиационной, химической и биологической защиты. В Чернобыль попал еще курсантом, было ему в то время всего 20 лет. Из притобольцев в Чернобыле он оказался одним из первых – с 1 по 28 августа 1986 года, в самое трудное, самое опасное время.

Части и подразделения химической защиты выполняли задачи по радиационной разведке, дозиметрическому контролю, дезактивации личного состава, техники, объектов, дорог, местности и другие задачи.

По окончании училища служил в Хабаровске, на Курилах. В 1999-2000гг. служил военкомом в Военном комиссариате Притобольного района, подполковник. В настоящее время – военный пенсионер.

Такмаков Николай Данилович, 1947 г.р., приехал в Притобольный район в самом начале строительства ТУМВ, сейчас – это поселок Водный. Работал электриком. На ликвидацию аварии был призван Притобольным РВК, рядовой. В Чер-

нобыле находился с 9 октября 1986 по 20 января 1987 года. В 2003 году выехал на постоянное место жительства в город Артемовск Свердловской области.

С момента страшной трагедии прошло уже сорок лет, и за это время многие ликвидаторы ушли из жизни.

МЕМОРИАЛ

Первым, получив дозу облучения 49 БЭР, скончался **Горейс Петр Адамович** (19.01.1951-26.02.1988 гг.). В Чернобыле он находился с 4 мая по 14 октября 1987 года, рядовой. Дома пробыл всего четыре месяца...

Родился Петр Адамович в Карагандинской области Казахстана, в 1970-х годах приехал в село Утятское. Был женат, в семье подрастало двое детей. Работал механизатором в колхозе «Россия».

23 сентября 2003 года вдове ликвидатора было выдано «Удостоверение участника ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1987 году» (посмертно).

Васильев Василий Артемьевич (28.03.1954-5.03.2015 гг.), уроженец села Ярославского. Работал электриком в колхозе «Победа».

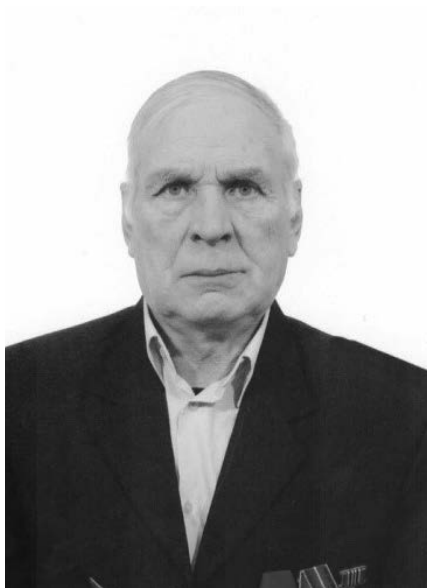
В ноябре 1987 года был призван Притобольным РВК на ликвидацию последствий аварии, 14 дней проходил учебу в в/ч 29767 по должностной квалификации химик-дегазатор. В Чернобыле с 14 ноября 1987 по 24 апреля 1988 года, рядовой воинской части 22317, механик – водитель (ВУС – 180259).

Награды: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», нагрудный знак «Участник ликвидации аварии на ЧАЭС».

Ветлугин Николай Анатольевич (09.05.1949-09.10.2016 гг.), уроженец села Межборного. Проживал в селе Чернавском. Работал в Глядянской автоколонне 1396.

Призван Глядянским РВК. Прошел переподготовку в Первоуральске. В Чернобыле был с 15 ноября по 31 декабря 1986 года, рядовой.

Николай Анатольевич вспоминал: «Конечно, все догадывались, куда нас направляли, но чувства опасности не было. В Первоуральске выдали обмундирование и отправили самолетом на Украину. Устроились в 50км от Чернобыля в палатках, позднее перебрались в казармы, сооруженные на скорую руку из щитовых домиков. Работал по специальности – возил на КамАЗе песок и щебень для огромного могильника. В глубокие траншеи свозили всё из Припяти и Чернобыля и засыпали, утрамбовывая и укладывая слоями. Это было все имущество из жилых домов, товары со складов и магазинов: продукты, одежда, мебель и

даже техника. Все излучало радиацию, которую в воздухе не увидишь».

Что хотите говорите,
Только здесь я увидал,
Что чернобыльский ВОДИТЕЛЬ -
Настоящий экстремал.

Прямо с блока – на могильник,
Груз опасный за спиной:
Он по нервам, как напильник,
А защиты – никакой...

В. Малышев

Когда после аварии эвакуировали население из 30-километровой зоны, нужно было утилизировать имущество жителей городов Чернобыля и Припяти, многих деревень. Специальные люди с представителем милиции ходили по квартирам и переписывали имущество. Потом шли дозиметристы и отбирали сравнительно чистые вещи. Все остальное солдаты выбрасывали из окон, грузили в машины и вывозили для дальнейшего захоронения. По словам Николая Анатольевича, ущерб катастрофы потрясал воображение, каждую мелочь было по-житейски жаль.

Награды: орден Мужества, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», юбилейные нагрудные знаки.

Гладков Николай Семенович (1949-25.12.2006 гг.), уроженец села Гладковского. Работал механизатором, затем животноводом в колхозе «Заря».

Рядовой, в Чернобыле с 14 июля 1987 по 22 августа 1987 года.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Завьялов Виктор Иванович (1952-7.09.2008 гг.), уроженец села Раскатиhi. Проживал в селе Межборном, работал в районном объединении «Сельхозтехника». Был женат, двое детей.

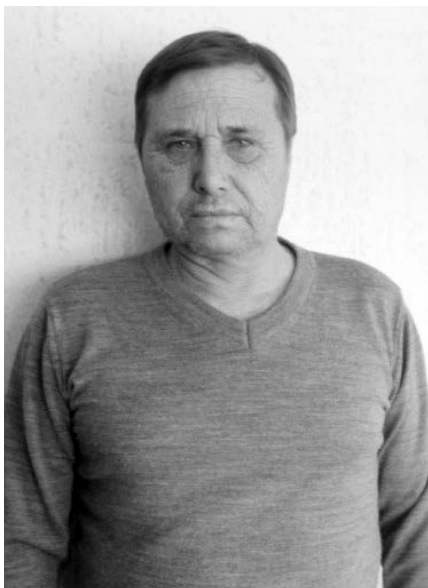
Сержант, в Чернобыле с 17 апреля по 29 августа 1989 года, часть находилась в городском поселке Брагин. Водитель. Участвовал в работах по уборке зараженного грунта и конструкций.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Зуев Григорий Иванович (19.07.1951-23.01.2023гг.), уроженец города Ташкента Узбекской ССР. Работал столяром, имел семью, где росли двое детей.

В Чернобыль был призван военкоматом города Ташкента, находился там с 1 марта по 16 июля 1988 года, рядовой N зоны (зоны отчуждения). То, что они едут

в Чернобыль, призванные не знали, было сказано – на переподготовку. Поняли только, когда привезли в Киев. Из Киева автобусами привезли в поселок вахтовиков «Зеленый мыс», расположенный на границе Зоны. На карантине пробыли 15 дней, затем выдали форму и стали возить на работы на станцию.

Так как строительная специальность у Григория Ивановича – «пистолетчик», его и еще троих человек, отправили в подвал подстанции обивать бетонные плиты стен свинцовыми пластинами, чтобы они не пропускали радиацию. Работали всего 30 минут в день и уже получали суточную дозу радиации. У каждого (на этих работах) были дозиметры, причем каждый день выдавались новые. Старые, по видимому, «зашкаливало».

Занимался он и разборкой зараженной техники. В Припяти вывозили из домов зараженные вещи, поливали водой подъезды, чтобы не поднималась радиоактивная пыль.

Вскоре, после возвращения из Чернобыля, он получил 3-ю группу инвалидности и вышел на пенсию. В 2000 году приехал на жительство в Глядянское.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Ильиных Сергей Фатеевич (07.12.1951-01.04.2025 гг.), уроженец города Куртамыш Курганской области. Проживал в селе Глядянском, работал механизатором в ПМК, а после закрытия организации – в лесхозе. Женат, имел двоих детей.

В Чернобыль призван Притобольным РВК, где находился с 15 ноября по 29 января 1986 года, рядовой N зоны.

Сергея Фатеевича, в составе других запасников, расселили в палатках неподалеку от села Страхолевье у границы 30-километровой зоны. При нем началось строительство будущего поселка вахтовиков «Зеленый мыс». Возводили жилые корпуса, столовую и здания коммунального назначения. Все сооружения монтировали довольно быстро – для этого применили конструкции БМЗ (быстромонтируемых зданий), так называемые «финские домики».

Служил он вместе с Николаем Анатольевичем Ветлугиным из Чернавского, даже спальные места располагались на одной двухъярусной кровати.

В дальнейшем приходилось заниматься дезактивацией зданий в Чернобыле, убирать зараженный грунт.

Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отчеством II степени», юбилейными нагрудными знаками.

Кириллов Николай Иванович (1946-05.07.2001гг.), уроженец деревни Ершовка. Работал в колхозе «Заря». Был женат, есть сын.

Младший сержант, в Чернобыле с 18 июля по 16 октября 1986 года. Служил командиром АРС в Уральском химическом полку.

Награды: орден «Мужества», медаль «За спасение погибавших», юбилейные нагрудные знаки.

После выхода на пенсию проживал в Троицке Челябинской области.

Комогоров Анатолий Геннадьевич (20.09.1951-04.10.2023 гг.), уроженец села Раскатиха. Работал механизатором в колхозе им. Фрунзе. Был женат, имел сына.

10 октября 1986 года Притобольным РВК был направлен в город Чебаркуль на курсы подготовки ликвидаторов аварии на ЧАЭС. Рядовой в/ч 41173, в Чернобыле с 4 ноября 1986 по 16 февраля 1987 года. Проживали в поселке Зимовище, который расположен на левом берегу Припяти. После аварии местных жителей отселили, в поселке проживали лишь ликвидаторы. Жили в палатках, иногда заходили в пустующие дома. Странно и страшно было видеть, что жизнь здесь как бы остановилась. Все на месте, как будто сейчас придет хозяин, а хозяин уже никогда не вернется в свой дом. Запомнилось Анатолию Геннадьевичу, что собаки и кошки, оставшиеся в поселке, были «цвета неба».

Работал на подстанции рядом с реактором, химик-дезактиватор. Ликвидаторы вывозили из зоны отчуждения зараженный грунт и разрушенные детали конструкций четвертого реактора в могильники. После каждой работы – дезинфекция. Работали без выходных по 12-14 часов, времени хватало только умыться и поесть, а ведь это был 1986 год, когда уровень радиации был очень высоким.

Говорят, что радиация не имеет ни цвета, ни запаха, но Анатолий Геннадьевич вспоминает: «При работе в зоне радиоактивного заражения во рту появляется металлический привкус, потом на коже появляется ощущение, что работаешь на ярком солнце, даже когда небо затянуто облаками. Все время хочется пить...».

Награжден орденом Мужества, юбилейными нагрудными знаками.

Куликов Анатолий Иванович (1954-30.03.2011 гг.), уроженец Кировской области. Проживал в селе Боровлянка. Был женат, имел двоих детей. Работал электриком в совхозе «Притобольный».

Притобольным РВК был призван на сборы. В Чернобыле с 2 августа по 27 октября 1988 года, рядовой в/ч 41173.

Награды: медаль «За спасение погибавших», юбилейные нагрудные знаки.

Минин Михаил Григорьевич (28.11.1950-16.05.2021 гг.), уроженец деревни Обрядовки. Работал механизатором в колхозе «Вперед». Был женат, имел двоих детей.

Призван Притобольным РВК. В Чернобыле с 11 июля по 13 августа 1987 года, рядовой. Жили в зоне отчуждения у городского поселка Брагин, в палатках по 10 человек. До места работы возили на машинах. Доезжали до железнодорожного моста через реку Припять, через который шли пешком. Затем пересаживались в другие машины – и на станцию. Ехали еще примерно 2км.

Служил Михаил Григорьевич дозиметристом. Приходилось замерять уровень радиации на крышах блоков и на территории станции. На крыше можно было работать лишь полторы ми-

нуты, остальное время находились на территории станции в помещениях, отведенных для персонала, ожидая машин для вывоза с территории. Облучаемость дозиметристов порой была выше, чем у персонала, выполнявшего дезактивационные работы, поскольку перед производством работ необходимо было тщательно обследовать радиационную обстановку рабочего места. На станции работали в обычной военной форме и в респираторах.

«Поразили огромные яблоки, которые даже не точили черви и огромные налитые колосья пшеницы. Ловили большую рыбу на удочку, варили и, когда проверяли ее на радиацию, «фонили» от радиации голова и кости у рыбы...» - вспоминал Михаил Григорьевич.

Награды: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», юбилейные нагрудные знаки.

Никитин Сергей Владимирович (19.10.1956-20.05.2018гг.), уроженец села Притобольного. Работал механизатором в совхозе «Притобольный».

В Чернобыле был с 19 августа по 31 октября 1988 года. Служил в в/ч 34003 в отдельном ремонтном батальоне в городе Иванков Киевской области в звании сержанта.

Иванков – небольшой городок в 45-50км от Чернобыля. В здании райисполкома в то время находился штаб ликвидаторов. На работу запасников возили на Чернобыльскую АЭС. Сергею Владимировичу приходилось убирать заражённый грунт с территории до минимального уровня радиации, грузить его на машины, отвозить на могильник. Также занимались утилизацией зараженной техники.

Награды: Медаль «За спасение погибавших», юбилейные нагрудные знаки.

Нуранов Саутбай (11.01.1951-19.09.1996 гг.), уроженец села Красногорка Звериноголовского района, проживал в селе Раскатиха. Был женат, имел двоих дочерей. Работал скотником в колхозе им. «Фрунзе».

17 апреля 1989 года Притобольным РВК был направлен в город Златоуст на курсы подготовки ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. Рядовой в/ч 15362, в Чернобыле с 30 июня по 20 августа 1989 года. Занимался прачечными работами, укрытием, дезактивацией. Получил первую группу инвалидности.

Имел благодарность, как участник ликвидации аварии.

Перебаскин Иван Иванович (1956-1.06.1999гг.), уроженец деревни Нижняя Алабуга. Работал механизатором в колхозе им. XXV съезда КПСС. Был женат, трое детей.

Сержант, в Чернобыле с 14 ноября 1987 по 5 марта 1988 года.

Награжден медалью «За спасение погибавших», посмертно.

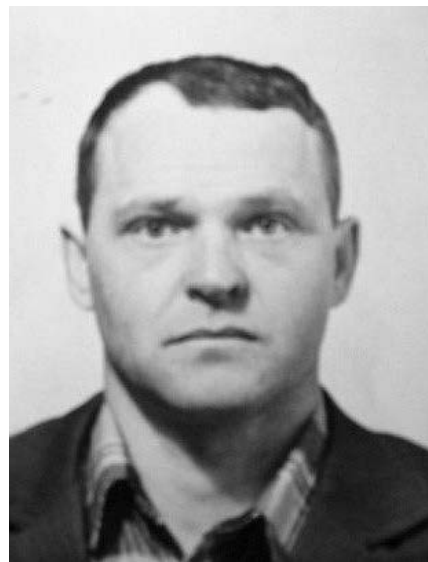
Петухов Анатолий Васильевич (25.10.1954-18.10.2025 гг.), уроженец Половинского района Курганской области. Проживал в селе Глядянском, работал водителем в Притобольном райкоме ВЛКСМ. Имел семью, где росли двое детей.

Призван Притобольным РВК, прошел переподготовку в Златоусте. В Чернобыле находился с 19 августа по 31 октября 1988 года. Водитель спецтранспорта, работал по пылеподавлению N зоны (зоны отчуждения), в/ч 73413.

Анатолий Васильевич вспоминал, что проезжая мимо сел, видели пустые дома. Жизнь остановилась. В Чернобыле картина та же – пустые глазницы окон, брошенные в спешке дома, пустынные улицы. Жили непосредственно в зоне в палатках возле леса, напрямую до ЧАЭС было всего 10км. В полку было 1500 человек, в основном – украинцы.

Работал он на автомобиле ЗИЛ – 157 АРС (автомобильно - разливочной станции). АРС заполняли водой с порошком типа стирального, который впитывал радиоактивную пыль, и затем промывали здания, автострасы, асфальт.

Только смоют пыль, а ветер вновь нагонит новое облако пыли, которая опять заражала улицы, дома, дороги... Все нужно было делать заново. И так – изо дня в день...

Награжден медалями «За спасение погибавших», «Участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС», Благодарственным письмом командования части, юбилейными нагрудными знаками.

Попов Александр Борисович (1957-19.12.2004 гг.), уроженец села Чернавского. Работал на птицефабрике, в колхозе «Сибирь». Был женат, есть дочь.

Сержант, в Чернобыле с 29 августа по 7 декабря 1987 года. Прошел подготовку по работе на машине Урал – 375 в воинской части 44332. Должность – водитель-пожарный. Работал в городе Припять.

Награжден орденом Мужества, юбилейными нагрудными знаками.

Прокопьев Владимир Михайлович (1954-14.10.2005гг.), уроженец деревни Костиha Звериноголовского района. Проживал в селе Боровлянка. Работал скотником в совхозе «При-тобольный». Был женат.

В Чернобыле с 17 апреля по 22 августа 1989 года, выполнял задание по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в составе в/ч 44332 располагавшейся в городском поселке Брагин в зоне отчуждения. Звание – ефрейтор, должность – плотник.

Прокопьев Николай Петрович (13.05.1954-23.10.2013 гг.), уроженец деревни Патраки. Работал в животноводстве на ферме №2 совхоза «Давыдовский», неоднократно поощрялся за добросовестный труд.

Рядовой, в Чернобыле с 29 августа по 10 декабря 1987 года.

Награды: медаль «За спасение погибавших», юбилейные нагрудные знаки.

Савелов Виталий Николаевич (19.01.1956-12.01.2006гг.), уроженец Николаевской области Украинской ССР. Проживал в селе Глядянском. Работал каменщиком в Глядянском ПМК.

Рядовой, в Чернобыле с 14 августа по 18 декабря 1989 года.

Награжден юбилейными нагрудными зна-

ками.

Рыбин Николай Алексеевич (12.12.1955-31.01.2006 гг.), уроженец села

Ялым. Работал водителем в колхозе «Восход».

В Чернобыле с 11 июня по 2 августа 1987 года. Рядовой в/ч 93691 в поселке Зеленый мыс.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Синицин Владимир Петрович (29.06.1952-07.08.2024 гг.), проживал в селе Боровлянка. Работал плотником в Глядянском ПМК. Был женат, имел двоих детей.

В период с 11 июня по 7 августа 1987 года выполнял задание по ликвидации последствий аварии в в/ч 93631 в поселке Зелёный Мыс, рядовой. Работал по специальности – плотник-мостовик.

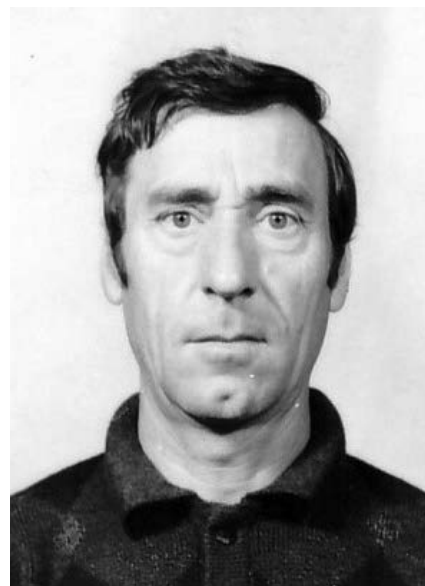
Владимир Петрович вспоминал, что когда их возили на работу на станцию, они видели отселенные деревни, окна и двери домов были заколочены досками. Особо запомнился Рыжий лес – это примерно 4,5 тысячи га леса вблизи атомной станции, принявший на себя большую дозу облучения. Весь лес практически «сгорел» - хвоя приобрела кирпичный цвет.

...Где из Припяти дорога
Загибает на АЭС -
Бурой краски очень много:
Это стонет Рыжий лес.
Сёла тут стоят пустые,
Не услышат, хоть кричи.
А одно, совсем зарыли:
Закопали - Копачи...

В. Малышев

Владимир Петрович вспоминал: «Работали вахтой по 15 дней, затем 15 дней отдыхали. Рабочий день длился 12 часов. В первую вахту у нас было задание – подготовить траншеи от станции для прокладки связи. Нам выдали лопаты и минеральную воду. Простую воду пить было нельзя. На обеды ходили в столовую. Там нас проверяли на радиацию. Если дозиметр зазвенел, отправляли мыться и менять одежду.

В жару летали вертолеты, они разбрызгивали специальный раствор на землю. Раствор покрывал все пленкой, чтобы радиоактивная пыль не поднималась в воздух. Ходили машины, мыли улицы. На выезде из зоны заражения проходили два контрольных пункта. На машинах измеряли радиацию и мыли их, особенно отмывали колеса.

В выходные проходили политзанятия и строевая подготовка. Разreshалось ходить на почту и в магазин. Местные фрукты и овощи запрещали употреблять в пищу. Все было привозное...».

Когда закончили прокладывать траншею для связи, часть отправили засыпать чистым щебнем пожарный двор. Пожарное депо находилось на территории ЧАЭС.

Награжден орденом Мужества, юбилейными нагрудными знаками.

Степанов Иван Мефодьевич
(24.04.1954-29.06.2019 гг.), уроженец деревни Сосновая Отнога. Проживал в селе Плотниково. Работал в колхозе «Красное Знамя». Был женат, имел дочь.

Призван Притобольшим РВК, в Чернобыле с 15 июля по 13 августа 1987 года, рядовой в/ч 44332, должность – химик-разведчик. Вначале запасников привезли в Гомельскую область, разместили у деревни Сувиды близ городского поселка Брагин, на границе зоны отчуждения. Ежедневно на работы вывозили в Чернобыль.

Первые пять дней Иван Мефодьевич на машине возил командование по сёлам. Потом послали на насосную станцию убирать с крыши зараженный битум. Затем пять дней убрали песок и щебень под высоковольтными проводами. Убирали внаклонку, т. к. провода висели очень низко.

Затем опять на крыше снимали битум. Топорами и лопатами вырубали куски и сбрасывали его вниз. Внизу все собиралось в контейнеры и вывозилось для захоронения. На крыше работали всего 2 минуты в день. Одеты были в солдатскую форму, а на лице лишь марлевая повязка.

С вертолётa на реактор,
Чтоб обломки собирал,
Опустили мини - трактор,
Он не выдержал и встал.

И пошли туда солдаты.
Стала Высь, как пьедестал.
В ход пустив ломы, лопаты,
Где не выдержал металл...

Прошли года, идёт борьба
С болезнями, что дал нам атом.
Распорядилась так судьба,
Что стал ты «атомным солдатом».

В. Малышев

После пятнадцати дней работы Иван Мефодьевич набрал радиацию 8,225 рентген. После этого на ЧАЭС его уже не вывозили. Работал на месте, мыли военные БРДМ (боевая разведывательная дозорная машина). Эти машины использовались в условиях тяжелого радиационного загрязнения или для разведки в по-

лях активности (уровня радиации, площади пятна загрязнения). Их толстая броня способствовала хоть какой-то задержке от проникновения радиации и облучению людей. В конце «рабочего дня» технику обрабатывали на санпропускниках. Дозиметрист мерил фон у колес и днища, затем, независимо от полученной дозы (под конец она все равно большой была), машину отправляли на мойку или списывали, в зависимости от заражения. На такой «мойке» и пришлось работать Ивану Мефодьевичу. Понятно, что уровень опасности и здесь был очень высок.

Награды: медаль ордена «За заслуги перед Отчеством II степени», юбилейные нагрудные знаки.

Трофимов Владимир Викторович (1.01.1948-06.01.2008 гг.), уроженец Дуванского района Башкирской АССР. Проживал в селе Глядянском. Работал зоотехником в колхозе им. Калинина.

Рядовой, в Чернобыле с 28 апреля по 5 августа 1988 года.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Филиппович Виктор Анатольевич (1957-17.11.2025 гг.), уроженец деревни Нижняя Алабуга. Трудился в колхозе им. XXV съезда КПСС. Женат.

На ЧАЭС находился с 23 января по 8 мая 1990 года. Их часть стояла у села Оранное Иванковского района Киевской области, жили в палатках по 30 человек. Работал в самой горячей точке – проводил дезактивацию станции.

Награжден юбилейными нагрудными знаками. По возвращении домой, переехал в Курган.

Художитков Сергей Алексеевич (12.06.1955-10.06.2006 гг.), уроженец села Глядянского. Работал водителем в ММСХ.

Рядовой, в Чернобыле с 16 января по 19 мая 1987 года.

Награжден юбилейными нагрудными знаками.

Мы гордимся своими земляками. Низкий поклон героям-ликвидаторам Чернобыльской аварии, тем, кто спас мир от ядерной катастрофы. И вечная память тем, кого уже нет с нами...

Михаил БЕЛЫХ
г. Далматово

ГЕРОИ-ЛИКВИДАТОРЫ ИЗ СЕЛА ШИРОКОВСКОГО ДАЛМАТОВСКОГО МО

26 апреля, исполняется 40 лет со дня взрыва на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС. В этот день на Чернобыльской атомной электростанции имени В.И. Ленина произошла одна из крупнейших в мире ядерных катастроф. Было выброшено в атмосферу около 190 тонн радиоактивных веществ. Опасные

радиоактивные вещества выделялись в окружающую среду из-за пожара, длившегося почти две недели. Была загрязнена территория площадью 160 тыс. кв. км — северная часть Украины, запад России и Белоруссия. Около 400 тыс. человек были эвакуированы из зоны бедствия. Масштабы катастрофы могли стать намного большими, если бы не мужество и самоотверженность участников

ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Рискую жизнью, здоровьем они защитили людей от пагубного воздействия и дальнейшего распространения радиации.

Более сотни человек принимали участие в ликвидации последствий аварии из Далматовского района, среди которых 5 уроженцев села Широковского.

Захаров Иван Андреевич, родился в 1948 году в с. Широковском. Так как мать воспитывала его одна, в армию его не взяли. Иван Андреевич пошел работать в колхоз имени Я.М. Свердлова. Летом 1986 года, в числе первых был призван Далматовским РВК, после 30 дневной учебы в Челябинской области, получил воинскую специальность Химик-дегазатор и был отправлен в Чернобыль.

Как и другие ликвидаторы, рискуя своим здоровьем, с 20 августа по 07 октября 1986 года, работал на различных участках территории станции, проявляя мужество и героизм.

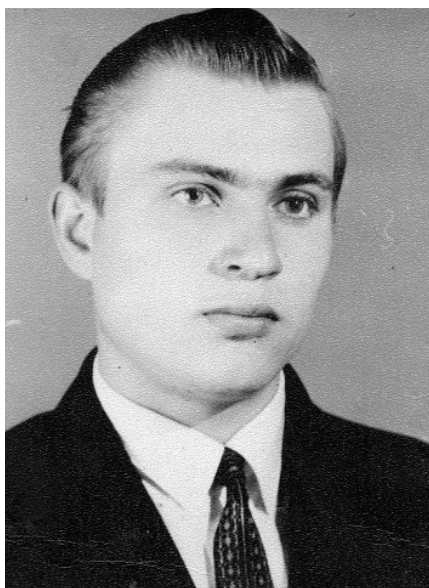
«Жили в 40 километрах от реактора. Подъем был в четыре утра. Сиделись по машинам и целыми колоннами отправлялись до места. А там распределяли кого на реактор, кого куда. Насколько было опасно, никто тогда и не знал. И так, изо дня в день, вставали и опять шли работать», - вспоминает Иван Андреевич.

Вернувшись из командировки, работал в родном колхозе. За высокие показатели в работе был неоднократно награжден Почетными грамотами, а в 1991 году, Указом Президента СССР, орденом Трудовой Славы III степени.

За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, Указом Президента РФ, Захаров И.А. награжден орденом Мужества.

Умер Иван Андреевич в 2012 году, похоронен на кладбище с. Широковского.

Дегтярев Сергей Васильевич, родился в 1948, в с. Широковском. В 1966 году поступил и успешно закончил Камышловское ГПТУ №16. Работал монтером СЦБ, в 1968 году был уволен в связи с призывом в Советскую армию. После демобилизации работал фрезеровщиком на заводе «Молмашстрой» (ОАО «Завод Старт»). Не однократно Сергею Васильевичу, на заводе присваивалось звание «Лучший по профессии».

В 1986 году от завода был направлен в Чернобыль. Прошел курс подготовки в г. Чебаркуль и с 08 октября по 30 декабря 1986 г, старший сержант Дегтярев С.В. выполнял опасные для здоровья задания по ликвидации последствий аварии.

В 2000 году, Указом Президента РФ, награжден орденом Мужества.

После продолжительной болезни Сергей Васильевич скончался 29 августа 2006 года. Похоронен на кладбище в г. Далматово.

Фоминых Валерий Степанович, родился в 1945 году в с. Широковском. Ефрейтор, в Чернобыле с 21 января по 17 мая 1987 года. Умер в 1998 году.

Широков Владимир Николаевич, родился в 1953, в с. Широковском. До и после опасной командировки работал в родном селе, в колхозе имени Я.М. Свердлова, водителем, а затем заведующим автомобильным гаражом. Рядовой Широков В.Н. в Чернобыле находился с 24 мая по 14 июля 1987 года. Работы по ликвидации аварии выполнял в непосредственной близости от реактора. За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, Указом Президента РФ, награжден медалью «За спасение погибавших». Похоронен на кладбище с. Широковского.

Захаров Сергей Васильевич, родился в 1953 в с. Широковском, работал в родном селе, в колхозе имени Я.М. Свердлова в животноводстве. Ефрейтор Захаров С.В. в Чернобыле находился с 14 июня по 12 сентября 1989 года.

Сергей Васильевич вспоминает: «Наша в/часть стояла в 20 километрах от реактора. Каждый день ездили проводить дезинфекцию близлежащих деревень в радиусе 40 километров, затем приходила техника и дома вывозили в могильники». Похоронен на кладбище с. Широковского.

Сегодня наша Главная задача, не забывать тех людей, которые проявляя мужество и героизм, жертвуя своим здоровьем, сделали все возможное, чтобы последствия аварии принесли минимальный ущерб людям и экологии Земли.

Также нельзя забывать, что в нашем взаимозависимом мире существуют, наряду с проблемами мирного атома, проблемы атома военного. Эта проблема сегодня, также является одной из главных. Авария на Чернобыле еще раз показала, что может произойти с Землей и человечеством, если начнется ядерная война. Ведь в армиях разных стран накоплены огромные ядерные арсеналы, и эти ядерные арсеналы таят в себе тысячи катастроф, куда страшнее Чернобыльской.

Вера ВЬЯЛКОВА
с. Мокроусово

ГЕРОЯМ ПРОШЛЫХ ВЁСЕН НЕТ ЗАБВЕНЬЯ

Все дальше и дальше уходит в историю трагический день 26 апреля 1986 год – черный день Чернобыльской катастрофы. В этом году будет уже 40 лет ликвидации последствий Чернобыльской аварии. Но последствия этой беды до сих пор не утратили своей остроты и актуальности. С тех пор слово «Чернобыль» стало синонимом беспрецедентного мужества и героизма. Работы по устранению последствий взрыва и захоронению реактора длились 4 года, за это время в них приняло участие более шестисот тысяч человек. Среди них – 2131 зауральцев, в том числе 30 мокроусовцев. Сейчас на территории округа проживает 10 ликвидаторов. Среди них

Малухин Михаил Михайлович, он один из тех, кто принимал участие в ликвидации последствий катастрофы.

Наш герой родился 26 февраля 1949 года в г. Челябинске. Но вскоре семья переехали в Мокроусовский район и поселились в небольшой деревеньке Каракуль. Здесь, вдали от больших городов, прошло раннее детство Михаила. Беда пришла в дом, когда Мише было 10 лет – умер отец. И вновь переезд – теперь уже на родину матери в деревню Дмитриевку, которая вольготно раскинулась на берегу небольшой речушки Суерь. После окончания восьмилетки, перед Михаилом не стоит вопроса: «Кем быть?». Деревенский паренек убежден – лучше профессии механизатора на деревне нет, и поступает в СПТУ-13 Варгашинского района.

И дальше судьба идет по накатанной колее: работа трактористом-комбайнером в колхозе «Октябрь», служба в рядах Советской армии в строительных войсках, возводили военные укрепления. После демобилизации вернулся на малую родину, стал работать в колхозе. Встретил любимую девушку – Катю, Екатерину Прохоровну, так ее уважительно звали в деревне. Несмотря на молодость, она считалась одной из лучших доярок в колхозе. Родились дочери Людмила и Марина.

Ничего не предвещало беды, но в сентябре 1986 года принесли повестку из военкомата. Все закрутилось в каком-то бешеном хороводе: авария, Чернобыль, радиация...

И теперь биография Михаила Михайловича будет делиться до этой даты и после нее.

В Чернобыле находился с 24 декабря 1986 года по 2 марта 1987 года.

- Прошел медкомиссию, сказали: «Годен» и повезли в город Златоуст Челябинской области. Через два месяца - Припять. Зачислили в Таманскую дивизию 26-ю бригаду химиком-разведчиком. Как и подобает разведчику, первым заходил в здания, измерял кабинеты, делал их зарисовки. В сутки разрешалось работать не более пяти минут, уровень радиации был высокий. Два месяца провел в зоне

повышенной опасности, каждый день, получая невидимые поражения. Набрав дозу радиации, ждал отправки домой, работая в обслуживании части, - вспоминает Михаил Михайлович.

В памяти ветерана-ликвидатора навсегда сохранилось серое небо над Припятью, КАМазы, везущие бетон, люди в респираторных масках и пустые села. О том, какой вред нанесет радиация здоровью, как-то не думали, самоотверженность зашкаливала.

- Про последнюю аварию на АЭС при землетрясении в Японии говорили радиостанции всего мира, а она гораздо меньше Чернобыльской. Про нашу техногенную беду сказали так, как будто мы ехали на заработки, хотя денег мы не привезли, только потеряли здоровье. По приезду домой почувствовал себя хуже. Стала болеть голова, на тракторе не смог работать, перешел в животноводство. Последнее время работал сторожем. В 1999 году поставили на учет в райбольнице, дали II группу инвалидности. Это не только я стал инвалидом, все мои друзья, с кем там пришлось трудиться - инвалиды, многих, к сожалению, нет в живых, - с горечью говорит Михаил Михайлович.

И только при прошествии стольких лет ветеран понял, что нет ничего страшнее, чем бороться с невидимой смертью.

Указом Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 года М.М.Малыхин награжден орденом Мужества (свидетельство № 64140), ранее в 2002 году был награжден медалью «За спасение погибавших». Кроме того, имеет юбилейные наградные знаки участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС (20 лет), в память о катастрофе на Чернобыльской АЭС (25 лет) и памятный знак «Защитнику Отечества от радиационных катастроф» президента Союза «Чернобыль», юбилейную медаль «30 лет ликвидации аварии на ЧАЭС». Летом 2017 года был приглашен в Варгашинский военкомат для оформления документов как участник войны.

По сертификату приобрел дом в селе Мокроусово.

- Самое главное, чтобы подобная катастрофа не повторилась. Не хочется, чтобы в России или другой стране мира были пожары, наводнения, гибли люди.

От имени всех ликвидаторов на Чернобыльской АЭС обращаюсь с просьбой к администрации района: установить на памятнике чернобыльцам в парке имени Жукова памятную доску с именами всех участников- ликвидаторов аварии. Чтобы внук, подойдя, увидел мою фамилию и с гордостью, а, может и с грустью, сказал: «Это мой дед!», подводя итог встрече, отметил ветеран-ликвидатор Михаил Михайлович Малыхин.

Гельсень ГИЗИТДИНОВА
г. Шумиха

ЧЁРНАЯ БЫЛЬ – ЧЕРНОБЫЛЬ

*«Чёрная быль «павшей с неба полыни»...
Боль порастает быльём...
Хочется верить, что в новой России
Мы не забудем её!»*

Леонид Север

Чернобыльская авария 1986 года потрясла весь мир. Поисковик в Википедии выдает: «...Авария расценивается как крупнейшая в своём роде за всю историю атомной энергетики, как по предполагаемому количеству погибших и пострадавших от её последствий людей, так и по экономическому ущербу... Наибольшие выпадения вблизи реактора отмечались на территориях, относящихся к Белоруссии, Российской Федерации и Украине. Из 30- километровой зоны отчуждения вокруг АЭС было эвакуировано всё население — более 115 тысяч человек. Для ликвидации последствий были мобилизованы значительные ресурсы, более 600 тысяч человек участвовали в ликвидации последствий аварии...» Для участия в ликвидации аварии из Шумихинского района было призвано свыше 100 человек из резерва военнообязанных, многие из них впоследствии удостоены правительственных наград.

Со временем возникла потребность в организации, которая объединила бы ликвидаторов, и чернобыльцы создали Шумихинскую общественную организацию «Чернобыль» в 2006 году. Организация имеет свой Устав, должность председателя в ней выборная. Первым председателем, организатором и вдохновителем стал **Жеребцов Юрий Павлович** (в Чернобыле находился с 11.12.1986 по 22.02.1987 года, награжден Орденом Мужества). При нем, в 2007 году, чернобыльцы общими усилиями на собственные средства установили и содержат сегодня памятник шумихинцам - ликвидаторам последствий радиационных аварий и катастроф 20-го века. Большую помощь и поддержку в этом оказывал и оказывает отделение МЧС по Шумихинскому району. Юрий Павлович очень многое сделал для отстаивания интересов и сплочения чернобыльцев. Он много сделал и для того, чтобы о той трагедии и о людях, ставших на пути разбушевавшегося атома, не забывали. Его уход из жизни стал для всех тяжелой утратой, но чернобыльцы продолжили дело Юрия Павловича, сохранили свою организацию.

Долгое время, как и в большинстве общественных организаций, жизнь держалась на энтузиазме председателя **Михаила Дмитриевича Чеснокова**. В организации, в первые годы, было 48 человек, а сегодня их вместе с председателем 19: **Батырбаев Хажисолтан Рамазанович, Булков Николай Иванович, Гизит-**

динов Раис Рафаилович, Давыдов Сергей Григорьевич, Дружков Геннадий Иванович, Дядюхин Валерий Федорович, Евдокимов Владимир Борисович, Ермаков Валерий Иванович, Калюжин Александр Васильевич, Квашнин Виктор Васильевич, Киктенко Александр Федорович, Майоров Михаил Иванович, Пархоменко Виктор Андреевич, Подкин Виктор Леонидович, Старчуков Михаил Ананьевич, Степанов Михаил Иванович, Устинов Владимир Владимирович, Хабибулин Закир, хотя в нашем районе чернобыльцев немало. Сегодня, к сожалению, нет с ними Михаила Дмитриевича, после его ухода общество возглавил **Раис Рафаилович Гизитдинов**.

На ликвидации аварии кто-то был несколько дней, кто-то неделю, кто-то месяцы. Невидимая опасность подстерегала везде и всех. И эта опасность отмечена в военных билетах ликвидаторов скупой строчкой: «В 30 километровой зоне доза облучения составила ...» Ликвидаторы служили все по-разному, по количеству этой самой дозы облучения.

Поменяв несколько адресов, организация поселилась в здании Администрации Шумихинского Муниципального округа вместе с Советом ветеранов. Когда-то были хорошие контакты налажены с Алексеем Петровичем Пановым и Владимиром Викторовичем Букаревым, всегда чувствовалась их поддержка и заинтересованность жизнью организации, а сама жизнь эта была активной: чернобыльцы часто посещали классные часы, их приглашали на уроки мужества в школы города, в аграрно-строительный колледж, особенно в 3-ю школу, где Алексей Петрович был организатором и руководителем музея, в котором собрано очень много материала о чернобыльцах. Но жизнь внесла свои коррективы, и сегодня самым верным другом для чернобыльцев является Александр Геннадьевич Дозморов со своими кадетами: все вместе ухаживают за памятником, проводят встречи и мероприятия. Александр Геннадьевич говорит: «Это прежде всего нужно детям. Это и патриотическое воспитание, и память. Такая организация, как «Чернобыль» просто необходима, все должны знать и хранить память об этой трагедии и ее ликвидаторах. Чернобыльцы – наши герои. На их примерах должны воспитываться дети, а не на персонажах американских боевиков». Дружеская помощь и поддержка оказывается также местным отделением ЛДПР, они не забывают о чернобыльцах, поздравляют с праздниками, вручают подарки. При содействии координатора местного отделения ЛДПР Станислава Валентиновича Тимофеева решился вопрос о передаче памятника на баланс Администрации Шумихинского Муниципального округа.

Ковидные ограничения практически свели на нет активную часть жизни организации, но по-прежнему чернобыльцам она необходима. Здесь они встречаются, поздравляют своих именинников, помогают друг другу при помощи кассы взаимопомощи (многие помнят ее из тех, советских времён). Есть еще в их жизни и печальные проводы своих товарищей. Последствия тех далеких и страшных дней дают о себе знать болезнями и уносят из жизни ликвидаторов.

Наверное, у многих была возможность «откосить». Михаил Дмитриевич Чесноков говорит: «Мы же военнообязанные, мы присягу давали. Да и не по-людски же это.» И это мнение большинства чернобыльцев, ликвидаторов той страшной аварии. Вот такие они, резервисты, называющие себя «партизанами».

«Жертвенность собой ради общего дела, ради Отечества, воспитана веками и тысячелетиями в характере россиян. И это всегда спасало Россию, да и народы других стран» – так охарактеризовал ликвидаторов Чернобыльской аварии генерал-майор Владимир Усманов.

Михаил Дмитриевич вспоминает: «Тридцатикилометровая зона, ограждение из колючей проволоки, казармы, офицерские домики, хозяйственные постройки... Такая вот жилистая зона. Везде пропускная система, в столовую тоже: идешь мимо дозиметриста – запищишь – бегом в баню, смывать радиационную пыль и менять одежду. Также каждый рабочий день заканчивался. Целый день топаешь в сапогах со свинцовыми стельками, они были тяжеленными; к вечеру, как сапоги снимешь, действительно ног не чувствуешь, они как в невесомости и все норовят подняться в воздух. Занимались в основном чисткой территории в городе Чернобыле. Видно было, что уровень жизни здесь у людей совсем другой, намного лучше нас жили, как в другом государстве. Мы «чистили» жилые дома: под окна ставились грузовики, в которые выбрасывалось все из квартир, затем это свозилось в могильники для утилизации. Следом шли, работали дезактиваторщики. Точно также в могильники закапывалась техника, отработавшая определенное время на радиационной зоне.

Работали и жили без особой опаски, но бывало, когда мы, ликвидаторы, заходили в магазин в «чистой» зоне, все кто там был, убегали, и продавец просил всех: «Пожалуйста, только побыстрей, побыстрей, ребята!» так были все напуганы».

Запомнился ему командир, у которого он служил некоторое время водителем. У командира была привычка ткнуть в пуговицу и спрашивать: «Завтракал-обедал-ужинал?» И только услышав в ответ: «Я готов» садился в машину, и они отправлялись в путь. Часто ездили в Киев, город в эти дни был почти пуст, и ездить по нему было также спокойно, как по Шумихе.

Был там поселок Зеленый Мыс, он находился в «чистой» зоне. Это место боев за Киев в годы Великой Отечественной войны. Здесь пересеклись две войны, одна напоминала о себе взрывами – все еще находились мины и авиабомбы, все еще работали саперы и взрывники; другая – невидимая, тихая, где враждебной было все, даже пыль. Очень точно сказал об этом Игорь Шкляревский: «...И осина шумит – отойди от меня...» Местное население поселка было очень доброжелательное, особенно старики, встречали чуть ли не с хлебом-солью ликвидаторов. Они-то точно знали цену миру и цену помощи советских солдат.

Раис Рафаилович Гизитдинов служил на территории Белоруссии: «Дезактивацию проводили в селах и в деревнях за зоной отчуждения. Здесь зашкаливала радиация, но люди жили обычной жизнью, только у каждого из них на груди был персональный дозиметр. В первый раз был поражен, когда маленькая, сухонькая старушка пришла к нам в столовую и просила хотя бы хлеба. Она отказалась покинуть свой дом, осталась жить в одной из эвакуированных деревень, где было еще несколько таких же стариков и бродили собаки. Позже узнал, что все местные приходили к нам за продуктами раз в неделю, обычно за хлебом. Они были очень благодарны...

Как-то в Киеве пришлось в магазине услышать и такое: «Езжайте в свою москонию и закупайтесь там...», и в то же время на вокзале, в том же Киеве, кассир, тогда на вокзалах были отдельные кассы для военнослужащих, вызвала из очереди, узнав по форме ликвидатора и оформила билет, не обращая внимания на возмущение остальных, даже старших по званию»

Закир Хабибулин говорит: «Хорошего мало. Работал в зоне заражения по 1,5-2 минуты. Все невидимое: одна пыль, едешь и не знаешь, вернешься или нет. А наше общество – это мужская ячейка, и это очень хорошо, когда мы вместе»

Радиация практически без цвета, вкуса и запаха, наверное, поэтому не было

острой напряженности и страха, но атом тихо делал свое черное дело, все здесь находились в постоянной опасности, получая невидимые и нечувствительные в первую пору раны. Масштабы и последствия этой трагедии огромные, и они были бы еще больше, если бы не мужество и самоотверженный труд ликвидаторов этой аварии. Ликвидаторов со всех республик одной огромной страны - Советского Союза.

И для того, чтобы о той трагедии и о людях, ликвидировавших её, не забывали, живет и работает Шумихинская общественная организация «Чернобыль».

ГЕРОИ С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ

*Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд...
Алексей Недогонов*

Получив приглашение прийти на встречу со школьниками и выступить перед ними, Виктор Васильевич заволновался: ничем особенным не выделялся, геройских поступков не совершал, о чем он будет рассказывать детям? Ну что с того, что он был ликвидатором аварии на Чернобыльской АЭС? Так много кто там был из земляков и медалью «За спасение погибавших» награждены многие, не только он... А вдруг разволнуется или скажет что-нибудь невпопад? Ну и отказаться, не пойти не мог. Успокоил себя, что там будет не один, придут свои, товарищи-чернобыльцы, и он сначала послушает, что другие скажут...

Все последующие дни перебирал фотографии, в памяти всплывали разные ситуации, оживали лица тех, с кем прошел те, чернобыльские дни и все время думал, о чём же он будет рассказывать. Столько всего нахлынуло, как всё это передать словами! Красиво говорить он не умеет, решил, что, наверное, скажет просто: «Наш уральский полк жил в палаточном городке, в тридцатикилометровой зоне отчуждения.

Первое время по прибытии обустроивали место нахождения городка. Палатки стояли на песке, а мы в отведенном месте снимали пласты дёрна и укладывали на песок, чтобы его не развеивало. Усиливали мосты, укрепляли берега.

Я водитель- выполнял обычную работу водителя: привез, увез... На территории самой станции находились группами по 15-16 суток, меняли нас в зависимости от дозы полученной радиации. Технику, работавшую на станции, за ее пределы не выпускали, и моей задачей было встречать группу военнослужащих у моста через Припять и отвезти на территорию станции. После того, как группа отработает положенное время, нужно было увезти обратно к мосту. Они воз-

Виктор Васильевич Квашнин.
*На ликвидацию последствий
на Чернобыльской АЭС
находился с 21 января 1987
по 17 мая 1988 г., награжден
медалью «За спасение погибавших»*

вращались в зону отчуждения через мост пешком, там их встречала уже другая машина и увозила в распоряжение части. Работы хватало.» Вот так и скажу. Все ясно и понятно.

День назначенной встречи быстро как-то подошел. Собираются чернобыльцы - рукопожатия, смех, разговоры обо всем сразу: о внуках, семье и о тех, теперь уже ставших далекими, днях. У каждого есть что вспомнить, что рассказать. Вспоминают забавные случаи, посмеиваются... Вспоминают ушедших товарищей, и в воздухе повисает, кажется, звенящей, тишина.

Виктор Васильевич отошел в сторонку и опять задумался, что же еще он расскажет... А вот и дети стали подходить. Они шумной ватагой забежали в помещение и сразу стихли при виде чернобыльцев: торжественный вид, награды, серьезные лица... герои, живущие с ними рядом... Поздоровались и притихшие прошмыгнули в зал. Виктор Васильевич думает: «Ну не рассказывать же им про пыль?... Что там рассказывать? Пыль... толстый слой пыли. Чтобы она не поднималась и не растаскивалась, перед выездом колонны машин на работу проезжие дороги смачивали. Поливальные машины работали целыми днями. Разве это интересует детей?

Лучше про рыб... Как на рыбалку ходил. Даже не на рыбалку, а так... Смотрел. Чистейшая вода, видно, как косяками рыба ходит. Надо же, вроде рыба, а тоже по-своему соображает: крупная рыба с крупными, мелкая с мелкими, а хищники, которые гоняют их, отдельно. Скажу, не ловил и не ел я такую рыбу, наблюдать было интересно...»

Прислушивается Виктор Васильевич к разговору товарищей, слышит, как Владимир Евдокимов рассказывает о себе: «С первого дня над реактором. С вертолета сбрасывал мешки с песком и свинцом. Местные жители, помогали, наполняли мешки. Недельку работали. Затем нас отправили в госпиталь, в Москву. Обследовались, лечились, отдыхали. Через три недели мы возвращались обратно. На перроне ждем свой поезд. Объявили о прибытии состава из Гомеля. Встречает его сотрудница железной дороги с дозиметром, проверяет вагоны на радиацию. Мы подошли к ней, поинтересовались для чего это, у нее зашкалил прибор, она взглянула на него, потом на нас и отошла к другому вагону. Прибор был спокоен. Мы снова подходим к ней, и опять дозиметр зашкаливает, она отмахнулась от нас и ушла подальше от нас. А мы, звенящие, пошли к своему поезду...» Рассказывает и посмеивается. Теперь-то можно и посмеяться.

Виктор Васильевич вспомнил, что друг, тоже Володя, рассказывал, что как-то они, отработав, остались ждать офицера, который наказал им стоять на уложенной бетонной плите. «Мы стоим, - рассказывал он, - на бетоне, а вокруг травка зеленая. Мягкая... Травка же, а мы на бетоне, айда все на траву! Офицер подбегает к нам, с криком: «Что вы делаете!» И подносит прибор к траве, а он зашкаливает: «Вот вам и травка зеленая!» - в сердцах прикрикнул офицер.» Я ведь проходил службу со многими шумихинцами-земляками. Подружились. Такая дружба - она навечно. Может про это тоже рассказать?

Дети подходят и подходят- эти постарше, большие уже, смотрят внимательно. Не шумят, серьезные такие. С ними, наверное, интересно будет разговаривать. А вот и соседский мальчишка, узнал, поздоровался, С широко распахнутыми глазами смотрит на Виктора Васильевича, на его награды- впервые видит его при полном параде, в его взгляде - удивление, восхищение и он толкает локтем друга и шепотом ему что-то говорит... Еще больше заволновался Виктор Васильевич, засмутился, но уже пора, в зал приглашают! «Ну что же,

где наша не пропадала,»- решает он и со всеми товарищами проходит в зал. Постепенно волнение улеглось. Видя, с каким интересом ребята слушают выступающих, совсем успокаивается и сам слушает своих товарищей и теперь уже с ними вновь проживает те дни, прошедшие на ликвидации черной катастрофы.

- Квашнин Виктор Васильевич, - вдруг слышит он, - пожалуйста, Вам слово.

- Ребята, а вы задавайте свои вопросы. - неожиданно для себя обращается к детям Виктор Васильевич

- Можно мне? - раздается голос из зала и, не дожидаясь ответа, спрашивает

- А Вам страшно было?

- Страшно ли было? –переспрашивает Виктор Васильевич, задумывается и продолжает -Не страшно было вначале. Пока не встретили на дороге лося. Ехали на место дислокации, идет вдоль дороги по полю лось. Огромный, могучий лось... Идет, спотыкается, припадает на колени... снова встает, снова идет, спотыкается, падает... и шерсть- шерсть с него отваливается клочками. Вот тогда-то и стало закрадываться чувство страха: если с таким великаном такое случилось, что же будет с нами?

С чувством страха жить постоянно невозможно. И радиация - ее же ни потрогать, ни увидеть нельзя, это невидимый враг. И страх уходит. В первые дни, когда мы только приехали, принесли нам сапоги, в которых бегали по крыше станции. Интересно же было посмотреть на радиационные сапоги. Оказалось, сапоги как сапоги... Поднесли измерительный прибор, все чисто, не пищит, а как добрались до подошвы, прибор зашкалил. Так прибор среагировал на стык подошвы и каблука, куда набилась пыль, земля.

Еще был у нас такой случай. Группа офицеров получила разрешение побывать в Киеве. Выбрали самую новую машину, ЗИЛ-130, осталось пройти «японца» (прибор для измерения радиации)- не пропускает, пищит прибор. Отправили машину на мойку- опять пищит. Сколько бы не мыли, бесполезно. Обследовали с прибором машину- оказалось, что в кузове, в щелях осталась земля, она и фонила. - и как-то к месту получилось и про пыль, и про рыб, и разговор продолжился - Ситуации были разные. Как-то встретив группу, приезжаем на станцию. Офицер ушел за распоряжением на день. Вдруг сработала сирена, и на воздух поднялся вертолет, через несколько минут еще один. Нас срочно убрали со станции, и на работу мы вышли только через сутки всего часа на два.

На разных объектах могла работа длиться по- разному: и час, и полтора, а иногда несколько минут. Помнится, получив задание очистить здание, мы прибыли на место. Майор поставил задачу: для очистки помещения по два человека заходят, берут вещи, выходят-выбрасывают. И так все колонной. . . Вещи выбрасывали в отведенное место для дальнейшего захоронения. И все, второй раз уже не заходили и больше в этот день не работали

Нас готовили к «рыжему» лесу. Рыжим называли его потому, что деревья, которые не погибли, стали буро-красными, особенно сосны, из-за высокой дозы радиации в первые минуты после взрыва. Часть- то наша была техническая. Готовили всю технику: экскаваторы, грейдеры, машины... Но у нас у всех оказалась норма набранной дозы радиации и мы отправились домой. Уровень полученной дозы облучения записывали каждый день- в общей сложности я набрал 11.05 рентген. Досталось этой радиации всем, не видно же ее, не чувствуется никак она. Но мы все делали, что положено, мы же военнообязанные, присягу давали...- Виктор Васильевич замолчал, в зале зааплодировали, и он с удивлением понял,

что все это он сейчас рассказывал ребятам, а они его внимательно слушали. Домой Виктор Васильевич шел в приподнятом настроении, на душе было легко и радостно от сегодняшней встречи и с товарищами, и с детьми. Он шёл и думал: «Все - таки славные дети подрастают у нас. Они совсем другие, но ведь и времена другие и возможности тоже. Смотри-ка, ни один не достал телефон, не шалили, внимательно слушали, в глазах был неподдельный, живой интерес. Выходит, напрасно я волновался! Не зря мы с товарищами были на встрече, ведь авария на Чернобыльской АЭС — это ещё одна трагическая дата в истории нашей страны, и они должны знать её!».

Илья ГРИШИН

г. Курган

РОМАНЕНКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Об аварии на Чернобыльской АЭС Николай Александрович уже был наслышан, когда в декабре 1988 года получил повестку из военкомата города Кургана. Пришел на призывной пункт. Тогда ему было всего 30 лет, считался самым молодым среди призванных участников. «С Кургана нас было всего 5 человек, все водители. Куда собирают не сообщали». Прошел комиссию и ждал повторного вызова, а в марте 1989 года Николай и еще 4 водителя поехали в Свердловск, где формировался «Уральский полк». Из столицы Урала поездом были направлены в город Киев, там в вагоне поезда и узнали о том, что едут в район Чернобыльской АЭС.

Уральцам необходимо было работать в 30-километровой зоне отчуждения вокруг Чернобыльской АЭС. Побывали и в Припяти. Себя ликвидаторы называли партизанами, так как среди ликвидаторов действующими военнослужащими были несколько офицеров подразделения. Работал Николай Александрович водителем на грузовике ЗИЛ-130. Занимался перевозкой людей. В основном возил руководство батальона, поэтому много приходилось ездить по зоне отчуждения, посещали поселки и населенные пункты, а также доставляли людей для проведения мероприятий по снижению радиационного заражения. «Поселки были пустые, безжизненные, брошенные, везде лежали вещи, оставленные людьми при эвакуации». Наряду с основными задачами, стоящими перед ними, помогали местному населению в решении самых насущных проблем, в том числе и выступая в роли доноров. Как и многие другие ликвидаторы он столкнулся с невероятными трудностями и риском для здоровья, порой уровень радиации зашкаливал!

Полк Николая Александровича был сформирован из уральских специалистов, располагался в поселке Брагин Гомельской области Белорусской ССР, что севернее Чернобыльской области. «Индивидуальных дозиметров у нас не было, их выдавали только тем, кто ездил на саму станцию. Нам писали в карточках только суммарный расчет». «Под ногами земля была сильно заражена даже в Брагине. Бывало, сделаешь вынужденную остановку, где-нибудь в бору, бросим дозиметр на землю, а он зашкаливает. Собираемся и быстро едем дальше к месту назначения...». Техника Николая Александровича не подводила, чиниться в полевых условиях не приходилось. Заранее готовил машину в парке батальона.

Несмотря на все испытания, Николай Александрович выполнил свой долг перед Родиной и в августе 1989 года покинул зону отчуждения, посвятив ей 5 месяцев своей жизни, но оставившей частичку её в себе.

В феврале 1992 года он поступил на службу в ВПЧ № 2, тогда ОПО № 71 ГУПО МВД СССР. Добросовестно служил в должностях пожарного и водителя пожарного автомобиля. В июне 2006 года, в звании старшего прапорщика внутренней службы, вышел на заслуженный отдых, по ограниченному состоянию здоровья. Сейчас находясь на отдыхе, не теряет связь с коллективом, передавая свой опыт молодым сотрудникам. Николай Александрович принимает активное участие в жизни подразделения. В 2022 году при открытии аллеи, посвященной 75-й годовщине со дня образования Специальной пожарной охраны России, участвовал в высадке дерева в честь пожарных-героев Чернобыля на аллее вместе с Председателем Курганской областной Думы Фроловым Дмитрием Владимировичем.

По мере сил и здоровья старается не пропускать ежегодные соревнования по пожарно-спасательному спорту, посвященные памяти пожарных-героев Чернобыля.

Об аварии на Чернобыльской атомной электростанции в Специальном управлении ФПС № 71 МЧС России знают не понаслышке. После того страшного планетарного масштаба события, которое произошло 26 апреля 1986 года, когда пожарные, ценой своих жизней, потушили пожар на 4-ом энергоблоке АЭС, и тем самым спасли планету Земля, запомнило все человечество.

Чтобы увековечить славную память о пожарных-героях Чернобыля, по инициативе бывшего руководителя подразделения, ныне «Заслуженного работника пожарной охраны Российской Федерации», полковника внутренней службы в отставке Алексеева Николая Владимировича, начиная с 1987 года, стали проводиться областные соревнования по пожарно-спасательному спорту.

Алексеев Н.В. с 1968 по 1971 годы учился вместе с Телятниковым Леонидом Петровичем в Свердловском пожарно-техническом училище МВД СССР, который будучи начальником ВПЧ руководил тушением пожара на АЭС. Герой Советского Союза Телятников Л.П., из-за плотного графика зарубежных поездок в то время, к сожалению, не смог прибыть на открытие первых соревнований.

Для соревнований был организован конкурс на лучший макет переходящего кубка данных соревнований. Лучший макет был выполнен из мрамора и чеканки по меди, стал переходящим кубком, который каждый год вручается команде-победительнице.

Следует отметить, что Специальное управление поддерживает постоянные деловые контакты с Курганской региональной общественной организацией инвалидов Союз «Чернобыль». Председатель организации Мишкарев Сергей Иванович принимает участие в открытии вышеназванных соревнований и участвует в других значимых мероприятиях. Личный состав Специального управления постоянно посещает музей данной организации.

В 2024 году сотрудники Специального управления приняли участие в региональной акции «Чернобыльский диктант» и стали призерами данного мероприятия. Таким образом, память о людях, совершивших подвиг на ЧАЭС жива, хранится и передается молодому поколению.

Анна ЖАРНИКОВА
с. Мокроусово

ДОХНУЛО ВЕТРОМ КАТАСТРОФЫ

*С тех пор прошло немало весен,
Закончился двадцатый век,
Но не закрыта еще тема:
Бед... Чернобыль... Человек*
И. Савельев

Кравченко Константин Александрович – участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС

Родился 1 января 1953 года в г. Харбине, Китай. Ефрейтор, в Чернобыле с 11 июня 1987 по 17 августа 1987 года. Награжден медалью «За спасение погибавших». Трудовую деятельность начал в 1969 году трактористом Зауральского совхоза Альменевского района, затем мастер Альменевского узла связи. С 1971 по 1973 года призван в ряды Советской Армии. После демобилизации вернулся в узел связи. В общежитии райпо встретились с Галиной Ивановной, работавшей после окончания Шадринского кооперативного техникума в Альменево в универмаге. В 1974 году поженились, и в следующем году у них в семье родилась дочь Светлана, появлению которой он очень радовался. Квартиры не было и в 1976 году решили переехать в Мокроусово, где на улице Северной достраивался дом, и его пообещали молодой семье. Константин Александрович устроился трактористом в Межколхоз-

ное объединение по производству кормов и откорму крупного рогатого скота, а с 1979 года – электромонтер эксплуатационно-технического узла связи. Для ликвидации последствий Чернобыльской аварии призван с должности мастера Мокроусовского учебно-производственного комбината. Хотя была возможность отказаться (ему хватало службы в ракетных войсках на Плисецком полигоне), но мужчина не привык отсиживаться за чужой спиной: надо, значит надо.

Из его воспоминаний: «И вот переодели в военную форму, и в считанные дни мы оказались в Киеве, а затем на автобусах привезены в Зеленый Мыс. Здесь была военная часть, командиры и солдаты которой выполняли обязанности по ликвидации послед-

ствий пожара. Пол-месяца привыкали к обстановке, потом три дня занимались дезактивацией третьего блока. Проедем несколько километров, меняем сапоги. Был строителем, обдирали штукатурку со стен. Работали минут пять, затем отдых в безопасном месте час-полтора. И так двенадцать часов. После этого вновь

15 дней пассивного отдыха, в сорока километрах от Чернобыля. Кормили очень хорошо, вся еда готовилась только на раз. Короче говоря, за всё время моей Чернобыльской эпопеи непосредственно на АЭС я трудился минут тридцать, за это время я набрал определённую дозу облучения, и больше в горячую точку меня не посылали.

Всё остальное время, за исключением отдыха, мы занимались строительством, переоборудовали спортзал под столовую. Таким образом, в опасной для жизни зоне я находился 67 дней. Но каких дней! Тамошняя обстановка сама по себе очень сложная. Когда видишь совершенно пустые деревни и мёртвые многоэтажки, сердце наполняется неопишуемой тревогой. Оно постоянно щемит и щемит. Чувство угнетения, что ты являешься заложником чьего-то головотяпства, не проходит по сей день. Да, в данном случае виноваты были люди. Если бы вовремя провести необходимые меры предосторожности, беды бы не случилось.

С прошлого года моё самочувствие резко ухудшилось. Постоянное головокружение, тошнота. Медицинская комиссия сделала заключение, что я являюсь инвалидом третьей группы. А мне до пенсии ещё семь лет. Не так давно я побывал в Уральском реабилитационном центре, другими словами, больнице. Страшно там, все чернобыльцы, без исключения, седые (в том числе и я) и начинают лысеть. Теперь вот областной отдел здравоохранения даёт мне путёвку в Кисловодск.

Всё это хорошо и льготы, и внимание, и почёт. Но оно совершенно несоизмеримо с тем, что мы потеряли. Как больно за себя и страшно, что мы понимаем после времени. Что мы оставим потомкам?».

Умер Константин Александрович 28 января 2015 года. Его жена, Галина Ивановна, до сих пор не может вспоминать о нем без слез. «Ягодник и грибник, первые ягоды, земляника, грибы – все наши. Очень мастеровой, дома все сделано его руками, воду в дом провел сам, выкопал колодец. Все здесь напоминает о Косте ...». Дочь Светлана работает на севере вахтовым методом. Внучка Валерия окончила Екатеринбургский юридический университет, работает в мировом суде в Мокроусово.

Фаина КОМАРОВА
с. Красная Звезда
Шадринский МО

НАЗИМОВ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ

Назимов Михаил Дмитриевич родился 01 января 1948 года в д. Демьяна Бедного Шадринского района Курганской области. Отец Дмитрий Никифорович 1915 года рождения участник Великой Отечественной Войны, был тяжело ранен, комиссован. Мать Марфа Петровна 1915 года рождения, работала в местном совхозе. В семье кроме Михаила было еще 5 детей, он был пятым. С раннего детства, как и все деревенские дети той поры, помогал родителям по хозяйству, мог принести воды из колодца, растопить печки, прополоть грядки, присмотреть за младшей сестрой, а когда подрос то и наколоть дров, собрать сено. Да и не перечислишь всю деревенскую работу. Но было время и на игры, ровесников в то время в деревне было много и развлечений тоже.

Учиться приходилось ходить в соседнее село Октябрь, где была восьмилетняя школа, окончил 6 классов. Полноценной учебы не получилось, приходилось помогать дома, так как родители болели. В 18 лет стал работать в местном совхозе «Красная Звезда» рабочим на Демьяновской ферме с ноября 1966 года по март 1968 года. В июне 1968 года призван в армию. Уволен в запас в июне 1970 года. После службы вернулся в родную деревню и снова устроился в совхоз в ноябре 1970 года сначала учеником электросварщика, затем переведен электросварщиком, в октябре 1972 перешел слесарем животноводства. В октябре 1974 года уволился из совхоза. И в октябре этого же года решил пойти учиться на 3х месячные курсы киномехаников. В январе 1975 года принят в Шадринскую рай. киносеть киномехаником в Демьяновский клуб, в мае 1980 года уволился. Поработал 10 месяцев на Шадринском керамзитном заводе, вернулся в Демьян Бедный, устроился в совхоз «Красная Звезда» в январе 1982 года рабочим на ферму, где и работал до выхода на пенсию по январь 1998 года.

В 1970 году в Демьян Бедный на работу приехала зоотехником, после окончания техникума, молодая симпатичная девушка Дуся, Михаил сразу заприметил ее, стали встречаться, в 1971 году поженились. В 1971 году у них родился сын Эдуард, а в 1975 дочь Татьяна.

Жили, работали, растили детей, занимались своим хозяйством. Жизнь была размеренной, стабильной, совхоз гремел на всю страну, хорошие зарплаты, благоустроенное жилье, ничего не предвещало беды, но она пришла в семью – авария на Чернобыльской АЭС. В июне 1987 года Михаил Дмитриевич получил повестку Шадринского военкомата для прохождения медкомиссии, был признан годным и направлен на месячные курсы в Ижевск, где прошел обучение на химика-разведчика и с 6 августа 1987 года по 09 ноября 1987 г. находился непосредственно на работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Работать приходилось на расчистке территории аварийного блока, убирал землю с крыши блока, а также на территории рядом с ним. О полученной дозе облучения тогда не думал.

Переживали за Михаила Дмитриевича родные, ждали и молились, чтоб вернулся поскорее. Ведь в семье были дети, большое хозяйство, но родственники и друзья помогли заготовить дрова, корма для животных. Когда Михаил Дмитриевич вернулся домой, снова стал работать в совхозе. Первое время, полученное облучение не сказалось на здоровье, но со временем появились проблемы и в 50 лет он, как ликвидатор вышел на пенсию, получил 2ю группу инвалидности.

В перестроечные годы некогда процветающий, крепкий совхоз «Красная Звезда» пришел в упадок, в деревне не стало центрального отопления, водопровода и других благ, а большой дом требовал только на отопление в зимний период 50 кубов дров, которые больной Михаил Дмитриевич уже не мог заготавливать, да и другие работы по хозяйству были непосильны и в 2007 году семья переезжает в село Красная Звезда в благоустроенное жилье.

Умер Михаил Дмитриевич 08.11.2020 года, похоронен на кладбище с. Красная Звезда. За работу по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС награжден государственной наградой Медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» 2й степени Указом Президента Российской Федерации от 30.01.2006г. №77767 и Знаком «В Память о катастрофе на Чернобыльской АЭС» в соответствии с Решением Центрального Правления Союза «Чернобыль России» от 14.04.2010г. №39.

Мы, односельчане, помним Михаила Дмитриевича, как доброго, отзывчивого и спокойного человека. Он не жаловался на жизнь, несмотря на проблемы со здоровьем, а жил тихой размеренной жизнью.

НИКОЛАЙ ТУРЧАНИНОВ. ОН СМОТРЕЛ В ЛИЦО КАТАСТРОФЕ

Страшная Чернобыльская авария, случившаяся в апреле 1986 года далеко от нашего Зауралья, казалось, не должна была затронуть нас, но пришла и к нам. Наши односельчане, как в годы войны, один за другим по призыву Родины уходили на борьбу с грозным и невидимым врагом.

Мой рассказ об односельчанине **Турчанинове Николае Александровиче**, скромном, незаметном герое, принявшем участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Николай родился в 1954 году в деревне Погадайское Шадринского района Курганской области в многодетной семье. Коля был младшим четвертым ребёнком. Родители трудились в местном прославленном совхозе «Красная Звезда». Отец работал трактористом, мать животноводом. Трудолюбивая, дружная семья, много времени родители проводили, выполняя свои трудовые обязанности, детей с малых лет приучали к выполнению домашних дел, а домашней работы было много: уход за животными, заготовка дров, принести воды, натопить печки, прополоть в огороде траву. Все это по мере взросления выполнял и Коля, скидок, что младший возраст не было. Времени хватало и на игры, и на учёбу. Деревенское детство это: купание в летнее время в местной речке Барнёвка, игры в футбол, лапту, походы в лес. Зимой катание с Талаповской горы к речке на санках, лыжах. Очень много развлечений у детворы было в то время, дома не сидели, шумные ватаги ребятишек собирались со всех концов деревни и Коля всегда был среди них. Тянулся и к технике, нравилось проехать на тракторе с отцом по селу, в поле. Примечал, как выполняются различные полевые работы, как нужно ухаживать

за трактором, мечтал, когда вырастет сам будет механизатором. Не сразу, но со временем мечта осуществилась. После окончания 8 классов Погадайской школы, в 1969 году поступил на токаря в Шадринское ГПТУ-8. В 1971 году начал свой трудовой путь токарем на Шадринском Автоагрегатном заводе, где и проработал по декабрь 1974 года.

Симпатичный, обаятельный, скромный молодой человек не мог не нравиться девушкам, Коля знакомится с Надеждой, которая в его родную деревню приехала на практику. В 1974 году они заключают брак. Молодая семья переезжает жить в д. Просвет. И с января 1975 года оба устраиваются работать в знаменитый на всю страну совхоз «Красная Звезда». Она бухгалтером, Николай по своей специальности токарем. Но детская мечта стать трактористом не оставляет его. Он работает и учится на курсах трактористов, которые в вечернее время были организованы в совхозе без отрыва от производства. И вот его мечта осуществилась, в 1982 году переведён трактористом. Работая механизатором в совхозе, он чувствовал себя на своём месте, продолжая дело отца.

Спокойная размеренная жизнь, любимая работа, крепкая семья, где растут двое детей, крепкое хозяйство. Но страшная трагедия нашей страны - авария на Чернобыльской АЭС врывается в жизнь семьи Турчаниновых. Он неожиданно получает в 1988 году повестку из Шадринского военкомата на медкомиссию, признан годным к работе в зоне. Наступает время ожидания призыва, волнуется вся семья, но Николай не пытается, найти обходные пути, чтобы не ехать в зону. А ведь уже прошло два года со дня аварии, вернулись в совхоз первые ликвидаторы, из их рассказов Николай знал обстановку в зоне.

Осенью 1988 года Николай отправляется на курсы в город Златоуст, где обучается на химика радиационной и химической разведки и дозиметрического контроля. После двух недель обучения, начинает работу в зоне Чернобыльской аварии старшим химиком. В его обязанности входит производить измерение радиации, выходящего из зоны транспорта, а также различные работы по уборке на территории зоны. Как вспоминает сам Николай, они не жили постоянно на территории атомной станции, их привозили на работу на небольшое время. Страх, что получит сильное облучение не было, не думал об этом, просто добросовестно выполнял, порученную работу. Но даже такой распорядок работы не уберегли нашего героя от набора большой дозы радиации и менее чем через месяц, он был демобилизован. Работа в зоне оставила в памяти неизгладимый след. Николай, даже спустя сорок лет, не может без волнения вспоминать то время и не любит делиться подробностями работы в зоне.

Возвращению домой радовалась вся семья. Николай снова стал работать на тракторе, но последствия, полученной радиации в зоне, сказались на здоровье. Семья решает переехать в с. Красная Звезда на центральную усадьбу совхоза. Семье выделяют материалы и денежные средства (дирекция совхоза) и они строят дом. В 1991 году вселяются в него, Николая переводят сначала слесарем, а затем токарем в МТМ, где он трудится по 2002 год. В это время некогда большой и процветающий совхоз «Красная Звезда» приходит в упадок, меняются собственники, не платится заработная плата, и Николай уезжает работать в г. Шадринск. А в 2010 году выходит на пенсию раньше на пять лет.

Николай Александрович за участие в ликвидации Чернобыльской аварии награждён Государственной наградой «За спасение погибающих» от 24.08.2009г., медалью «30 лет Ликвидации аварии на ЧАЭС» от 06.04.2016г., знаком «В память о катастрофе на Чернобыльской АЭС» от 21.04.2011г.. Получил: Удостоверение

участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1988 году, Удостоверение «Ветеран труда».

Через многое пришлось пройти нашему герою. Это и Чернобыль, смерть маленького сына, разорение совхоза, ранние болезни от полученной радиации, да и смена всего уклада жизни после перестройки. Но Николай не сломался, не озлобился, не опустил руки. Выросли два сына, получили оба высшее образования. С женой отметили 50 - летний юбилей совместной жизни, радуются четырём внукам. Дружная, крепкая, гостеприимная семья. Ухоженный дом, утопающий в зелени сад, огород, всему этому Николай уделяет много времени. Успевает ещё посещать регулярно кружок бильярдистов в местном Доме культуры. Он не жалуется на судьбу, а живёт и радуется каждому дню. Его скромность, доброта и трудолюбие по праву снискали заслуженный авторитет среди односельчан.

Зинаида КОСИНЦЕВА

г. Далматово

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПОДВИГ: СУДЬБА ГЕРОЯ-ЛИКВИДАТОРА

*Будем жить, мужики, будем жить.
Даже если тридцатилетними,
Будут заживо нас хоронить,
Прикрываясь красивыми бреднями.
Нас все меньше, но все же нас тьмы,
Как не сильно ряды поределли.
Это мы, слышишь, Господи, мы,
Те, кто землю спасли в том апреле.
Гимн ООИ «Союз Чернобыль» России*

Чернобыльская катастрофа стала одним из самых трагических событий XX века, навсегда изменив жизнь сотен тысяч человек. Среди тех, кто принял на себя первый удар бедствия, были тысячи ликвидаторов, рисковавших жизнью ради спасения мира от ядерной угрозы. Один из таких героев, **Широков Александр Григорьевич**, участник аварийно-спасательных работ после взрыва реактора четвертого энергоблока ЧАЭС, заслуживает особого внимания и памяти потомков.

Простой советский парень, родился 21 января 1951 года в г. Далматово в рабоче-крестьянской многодетной семье. Как и все мальчишки бегал по улицам, гонял по полю мяч, мечтал.

Окончив 8 классов, мой герой отправился получать рабочую профессию – тракториста-машиниста в Далматовское профессионально-техническое училище № 10, расположенное на окраине города, но имевшее тогда новую технику – трактора, комбайны и автомобили, каждый мальчишка мечтал учиться там. Окончив его в 1968 году 17-летний мальчишка решил продолжить обучение в индустриально-педагогическом техникуме г. Шадринска, выбрав педагогическую стихию – обучать пацанов, каким был недавно сам, мастерству рабочей профессии.

Крепкий, стройный, ростом 176 см, паренек, любивший спорт – шахматы, волейбол, футбол признается годным к строевой службе и с 11 мая 1971 года по 22 мая 1973 года был призван на действительную военную службу. Доверие за-

щищать рубежи любимой родины зауральский парень выполнил на «отлично», об этом говорят записи его военного билета:

- прошел путь присвоения воинских званий «рядовой - ефрейтор - младший сержант-сержант»;

- награжден нагрудным значком «Отличник Советской Армии», приказ № 91 от 8 мая 1973 года;

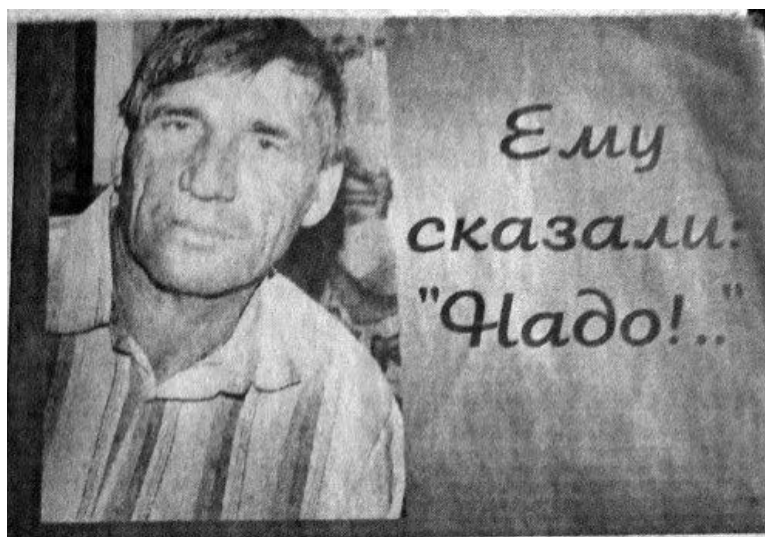
- «За отличные успехи в боевой и политической подготовке, примерность в воинской дисциплине и активное участие в общественной работе награжден личной фотокарточкой сержант Широков Александр Григорьевич снятого при развернутом знамени части» 22 мая 1973 года.

После службы Саша вернулся в техникум, успешно закончив его, по распределению был направлен на работу в Омскую область г. Тюкалинск мастером производственного обучения в одно из училищ. Там он создал свою семью с любимой женой Надеждой Федоровной, тоже красивой, высокой и стройной женщиной. Родилась дочь Людмила.

Любовь к родному краю тянула молодую семью (ведь жена тоже была из здешних мест), и они перебралась в родной город, а Александр Григорьевич пришел работать в училище, где когда-то учился. К работе относился добросовестно, студенты его уважали за знание техники и умение научить этому их.

Мечта иметь собственный дом осуществлялась медленно, но к рождению второй дочери строительство дома подходило к заключительному рубежу. Вот она и родилась дочь Марина, а еще одна семейная радость – это переезд в новый дом. Начались новые семейные заботы – вырастить дочерей.

Но наступило 26 апреля 1986 года, взрыв на Чернобыльской АЭС. Для

нас, далматовцев, был понятен результат последствий, ведь мы уже знали о таких авариях - 29 сентября 1957 года на химкомбинате в закрытом городе Челябинск-40 (ныне Озёрск) – это была первая в СССР радиационная авария. Из-за взрыва в хранилище отходов древесины, леса, сельхозудобрения на площади более 20 тысяч квадратных

километров оказались заражены радиацией, сотни тысяч человек в значительных дозах облучены. Эта авария коснулась сел и деревень Далматовского и соседнего с нами Катайского районов.

14 ноября 1986 года его повесткой вызвали в райвоенкомат. Не вдаваясь в подробности, сказали: «Надо». И герою моего рассказа предстояло с 17 декабря 1986 года по 20 февраля 1987 года стать участником по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Организацию групп осуществляли военкоматы совместно с медиками.

Из Курганской области на ликвидацию чернобыльской аварии было отправлено 2464 участника, из них 113 человек из Далматовского района.

Начало командировки было будничным, все понимали, зачем и куда они едут. Так как это был уже декабрь 1986 года, то в тридцатикилометровой зоне от места аварии население было выселено.

Жили ликвидаторы в палатках. Работал Александр Григорьевич в непосредственной близости от разрушенного мощным ядерным взрывом четвертого энергоблока по специальности химик-разведроты и водитель – химик. Он брался за любую работу, шел туда, где было труднее всего, куда местные специалисты не совались даже в защитных костюмах. Насторожился он лишь тогда, когда на очередном медосмотре врачи категорически настояли на его отправке домой.

Доза полученного облучения за время работы составила 18 бэр.

Его имя известно немногим, однако именно благодаря таким людям мир смог пережить эту страшную аварию.

Возвратившись к семье, он продолжил работать на предприятиях города, но судьба вновь вернула его в училище. Любя свою работу и уважая студентов, отдавая им свою душу и умения, и студенты уважали его за это и могли безропотно подойти к нему за советом даже не по учебе. Он продолжал быть в гуще события – играл в волейбол в команде своей группы, и команде сотрудников.

Принимал активное участие со своими студентами в областных и Российских конкурсах пахарей, занимая призовые места.

Шли годы. 9 сентября 1999 года Широков Александр Григорьевич Указом Президента Российской Федерации награжден орденом Мужества за номером 34852. Награда героя в семье была встречена радостью и ликованием, и конечно гордостью за него.

Работа захватывала его целиком, он

отдавал ей все силы.

Вскоре в семье родилась третья дочь Алена. Ликованиям отца не было предела, его радость быстро стала известна всем родственникам и знакомым. Его поздравляли и радовались.

Дочери подрастали, а здоровье отца ухудшалось, сказывались результаты той командировки, - головные боли, шум в ушах, слабость. Умер Александр Григорьевич 21 марта 2005 года.

На сегодняшний день выросли дочери, все получили педагогическое образование, имеют свои семьи и детей – внушек-красавиц.

Повествование о герое-земляке, герое-коллеге можно закончить словами Игоря Шкляревского:

Там горел мой костер,
и ни чей там костер не горит,
только ветер траву шевелит
и стучит, осыпаясь, малина
в тишине векового дня, и осина
шумит: - Отойди от меня!

26 апреля в регионах России проходят мероприятия, посвященные катастрофе на Чернобыльской АЭС, так в 2003 году вышла книга «Страну защитили собой» по инициативе военного комиссара Курганской области генерал-майора В.В. Усманова.

А 2016 году в городе Далматово прошёл митинг, посвящённый открытию памятного камня «Землякам, проявившим мужество и героизм при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, и пострадавшим от радиационных и техногенных катастроф».

Галина КРИВОШЕЕВА

У КАЖДОГО ЛИКВИДАТОРА – СВОЙ ЧЕРНОБЫЛЬ...

Всем известно, что 26 апреля 1986 года на территории Украинской ССР (входила в состав СССР, сегодня Украина) произошла страшная катастрофа, которая затронула и изменила судьбы миллионов людей и огромные территории. Это была авария на Чернобыльской АЭС.

Четвертый реактор атомной электростанции начал разрушаться, и радиация начала заполнять всё вокруг. Клубы едкого радиационного дыма поднимались высоко в небо и отравляли всё вокруг. Очень много людей пытались предотвратить катастрофу, они жертвовали своей жизнью, своим здоровьем, чтобы прекратить распространение страшных ядов, радиации, которые излучал реактор. Тогда произошло невероятное сплочение человеческих сил, а трагические события стали уроками нравственной ответственности, примером милосердия, самоотверженности и твёрдой воли.

Участниками ликвидации последствий Чернобыльской АЭС стали и наши земляки, 39 макушинцев (Курганская область). Сегодня этих людей называют героями, чернобыльцами, ликвидаторами, ведь именно они поставили заслон страшной угрозе и именно их действия позволили минимизировать последствия аварии.

Один из таких героев – **Амомбаев Боромбай Бекишевич**, ликвидатор Чернобыльской аварии, наш односельчанин, житель села Обутковское.

Родился Боромбай 4 апреля 1952 года в деревне Ударник Макушинского района в простой многодетной, но дружной, трудолюбивой семье. Он был младшим после старших сестры и брата. Его родители – простые сельские люди. Отец, Амомбаев Бекиш, - участник Великой Отечественной войны. Мать, Амомбаева Мараш, - домохозяйка, занималась детьми и по хозяйству. Животные и птица требовали нужного постоянного ухода, и в этом всегда помогали дети. С детства они были приучены к труду и уважению, и почитанию старших.

В 1968 году Боромбай окончил 8 классов в селе Высотное и поступил в Макушинский зооветтехникум, который успешно закончил в 1972 году по специальности «зоотехник». После службы в армии (1972-1974гг) вернулся домой. Молодой, красивый, самостоятельный парень сразу пошёл работать, чтобы помогать родителям и самому встать на ноги. Через два года женился на любимой девушке, которая стала надёжной спутницей в его жизни и замечательной матерью их детей. В 1977 году молодая семья переехала в наше большое село, где было больше возможностей и перспектив. Здесь Боромбай работал на ферме №1 Чистовского совхоза сначала скотником, позже ветсанитаром, зоотехником, бригадиром. И всегда его отличали добросовестность, трудолюбие и ответственность.

Жизнь шла своим чередом. Семья, дети, работа...

Но в 1987 году молодого тридцатилетнего Боромбая вызвали в военкомат. Сказали, что нужно собраться на военные сборы. Надо, так надо... Боромбай и в работе всегда отличался аккуратностью и добросовестностью. Семья и не догадывалась, что попадёт он именно в Чернобыль. Жена и двое сыновей, младшему из которых было три года, проводили его. Это уже потом, когда про Чернобыль стали открыто говорить в новостях, жена не могла уснуть ночами. Да и младшенький требовал отца. Как спать, так вопрос: «Где папа?» Жена и сама толком ничего

не знала.

А Боромбай в это время в Златоусте осваивал необычную специальность – дозиметрист и стропальщик. Месяц прошёл незаметно. А потом их повезли в Ивановскую область в п.Иванково. Здесь стояла военная часть. Оттуда он и ездил на «атомную» работу в город Припять, что в 60 км от части. Возили военнослужащих на автобусах или грузовиках.

Там увидели страшную картину: брошенные посёлки и города, безлюдные дороги, забытые окна и двери домов, одичавшие кошки и собаки..., множество табличек: «Заражено!», «Проезд и проход запрещён!», колючую проволоку. И сотни, сотни рабочих и солдат в противогазах и респираторах... И много, очень много техники... Очень поразил его большой и сложный комплекс АЭС: здания, корпуса, энергоблоки и, конечно, «саркофаг»...

С конца июля 1987 года по 23 сентября 1987 года наш земляк находился в зоне ликвидации аварии. Боромбай с прибором в руках определял дозу радиации почвы, чтобы потом можно рассчитать людям время их работы. Кому-то разрешали находиться на объекте несколько секунд, кому-то минуты. Не все, к сожалению, вспоминает Боромбай, придерживались строгих правил. Были лихачи, которые трогали предметы в запрещённой зоне. И как было ни купиться: рядом протекает красивая река, стоят брошенные машины, кругом оставленные вещи. А лес весь стоял «красный», точнее, «рыжий», деревья «сгорели» от радиации, как будто внезапно наступила осень.

У Боромбая за три месяца на Чернобыльской АЭС было более 50 выходов на работу. В норме нужно было «поймать» всего десять рентген. Все, в том числе и наш герой, получили дозу намного большую. Даже техника после нескольких часов так «фонила», что её тут же закапывали в землю. Кстати, таких машин Боромбай с тех пор никогда не видел. Техника была вся современная, мощная.

После работы их ежедневно водили в баню. Вещи обновлялись полностью каждый раз. Кормили очень хорошо, просто на убой. Когда Боромбай вернулся домой, жена его сразу и не признала. Так он поправился!

Встречали его всей семьёй на вокзале в Макушино. Мало того, что жена его не узнала, так она ещё с недоверием смотрела на его сумку. Что-то очень громко у него там звенело. Неужели водки набрал? – испугалась она. Муж особо спиртным никогда не увлекался. Когда открыли сумку, оказалось, это всё подарки для детей. Продукты, которых у нас не было и в помине: минеральная вода, соки в бутылочках, кока-кола, фрукты. Конечно, дети были очень рады.

Не успела семья насмотреться на отца, как уже на следующий день он попал в больницу. У Боромбая резко заболел желудок. И это было только началом. С годами стали беспокоить почки, мучить головные боли.

Вернувшись из чернобыльской командировки, он продолжил трудиться в животноводстве старшим чабаном.

В 50 лет Б. Амомбаев ушёл на пенсию, получив III группу инвалидности по общему заболеванию. В 2002 году ему вручили «Орден мужества». К 20-летию событий на Чернобыле он получил в подарок командирские часы.

А в 2007 году чернобылец получил бесплатную квартиру от государства в городе Кургане. На это жильё он стоял в очереди ровно... 20 лет с того дня, когда вернулся из Чернобыля. Сначала в этой квартире жил младший сын с семьёй. Родители не сразу поехали в город: всей душой прикипели к земле и селу Обутковское, здесь держали небольшое хозяйство и выращивали овощи.

В селе Боромбая уважали за добрый нрав, примерный труд. Сельская Дума даже присвоила ему звание Почётного жителя Обутковского.

К 20-й годовщине Чернобыльской АЭС Боромбай принимал участие в большом мероприятии «Трагедия Чернобыля не должна повториться» в Обутковской средней школе.

Женалимов Бектас, глава Администрации Обутковского сельского поселения, всегда уделял большое внимание нашему земляку-чернобыльцу. Ежегодно представители администрации навещали героя и выражали благодарность за подвиг и самоотверженность человеку, который внёс свой вклад для устранения последствий аварии в Чернобыле. Ему вручали благодарственные письма, грамоты и подарки, и пожелания крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Лишь через 10 лет старшие Амомбаевы решились на переезд в город Курган. Подкопив денег, купили двухкомнатную квартиру. Младший сын, Канат, живёт с семьёй в соседнем доме и часто их навещает. Старший, Кайрат, живёт в Казахстане, тоже видится и общается с родными. Дедушка и бабушка очень любят троих своих внуков и рады каждой встрече с ними.

Ветерана-чернобыльца любит и поддерживает жена, Вазипа Жулдубаевна. Она имеет педагогическое образование, «воспитатель дошкольного образования», 10 лет трудилась воспитателем, заведующей в Обутковском детском саду, потом до пенсии 26 лет отработала в нашем селе социальным работником, ветеран труда.

Супруга бережно хранит награды мужа: знак «В память о катастрофе на Чернобыльской АЭС. 25 лет», «Орден мужества», медаль «30 лет Ликвидация аварии на ЧАЭС», удостоверение «Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС», благодарственные письма и грамоты, очень заботится о его здоровье.

Сегодня Боромбай всё чаще любит оставаться наедине, всё чаще вспоминает друзей, с которыми вместе был в Чернобыле. Ведь многих уже нет в живых. И всё чаще думает: мог ли он тогда отказаться, не ехать? Ведь из села их вызвали в военкомат 15 человек. И только один Боромбай попал в Чернобыль. Нет, у него и в мыслях не было «откосить». Но если прокрутить жизнь назад, он бы не поехал...

Ничего нет важнее жизни, радости жизни и радости за своих близких. Но когда у тебя нет здоровья, многое осмысливаешь с другой позиции. И понимаешь, жизнь – одна. И она принадлежит только тебе...

Накануне памятной даты, 40-летия чернобыльской катастрофы, от ветеранской организации и всех жителей села Обутковское желаем Вам, Боромбай Бекишевич, крепкого здоровья, семейного благополучия, мира, добра и долгих счастливых лет жизни! Спасибо за Ваше мужество!

Земной поклон вам, герои-чернобыльцы, и наша пожизненная благодарность! Чернобыль никогда не станет для нас прошлым!

Фирдаус ПАВЛОВА
с. Сафакулево

МОЙ ОТЕЦ

40 лет разделяют нас с одной из самых страшных техногенных катастроф 20 века. 26 апреля 1986 года произошла страшная авария на Чернобыльской атомной электростанции. На ликвидацию последствий были брошены десятки тысяч молодых людей, среди которых и мой отец, **Зарипов Муллагалей Сабирович**.

Мой папа родился 21 октября 1949 году в селе Сулюклино в многодетной семье. Будучи пятым ребёнком из шести, он, как и многие дети послевоенного времени, прожил тяжёлое детство. В 1964 году окончил восьмилетку, затем работал в колхозе «Знамя Победы». В 1967-1969 года служил в инженерных войсках в Читинской области. После демобилизации выучился на токаря и работал в МТС колхоза «Знамя Победы».

В это же время встретил свою судьбу Ханову Магинур Ахметьяновну, с которой 16 января 1972 года сыграли свадьбу, а уже осенью 1972 г. въехали в новый дом. 20 октября 1972 г. родилась я - Фирдаус, а 22 января 1974 г. родилась младшая дочь - Айсылу.

В 1975 году наступает засушливое лето. Руководство легендарного колхоза «Знамя Победы» направляет отца в составе колхозной бригады на Украину для заготовки кормов.

В 1983 году колхоз «Знамя Победы» становится лауреатом премии Т.С. Мальцева.

Казалось бы, наступали самые лучшие времена, и вновь, словно гром среди ясного неба, - «Катастрофа на Чернобыльской АЭС», угрожающая всему человечеству. Пройдя спецподготовку в инженерных войсках, отец не мог остаться в стороне, как только объявили набор он принял решение – «надо ехать, кто если не мы...». Началась череда ожиданий и переноса отправки, лишь с третьей попытки спецбригада была собрана и направлена в Первоуральск.

В Первоуральске выдали военную форму, забрали на хранение личные вещи, которые должны были выдать по возвращению обратно. Позже отец говорил, что он, как и большинство ликвидаторов, так и не забрали эти вещи, - всё осталось в Первоуральске.

Пробыв в Первоуральске около недели, укомплектованная бригада специального назначения направляется в Свердловск, откуда на самолёте их переправляют в город Белая Церковь, затем на машинах до вахтового городка Зелёный мыс, где и было расположение казарм для проживания ликвидаторов.

Лилёво - пункт усиленной специальной обработки, где шла зачистка территории, расположен в 7 км от Чернобыля. Здесь бригады строили 13 вентиляционных колодцев, сверху устанавливался люк.

Ежедневно, прежде чем приступить к работе, тщательно проверяют радиацию, если звенит счётчик Гейгера-Мюллера, то необходимо срочно сменить одежду и тщательно промыть обувь. После завершения работы все работники идут в душ и затем в расположение части.

Часть состояла из щитовых казарм, где отдельно располагался штаб и жили порядка 120 человек. Спали в казармах на двухъярусных кроватях, из воспоминаний отца, с толстым линолеумом под матрасом.

В каждой казарме установлено по пять печей и каждое утро, в 6 часов, дежурные отапливали метровыми досками и набирали воду для мытья.

За продуктами ездили в Иваново-Франковск за 200 км.

В столовой выдавали талоны, хорошо кормили и каждый день выдавали Боржомом на всю бригаду по два ящика. Одна бригада состояла из 22 человек.

Именно здесь отец впервые попробовал солёный арбуз, очень понравился вкус - интересное сочетание сладкого и солёного.

После завершения зачистки территории продолжили дезактивацию в самом Чернобыле. Полностью очищали дома от мебели и бытовой утвари, что отметил отец, - люди жили там богато. В квартирах стояли цветные телевизоры, телефоны установлены в каждой квартире, люстры хрустальные, мебель хорошая и качественная. Вспомнил, как находили бутылки самогона, спрятанные в шифоньерах. В освобождённые квартиры завозили новую мебель, но впоследствии не пригодилась. Особо удивила техника, она была сплошь иностранной, изготовители Япония, Германия, - такую технику впервые в жизни видели. Вся техника свозилась в могильник в Припять.

В воспоминаниях отца рядом с городком Зелёный Мыс находилась закрытая деревня - Страхолевье, вся территория была огорожена колючей проволокой.

Однажды в лесу нашли миномётный снаряд со времён Великой Отечественной войны, вызвали сапёров, которые ликвидировали его.

Помнит, как прибил кота к ним в казарму, каждое утро он садился на табуретку перед построением.

Из воспоминаний отца: «В Первоуральске познакомился с земляками из Курганской области. В дальнейшем самым близким другом стал Бахматов Михаил со станции «Бутырское», был очень добрым и щедрым, готовым поделиться последним куском хлеба». Помнит Башмакова Ивана из Мишкино, Исакова Николая из Петухово, Ильиных Сергея из Притобольного».

В зоне Чернобыльской АЭС папа служил 3 месяца. За проделанную работу все чернобыльцы получали зарплату в трёхкратном размере и платили командировочные - 106 рублей.

Вернувшись на Родину, он продолжил работать токарем в колхозе «Знамя Победы», доработал до пенсии, но Чернобыль оставил свой след, сказалась на здоровье лучевая болезнь. Помню, как отец приехал весь седой, начали выпадать зубы, пережил два инсульта. И на сегодняшний день, в канун 40-летия Чернобыльской катастрофы из 45 ликвидаторов последствий, осталось лишь 8 человек.

История жизни моего папы для меня является примером того, что необязательно покорять космос или делать великие научные открытия, а просто прожить жизнь достойно и с честью исполнить свой гражданский долг. И это есть любовь к своей Родине.

Украина красной линией прошла по нашей земле - в 1986 году, папа как участник - ликвидатор Чернобыльской АЭС, а в 2022 году - мой сын, его внук, младший сержант Жамалетдинов Равиль Ринатович, который как и дед, с честью и достоинством выполнил свой последний долг перед Родиной, ценой своей жизни.

Сергей РЖАННИКОВ
п. Каргаполье

В КАЖДОЙ СЕМЬЕ СВОЙ ГЕРОЙ
(Мой отец – ликвидатор)

*Закончился двадцатый век,
Но не закрыта еще тема:
Беда... Чернобыль... Человек.*

И.Савельев

*Будем жить, мужики, будем жить...
Это мы, слышишь, Господи, мы,
Те, кто землю спасли в том апреле.*
*Вячеслав Гришин,
президент Союза «Чернобыль» России*

Каждый год 26 апреля я наблюдаю, как во дворе Каргапольской средней школы (я работаю учителем в этой школе) собираются уже не молодые мужчины. В этот день в 1986 г. в городе Чернобыле произошла катастрофа, которая потрясла мир своими масштабами. Чернобылем древние славяне называли полынь, самую горькую траву, а теперь в слове «чернобыль» нам слышится черная быль. Отголоски этой аварии еще долго будут беречь души людей, а ее последствия еще не раз коснутся человека.

Со всех уголков страны к ЧАЭС съезжались тысячи людей. Малонаселенная местность превращалась в огромный жилой лагерь. Всюду палатки, бараки, стоянки техники. Специалисты, простые люди своими руками исправляли последствия чудовищной катастрофы.

76 жителей нашего района принимали участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Среди них и мой отец **Ржанников Анатолий Иванович**. Во дворе школы силами ликвидаторов Михаила Морозова и Николая Разина установлен памятник. Они тогда работали в ДПМК и имели возможность привезти большой камень из карьера. Стало доброй традицией встречаться в этот день у памятника. Отец и земляки - чернобыльцы вспоминают, как трудились в зоне повышенной радиоактивности. Многие стали инвалидами, а иных уже нет в живых. Количество присутствующих ликвидаторов ежегодно снижается. Раньше к памятнику приходили представители администрации района, вдовы ликвидаторов. Но в последние годы - только несколько человек. Годы берут своё.

Около памятника силами чернобыльцев посажены сосны. Теперь это уже большие деревья. Учащиеся школы во время субботников наводят здесь порядок.

Листая семейный альбом, просматривая документы, перечитывая письма, я вижу жизненный путь отца. Родился в 1949 г. Окончил школу, училище. Отслужил в армии на Дальнем Востоке. Отец работал в колхозе им. Свердлова Каргапольского района заведующим машдвором, когда принесли повестку в военкомат. Ему шёл 39 – й год, он стал солдатом – ликвидатором.

Когда его призвали в Чернобыль, мне было 12 лет. Это был ноябрь 1987 г. Началась зима. Потянулись долгие зимние дни. Днём я ходил в школу, делал уроки, встречался с друзьями, а по вечерам мы с мамой скучали, ждали писем

(тогда ведь не было сотовых телефонов). Наконец, пришла первая весточка из Златоуста. Хоть что – то прояснилось. А потом письма стали приходить из с. Ораное Иванковского района Киевской области. И далее № воинской части. Я перечитываю короткие строки писем. Он пишет мне и маме. «Сергей, молодец! Получаешь хорошие отметки». «Учись, занимайся спортом». «Спасибо за письмо, за твой отчёт об учёбе». «Почаще ходи в новый дом, следи за яблонями и сливами, чтобы не замёрзли, зарой снегом». Мы с мамой ему писали ответные письма. Всего отец написал нам 25 писем. Он интересовался нашими делами, жизнью села, колхоза. Мама до сих пор хранит эти письма.

Палаточный городок был расположен в с. Ораное. Несли службу, как в армии. Отец рассказывает: «Мне пришлось принимать участие в дезактивации 3-го энергоблока турбинного цеха (мыл полы, стены, менял фильтр воздухозаборника). Работа опасная и неблагодарная. Сбросив заражённую одежду и обувь, мы шли в душ смывать радиацию. Одевали свою одежду, шли в комнату отдыха, обсыхали, пили воду, ждали машину. После смены ехали в лагерь. Обедали, кормили нас как на убой. Еда была вкусной и разнообразной. Кстати, в армейском магазине свободно продавались дефицитные в те времена продукты. Например, растворимый кофе в пакетиках.

Когда проезжали по заброшенным деревням, сёлам, было жутко. Красивые дома, кругом деревья, возле домов стоят машины, по улицам бегают одичавшие собаки. Люди уехали, бросив всё нажитое.»

После возвращения домой отец снова работал на своей должности – заведовал машинным двором. Окончив среднюю школу, до поступления в вуз я год работал на машдворе под его руководством. Я изучил сельхозмашины, принимал участие в их ремонте. Он меня многому научил. Я ему благодарен. Это пригодилось мне в дальнейшей жизни.

*Мой отец Ржанников Анатолий Иванович (крайний справа)
с товарищами - ликвидаторами*

Прошло уже почти 40 лет, и таких людей, как мой отец, осталось немного, и самое обидное, что о них уже крайне редко вспоминают.

Сегодня, размышляя о героях, я понимаю, что подвиг ликвидаторов Чернобыля не меркнет со временем. Их самоотверженность — это урок для нас всех, напоминание о том, что даже перед лицом опасности и разрушения всегда есть место для доблести и человечности.

В музее Тагильской СОШ по инициативе учителя-ликвидатора Кычева М.А. был создан уголок чернобыльцев. В нём фото чернобыльцев нашего района и рассказы о них, в том числе и о моем отце. Такой же стенд о чернобыльцах есть и в музее Каргапольской СОШ. Значит, память о них будет жить.

Я очень горжусь, что в нашей семье есть наш родной и любимый герой - мой отец. Государство отметило его труд на станции медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени, многими юбилейными знаками. Он до сих пор по мере сил участвует в общественной жизни села, выступает перед школьниками в библиотеке и школе, не может оставаться в стороне во время разных важных событий. Об этом говорят многочисленные Благодарственные письма, Почётные грамоты за последние 10 лет. За активную жизненную позицию, за любовь к своей малой родине, за участие в мероприятиях, проводимых на территории сельсовета, в 2025 г. получил Благодарность от Председателя Курганской областной Думы Д.В. Фролова, в 2024 г. – Благодарственное письмо и Почётную грамоту от главы Каргапольского округа Е.Е. Ленкова, такие же награды получал в 2024 г., 2021г. и 2014 г. от С.Н.Князева, от администрации Усть-Миасского сельсовета.

Я желаю ему здоровья, бодрости духа и долгих лет жизни.

Надежда РОЗОВА
с. Елошное
Лебяжьевский МО

СТРАНУ ЗАСЛОНИЛИ СОБОЙ

*Двадцать шестого апреля
Мирно спала вся страна.
Атом взбесился, ввысь устремился,
И началась с ним война.*

Владимир Огинский

40 лет назад, 26 апреля 1986 года, произошла одна из самых масштабных техногенных катастроф – авария на четвёртом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции. В результате радиоактивными осадками было загрязнено более 60 тысяч квадратных километров территории, на которой проживало свыше трёх миллионов человек. Чернобыльская трагедия болью отозвалась в каждом регионе Советского Союза. По оценкам специалистов, авария на Чернобыльской АЭС расценивается как крупнейшая за всю историю атомной энергетики, как по количеству погибших и пострадавших от последствий её людей, так и по экономическому ущербу. Для ликвидации последствий были мобилизованы значительные ресурсы. В числе героев, которые ценой своей жизни ликвидировали последствия катастрофы, было более двух тысяч зауральцев, к сожалению, многие не дожили до сегодняшнего дня.

Савляк
Василий
Михайлович

Малевич
Александр
Фёдорович

Грязнов
Михаил
Александрович

43 человека из Лебяжьевого района были направлены на ликвидацию последствий аварии. В живых сейчас осталось всего 14 человек.

Среди тех, кого нет уже с нами, наши земляки: Малевич Фёдор Фёдорович, Малевич Александр Фёдорович, Савляк Василий Михайлович и Грязнов Михаил Александрович.

Малевич Фёдор Фёдорович родился в 1949 году в с. Луинец Брестской области. В Чернобыле был рядовым. Проходил службу с 13.11.1986 по 15.02.1987 года. Награждён орденом Мужества.

Малевич Александр Фёдорович, родился в 1954 году в с. Ёлошное. Рядовой, в Чернобыле с 05.10.1987 по 25.11.1987 года. Награждён орденом Мужества.

Савляк Василий Михайлович, родился в 1953 году в с. Богдан Раховского района Закарпатской области. Младший сержант, в Чернобыле с 27.04.1988 по 16.10.1988 года.

Грязнов Михаил Александрович, родился в 1950 году в д. Чёрное. Младший сержант, в Чернобыле с 10.11.1986 по 11.01. 1987 г. Награждён медалью «За спасение погибавших».

Когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, Михаил Александрович жил в д. Фрунзе Лебяжьевого района. Из его воспоминаний:

«10 ноября 1986 года меня призвали в Лебяжьеровский райвоенкомат. Отправили в г. Первоуральск Свердловской области. Там мы прошли медицинскую комиссию, нам выдали военную форму. Через два дня на «Уралах» нас вывезли в аэропорт Кольцово. Самолётом добрались до г. Белая Церковь. Потом отправили в Зелёный Мыс. 14 ноября прошли комиссию, получили пропуск и отправились на работу в Чернобыль. Разбирали металлоконструкции, сортировали железо. Я проработал две недели и получил травму ноги. Меня доставили в госпиталь. Два дня пролежал в санчасти, не выдержал и сбежал в роту. Неделю выполнял работу дневального – делал влажную уборку, работал на вещевом складе. Потом, вместе с другими, вывозил из квартир всю мебель для утилизации, обеззараживали жилые и служебные помещения. Я работал в деревне Страхолесье, которая находилась недалеко от Чернобыля, в 30-километровой зоне. Посылали нас и в сам Чернобыль. Военнослужащие постоянно оказывали помощь гражданскому населению, пострадавшему от аварии на ЧАЭС».

В феврале этого года, в рамках месячника оборонно-массовых и спортивных мероприятий, на встречу со школьниками Елошанской средней школы пришли настоящие герои, прошедшие через ад радиации: Александр Ми-

Буцкий
Александр
Михайлович

хайлович Буцкий, Виталий Алексеевич Кунгурцев и Виктор Анатольевич Козлов.

В разное время они выполняли свой гражданский и воинский долг, сражаясь лицом к лицу с невидимым, но мощным и грозным врагом – радиацией. Они поделились с ребятами своими воспоминаниями об опасной службе, рассказали о задачах, которые приходилось выполнять, и о том, за какие заслуги наши герои были удостоены высоких государственных наград.

Александр Михайлович Буцкий родился в 1957 году в с. Дубровное, рядовой. В Чернобыле был с 05.10. 1987 по 25.11.1987 г. Награждён орденом Мужества. Сейчас Александр Михайлович живёт в п. Лебяжье, возглавляет клуб чернобыльцев.

Кунгурцев
Виталий
Алексеевич

Виталий Алексеевич Кунгурцев родился в 1956 году в с. Ёлошное. Ефрейтор, в Чернобыле с 07.04.1989 по 04.08.1989 г. Живёт в п. Лебяжье.

Виктор Анатольевич Козлов родился в 1953 году в г. Копейск Челябинской области. Ефрейтор. В Чернобыле с 13.04.1987 г. по 15.06.1987 г. Награждён орденом Мужества. В настоящее время живёт в с. Дубровное.

Почётным гостем встречи стал **Александр Алексеевич Киселёв**,

представитель ветеранов Курганского «Боевого братства» в Лебяжье-вском муниципальном округе, председатель Лебяжье-вского филиала Петухов-ской автомобильной шко-лы ДОСААФ России. Он рассказал о первых шагах «Чернобыльского брат-ства», у истоков которого он стоял, и о той важной работе, которая ведётся сегодня по патриотическо-му воспитанию молодёжи.

Подвиг и мужество всех, кто дожил до сегод-няшнего дня, и тех, кто от-дал свои жизни за спасе-ние Родины, не забудутся

никогда. Память о тех, кого уже нет с нами, участники встречи почтили минутой молчания. Торжественно звучал гимн Общероссийской организации инвалидов Союз «Чернобыль» России:

Будем жить, мужики, будем жить!
Даже если и тридцатилетними
Будут заживо нас хоронить,
Прикрываясь красивыми бреднями.
Нас всё меньше, но всё же нас - тьмы,
Как ни сильно ряды поредели.
- Это мы, слышишь, Господи, мы,
Те, кто Землю спасли в том апреле...

Слова В.Ф. Шовкошитного

«Армия во все времена была и остаётся сегодня одной из фундаменталь-ных основ нашей государственности. Случались ли вероломные нашествия ино-странных полчищ, обрушивались ли на нашу страну стихийные бедствия или техногенные катаклизмы, Армия первой принимала на себя и надёжно решала многие смертельно опасные задачи и проблемы. Уверен, эту роль предстоит ей играть и в предстоящем будущем».

Владимир Усманов, генерал-майор

Мы выражаем искреннюю благодарность всем гостям за их участие и цен-ный вклад в патриотическое воспитание подрастающего поколения. Память о подвиге ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС будет жить в сердцах буду-щих поколений.

Юлия ТАВОЖНЯЦКАЯ
г. Макушино

ЦЕНА МИРА. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛИКВИДАТОРА

В ночь на 26 апреля 1986 года человечество перешагнуло черту, за которой привычный мир разделился на «до» и «после». Тихий городок Припять, утопающий в зелени, и спавший мирный Чернобыль стали эпицентром катастрофы планетарного масштаба. Взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС не просто разрушил реактор и разметал радиоактивное облако над Европой — он взломал миллионы судеб, ворвался в дома и навсегда изменил жизнь огромной страны.

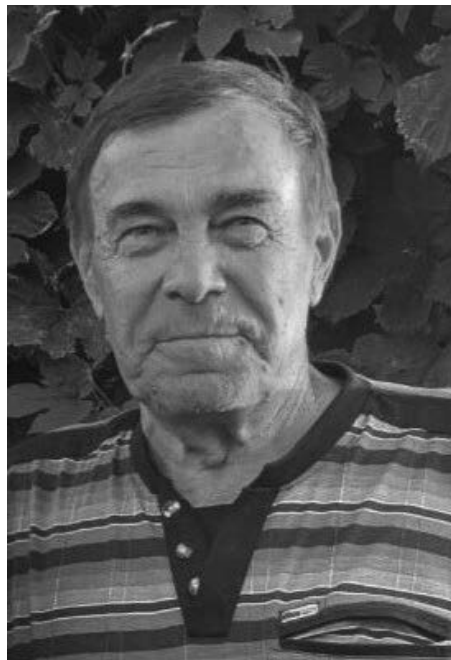
Страшная данность той ночи породила новых героев и новые, пугающие слова, вошедшие в лексикон: «ликвидатор», «инвалид Чернобыля», «зона́». В историю борьбы с невидимым врагом — радиацией — вписано более 600 тысяч имен. Это люди, которые, часто не до конца осознавая смертельную опасность, встали на пути беды.

Один из них — **Сергей Дмитриевич Филимончук**. Вихрь тех событий закрутил его в свою воронку не сразу, а спустя год, в октябре 1987-го. Тогда, как вспоминает ветеран, повестки на военные сборы приходили мужчинам «за тридцать» — тем, у кого уже были дети, кто успел построить дом и посадить дерево. Тем, кому было что терять.

«О радиации тогда толком ничего не знали», — честно и просто говорит он. Эта фраза — ключ к пониманию трагедии тех лет. В Чернобыле Сергей Дмитриевич столкнулся с новой, неведомой реальностью. Там он узнал о «ликвидаторах-апельсинках» — товарищах, получивших такие дозы облучения, что цвет их лиц приобретал зловещий оранжевый оттенок. Там он понял, что земля, лес и сады, которые кормили людей веками, стали смертельно опасными.

Но самое страшное «посвящение» ждало новоприбывших в первые же дни. «Нас повели на экскурсию — на кладбище, — вспоминает Сергей Дмитриевич. — Огромное количество могил ликвидаторов предстало перед нашими глазами». Это было не праздное любопытство, а суровое предупреждение: радиация ошибок не прощает. Халатность здесь стоит жизни.

Полтора месяца Сергей Дмитриевич провел в эпицентре тишины — в палаточном городке в 30-километровой зоне отчужде-

ния. Каждый день был подвигом, облеченным в форму трудовых будней. Личный состав пешком отправлялся к четвертому энергоблоку, чтобы проводить дезактивацию территории, готовить площадки для работы гражданских специалистов. Ритм жизни был жестким: работа в средствах защиты, затем — обязательный душ, смывающий невидимую, но смертоносную пыль.

За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, Сергей Дмитриевич Филимончук был награжден медалью «За спасение погибавших». Эта награда — не просто знак отличия, это напоминание о тех, кто не вернулся, и символ долга, который был исполнен до конца.

Сегодня жизнь героя вернулась в мирное русло. Он на заслуженном отдыхе, и его главная радость — работа в личном саду вместе с женой. Глядя на него, копающегося в земле, трудно представить, что когда-то он видел землю, отравленную на сотни лет вперед. Но, наверное, именно в этом и заключается главная победа: в умении ценить простые вещи, возвращаться к истокам и радоваться жизни, несмотря ни на что.

Чернобыльская история Сергея Дмитриевича — это не просто воспоминание о катастрофе. Это рассказ о силе духа обычного человека, который, защищая других, даже не сразу осознал себя героем. Это наша общая память, вплетенная в судьбу одной семьи. И пока мы помним, их подвиг не напрасен.

Светлана ТРИВАЙЛО
Макушинский МО
с. Степное

ФЕДОТОВ НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ

Из Гимна чернобыльцев:

...Будем жить, мужики, будем жить
 Даже если и тридцатилетними будут заживо нас хоронить,
 Прикрываясь красивыми бреднями.
 Нас всё меньше, но всё же нас тьма,

Как ни сильно ряды поредели.
Это мы, слышишь, Господи, мы
Те, кто землю спасли в том апреле.

Из воспоминаний бывшего чернобыльца, **Федотова Николая Ильича**. Апрельской ночью 1986 года на Чернобыльской АЭС произошла радиационная авария, последствия которой приобрели катастрофический характер. Чернобыльская катастрофа затронула судьбы миллионов сограждан, вошла в дом всей планеты, как предупреждение о смертельной ядерной стихии. Масштабы и последствия трагедии были бы неизмеримо большими, если бы не мужество и самоотверженный труд сотен тысяч патриотов Отечества, принимавших непосредственное участие в ликвидации катастрофы. Позднее нас называли ликвидаторами. Вот в числе таких ликвидаторов оказался и я. На первой медицинской комиссии у меня оказался повышенный сахар в крови. Меня отправили домой и наказали, чтобы я не вздумал ни-

чего предпринимать для подтверждения диагноза. Да я и не думал этого делать. Ведь наше поколение было воспитано в духе патриотизма к своей Родине.

После прохождения второй комиссии я 9 октября 1986 года был призван для участия в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Сын тогда сказал: «Мне не стыдно смотреть людям в глаза. Мой отец не трус». Второй карантин в Чебаркуле, последние приготовления, обмундирование, снаряжение и самолёт до г. Белая Церковь. А утром посадили в машину и увезли до с. Ораное, которое находилось в тридцатикилометровой зоне от самой АЭС. Только на месте мы увидели страшную беду: брошенные посёлки, города, вереницы автомобилей на улицах, страшный рыжий сосновый бор, трава, почти в рост человека, знаки «Проход запрещён», «Заражено», колючая проволока. В семистах метрах от аварийного четвёртого блока АЭС растёт сосна-крест. В Великую Отечественную войну фашисты вешали на ней партизан, даже крючки для верёвок сохранились до нашего времени. Это дерево - свидетель двух трагедий. Этот знак, сосна, соединил разные поколения наших людей во времена общего горя.

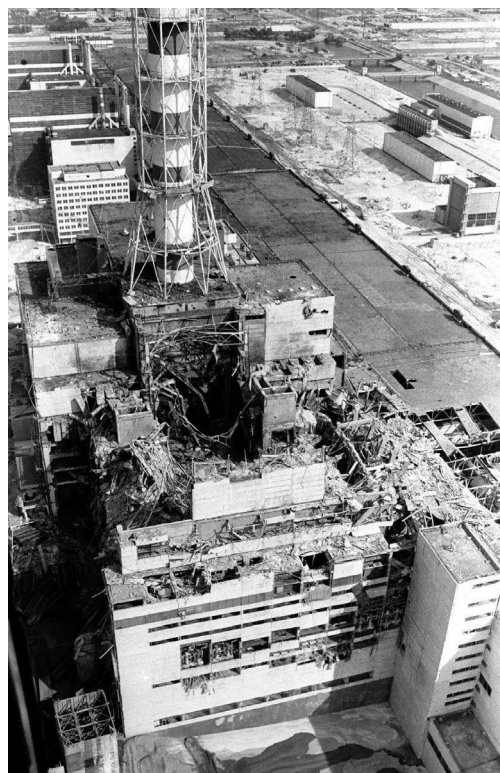
Радиация - страшный враг, невидима, без вкуса и запаха, её не пощупаешь рукой и не отодвинешь в сторону техникой. Она везде. И боролись с ней отчаянно, мужественно, без страха и упрёка.

Там я находился без малого три месяца, пока не набрал опасное для здоровья количество ренгенчас - это 22,0,5 р.р.. Был я дозиметристом, то есть измерял уровень радиации в разных уголках на территории АЭС. Так как службу в армии я проходил в хим. войсках, с приборами в некоторой степени был знаком. Одним словом - первопроходец.

Больше 30 раз пришлось выезжать на станцию. Утром подъём в 6 часов утра. Вставали, умывались снегом, так как воды не было. Садил на машину и везли в г. Чернобыль, который находился в 12км от АЭС. Там завтракали, выдава-

ли дозиметр, который находился у каждого при себе. Дозиметр нужен был для того, чтобы знать, сколько ренген-час или, говоря иными словами, получит допустимую дозу облучения.

Обедали уже на АЭС. Кормили «на убой». Чего там только не было: масло, фрукты, соки, зелень всякая, сладости, мясные и рыбные блюда. Что касается слухов, что водку выдавали стаканами, врут всё. Работал я в паре. Мы измеряли уровень радиации в разных частях территории и по периметру саркофага каждые 2 часа, чтобы знать уровень выброшенной радиации. Записывали и оставляли в отведённом месте. После каждого замера измеряли заражённость радиацией нашей одежды. Уровень всегда превышал норму. Снимали эту одежду, упаковывали в специальные мешки, мылись под душем и надевали новую, с иголки. Приходилось переодеваться до 3-4 раз в день. И так работали до 17 часов вечера. Было, конечно, тяжело. Но люди трудились с оптимизмом и самоотверженностью, выполняя различные работы. И одной из таких работ была дезактивация третьего энергоблока. Ведь рядом был разрушен четвёртый энергоблок. После дезактивации самого здания третьего энергоблока, нужно было очистить крышу, на которую попали обломки со взорвавшегося 4го энергоблока.

Работы проводились по монитору. Давалось задание убрать, допустим, вот этот обломок трубы (показывалось на экране) за такой-то период времени. А там уровень радиации превышал все допустимые нормы. Находились добровольцы. Но некоторые, не доходя до нужного места, теряли сознание, и их приходилось вытаскивать верёвкой назад.

Бывал я для замеров уровня радиации и в г. Припять. Этот, когда-то красивый город, наполненный жизнью, весельем, радостью, был пуст. Многое разграблено. Сколько новой техники, всевозможного оборудования, стройматериалов и многого другого захоронено в «могильниках». Это глубокие траншеи, вырытые в земле. Дезактивированы и захоронены тонны кубометров грунта. И всё это руками простых людей.

Конечно, эта работа не прошла даром для нашего здоровья: некоторых ребят уже нет в живых, другие стали инвалидами, для третьих любое изменение в погоде заставляет браться за аптечку.

Смерть или ранение всегда страшны, даже в воображении. А в зоне колоссального радиационного загрязнения, в той повседневной рабочей обстановке каждый ликвидатор аварии ежедневно получал незримое ему ранение разной степени тяжести. Но, несмотря на это, шёл в атаку, спасая свой народ, страну, народы Европы, а, может быть, и всё человечество.

А я своими замерами спасал «ликвидаторов», указывая им, где и сколько времени можно находиться.

Альбина УРАЗОВА
с. Сафакулево

АБДРАХМАНОВ НАИЛЬ ШАМИЛЬЕВИЧ

Говорят, время лечит, но в случае с Чернобылем оно словно замерло в той апрельской ночи 1986 года. Для Наиля Шамильевича мир навсегда разделился на «до» и «после» взрыва на четвертом энергоблоке. Сегодня его лицо изрезано морщинами, как карта Зоны отчуждения, а в глазах застыла тишина, которую не встретишь в шумном городе. Этот очерк не о радиации и не о политике. Он о человеке, который пошел на борьбу с мирным атомом, когда другие бежали от него, и о том, как трудно нести в себе память о катастрофе, ставшей частью твоей собственной судьбы.

Абдрахманов Наиль Шамильевич родился в 1956 году в г. Челябинск. Старшина батальона, в Чернобыле находился с 21.11.1986 г. по 15.01.1987 г. В 30 – летнем возрасте, оставив дома в с. Бахарево жену и двух детей, он по повестке направился выполнять свой гражданский долг. Будучи специалистом, химическим дезактиватором, пройдя срочную службу в химических войсках, он не мог остаться в стороне. Местом сбора был город Златоуст, затем на самолёте их сформированную бригаду переправили в город Белая Церковь. Ветерана удивила чистота и красота города: « Это очень красивое место, красивый город, все белое-белое, и стены, и дома, все как побелено».

С Белой Церкви призывники направились в село Ораное, по пути следования на Чернобыльскую АЭС им встречались замёрзшие машины, «техника, подобно людям умирала», приходила в негодность. По прибытию нашего героя, назначили старшиной батальона, и в его подчинение было около 250 человек и пять объектов.

Он подробно рассказывает о своей службе:

«И вот, каждое утро, я пишу наряд, куда направить на работу.

Например, долбить крышу, 3 - го блока, снег убирать, лес валить, охранять склады или могильник. Я с ними сам ездил на работу.

Первую неделю долбили бетон. Вторую неделю валили лес, весь ржавый, с утра чувствуешь себя нормально, а к обеду - кости ломит, как в тумане всё.

Это радиация. Очень сильная радиация. Она нас убивала морально.

Третью неделю пришлось могильник охранять.

А могильник глубиной 300 метров.

Туда привозят трактора, машины, краны, все возможные «богатства», а стоит отметить, жили там очень богато. Население пользовались иностранной техникой, имели импортные вещи и персидские ковры, компьютеры, телефоны в каждом доме, которые нашим деревенским парням «никогда и не снились».

Трактор сталкивал, мы кругом стояли и охраняли.

Ну и четвёртая неделя - самый больной вопрос. Охрана складов.

Всю технику, мебель, машины, которая там была складирована, надо было охранять. Однажды был такой случай, кто-то отправил заражённый компьютер ребёнку, а потом этот ребёнок заболел лучевой болезнью. Техника не выдерживала, у японских кранов ломалась электроника, они неделю работают и выходят из строя».

Жили в палатках, в условиях сильной сырости. Поэтому, любая малейшая царапина, грозила страшным воспалением.

Печальными последствиями пребывания в зоне радиации, были заболевания с кровотечениями, у многих началась цинга. Многие ликвидаторы, за короткий срок, вернулись стариками, с лучевой болезнью.

Из нашего Сафакулевского округа было призвано 45 человек. На сегодняшний день в округе проживают 8 ликвидаторов, которые ждут очередную памятную дату 26 апреля, разделившую их жизнь на «до» и «после». В 2026 году, спустя 40 лет после катастрофы, мы преклоняемся перед теми, кто предотвратил большую беду.

Галина ШАДРИНА
г. Макушино

ДОРОГАМИ ДОЛГА – ОТ МАТИНО ДО ПРИПЯТИ

Страшная и роковая трагедия, унесшая жизни многих людей, произошла 40 лет назад на четвёртом энергоблоке Чернобыльской АЭС. На помощь тогда поднялся весь Советский Союз. Более 600 тысяч человек отправились в Украину, в Чернобыль, в Припять. Среди них были и 40 ликвидаторов из Макушинского района. Ценой собственной жизни, собственного здоровья они возводили спасительный саркофаг. Нам, ныне живущим, трудно представить, что чувствовали тогда наши земляки. Я часто задаю себе вопросы: «Что двигало этими людьми?», «Как бы я сама поступила в той ситуации?», «Что лучше: согласиться на смертельно опасную миссию или отсидеться в стороне?» Вопросов много, а ответов мало. Порой и сами участники тех событий не могут объяснить своё состояние в тот момент.

Я всегда с особым вниманием слушаю их рассказы. И вот что я узнала... «Выхода нет», — думал, наверное, каждый. Нужно было срочно строить бетонный саркофаг над взорвавшимся реактором — «Укрытие», как его потом называли. Иначе могла пострадать почти вся Европа. Работы было много. Всех направили на строительство. Обеспечили спецодеждой, защитными масками...

Но разве это спасёт от гамма-лучей, которые беспрепятственно проходят сквозь металл? Тогда об этом не задумывались — нужно было действовать. Когда реактор наконец накрыли бетонным колпаком, уходящим в землю на 30 метров (чтобы грунтовые воды не загрязнили реку Припять), началась дезактивация города. Специальным раствором, впитывающим радиоактивную пыль, промывали каждое здание. Обстановка в покинутом городе была жуткой. Город умер. Не на день, не на два, а навсегда. В домах на своих местах остались личные вещи, бытовая техника, детские игрушки, а где-то на балконе всё ещё сушилось бельё...

Хотелось верить, что это страшный сон, что сейчас ущипнёшь себя и проснёшься дома под звуки утреннего радио! Но сон этот оказался былью... Чёрной былью. Ежедневно ликвидаторам сообщали уровень радиации и полученную дозу. Но что означали эти цифры, большинство не понимало. Чувствовали себя они всё хуже: тошнота, головная боль, краснота и отёки ног. Люди списывали это на переутомление, желая успокоить себя и близких, не желая признавать страшную правду. Какой вред нанесло облучение, чернобыльцы узнали позже — в долгих и изнурительных походах по больницам. Врачи не знали, как их лечить, понимая, что финал у всех, увы, может быть один...

Из Чернобыля каждый вернулся другим. Конечно, в первую очередь пошат-

нулось здоровье, но дело не только в этом. Они стали по-другому относиться к жизни и к миру. Работы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС ведутся до сих пор, но даже через 30–50 лет люди не смогут жить на заражённых территориях. Проходят годы, но боль не утихает, тревога не отпускает тех, кто связан с тёмными временами ядерного апокалипсиса. Сколько потерянных жизней? Сколько тяжёлых больных? Сколько родилось детей-инвалидов? Сколько ещё будут аукаться последствия той роковой ночи? Ответа нет...

За время работы в должности председателя совета ветеранов Макушинского района, часто встречалась в «чернобыльцами», внимательно слушала рассказы и воспоминания. Сегодня бережно собираем информацию о том страшном событии.

И сегодня я пишу о ветеране Чернобыля: «Дорогами долга – от Марино до Припяти». Мы встретились с ним в совете ветеранов.

— **Оленичев Иван Васильевич**, чей путь к месту службы начался самым неожиданным образом. Иван Васильевич родился 8 июля 1950 года. В то тревожное время он жил в родном селе Марино. В июне 1987 года, когда страна всё ещё боролась с последствиями страшной аварии, в дом Оленичевых пришла повестка. Военкомат вызывал Ивана Васильевича для отправки в зону ликвидации. Иван Васильевич вспоминает, что погода в те дни стояла слякотная, шли дожди. Председатель колхоза, Владимир Михайлович Урбан, распорядился выделить Ивану Васильевичу трактор «Кировец». На этой огромной машине он и отправился выпол-

нять свой долг. Однако, пока тяжелый трактор добирался до Макушино, основная группа уже уехала электричкой. Но не таков был Иван Васильевич, чтобы поворачивать назад. На том же «Кировце» он доехал до станции, объяснил ситуацию дежурной и кассиру, что ему надо догнать своих товарищей, мы едем в Чернобыль! Люди на станции прониклись и посадили его на проходящий поезд до Кургана — без билета, просто потому, что человеку нужно было на ликвидацию.

Как вспоминает сам Иван Васильевич: «Я военнообязанный. Вызвали в военкомат, сказали «надо» — и я, без всякого сомнения, поехал. Я об этом не жалею, потому что выполнял свой воинский долг, долг гражданина Советского Союза». Из Кургана сформированную группу направили в Первоуральск. Там выдали обмундирование, провели необходимый инструктаж. А затем — состав 412 человек отправился эшелонами в зону Чернобыля. В самой зоне Иван Васильевич провел два месяца. График был жесткий: по 15 дней они выходили на задания, затем возвращались на отдых. И так — смена за сменой. Работали там, где требовалась помощь, не думая об опасности. Главное было — уцелеть и сделать своё дело. Он уцелел. Вернулся домой. Сегодня, спустя десятилетия, глядя на Ивана Васильевича, понимаешь: такие люди не сдаются. Несмотря на всё пережитое, он сохранил удивительный оптимизм и активную жизненную позицию. В настоящее время Иван Васильевич возглавляет местную организацию «Общество Чернобыля», объединяя вокруг себя таких же, как он, ликвидаторов, помогая им и храня память о событиях тех лет. Вместе с супругой они вырастили и воспитали двоих детей — дочь и сына. А сейчас Иван Васильевич помогает воспитывать внуков, передавая им свои знания и жизненный опыт. Особого внимания заслуживает тот факт, что внук Ивана Васильевича сегодня находится в зоне специальной военной операции. Он продолжает семейную традицию — защищать нашу Родину, охранять её рубежи. Дело, начатое дедом в Чернобыле, находит своё продолжение в подвигах нового поколения. Спасибо вам, Иван Васильевич, за ваш труд, за ваше мужество, за то, что вы сохранили оптимизм и воспитали достойных детей и внуков. Низкий вам поклон! Вечная память тем, кто не вернулся, и долгих лет жизни тем, кто, как Иван Васильевич, продолжает нести вахту памяти уже в мирной жизни.

Навечно в памяти народной останется подвиг ликвидаторов, возводивших саркофаг. Многих из них уже нет в живых...

В Макушинском районе сегодня проживает 9 участников той страшной техногенной катастрофы. Это люди с ослабленным здоровьем. Для них организована углублённая диспансеризация, оказывается помощь в обеспечении медикаментами. 10 лет назад в городе Макушино был установлен памятник. Отрадно, что у его подножия всегда лежат живые цветы. Люди бережно хранят память о той катастрофе. Героизм участников-чернобыльцев неоценим. Мы обязаны помнить подвиг наших спасателей. Мы обязаны помнить эту «чёрную быль», чтобы она никогда не повторилась.

**«САМАЯ ГРЯЗНАЯ РАБОТА»:
как Бижан Хунашвили из Макушино разбирал завалы
Чернобыльского реактора**

Для небольшого города Макушино, как и для всей России, имена ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС вписаны в историю особым шрифтом. Среди тех, кто ценой своего здоровья заслонял страну от невидимой радиационной угрозы, был **Бижан Васильевич Хунашвили**. Хотя он и не родился в Зауралье, именно Макушино стало для него той самой гаванью, которую называют «второй родиной».

Путь в Зауралье

Бижан Васильевич появился на свет в далеком 1946 году в городе Грозном. Судьба переменчива, и в советские годы она забросила его на стройки Курганской области. Начинал он свою трудовую деятельность в селе Логовушка, где занимался строительством. Однако жизнь вскоре сделала крутой поворот: Бижану Васильевичу предложили работу в доме престарелых.

Именно там, в Логовушке, он встретил свою судьбу — женщину, ставшую его женой. В семье родился сын. Но вскоре семья приняла решение переехать в город Макушино, который и стал для Хунашвили родным на долгие годы.

Удар судьбы и новый вызов

Жизнь не была к нему слишком ласкова: рано ушла из жизни супруга, оставив Бижана Васильевича с сыном на руках (помимо родного сына, у него есть также приемная дочь). Мужчина мужественно воспитывал детей один, обустроивая быт на новом месте.

Но главное испытание ждало его впереди. Едва обжившись в Макушино, Бижан Васильевич получил повестку из военкомата. Шел 1987 год. Страна все еще ликвидировала последствия страшной техногенной катастрофы, и тысячи людей были мобилизованы для работ в зоне отчуждения.

Чернобыль: четыре месяца мужества

В июне 1987 года Бижан Васильевич Хунашвили был направлен на ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Как и многих других, его путь начался со сборов в Челябинской области — в городе Златоуст. Там бойцам вы-

дали необходимое обмундирование и провели инструктаж.

По распределению наш земляк попал в состав военных из Прибалтики. Вместе с бойцами Прибалтийского военного округа он отправился к месту назначения. Случилось так, что в одном подразделении с ним оказался еще один житель Макушино — Филатов. Вместе землякам было легче переносить тяготы командировки.

Бижан Васильевич знал, куда едет. О том, что там произошел выброс и идет сильное заражение, говорили все, но толком никто ничего не знал — информация была скудной, а масштабы трагедии до конца не осознавались даже теми, кто находился на месте.

Работать пришлось на «черной», самой грязной работе. Ликвидаторы ломали уцелевшие стены разрушенного ядерного реактора, вручную грузили на машины шлак, песок и шлакоблоки, чтобы затем вывезти эти смертельно опасные материалы из зараженной зоны. Это был тяжелый физический труд, который велся в условиях постоянного радиационного фона.

В Чернобыле Бижан Васильевич провел долгих 4 месяца. Это было время, когда каждый день мог стать последним, а обычный строительный инструмент превращался в оружие борьбы с невидимым врагом.

Жизнь после

Вернувшись в Макушино, Бижан Васильевич продолжил жить и работать, воспитывать детей. Сегодня он живет один, но старается не сдаваться: сам справляется с хозяйством, сам решает бытовые вопросы. Конечно, годы и пережитое в Чернобыле дают о себе знать — здоровье все чаще подводит ветерана. Но, несмотря на все трудности, он не унывает.

Бижан Васильевич — один из тех, кто, не задумываясь о громких словах, просто выполнял свой долг. История его жизни — это история страны: переезды, поиски работы, потеря близких и готовность прийти на помощь в час всеобщей беды. А Макушино навсегда осталось для него той самой второй родиной, где его помнят и ценят.

Сегодня мы с благодарностью вспоминаем его вклад и чтим память всех чернобыльцев, чьи судьбы навсегда опалил «мирный атом».

Надежда ЖУКАСОВА

Курганский технологический колледж

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Сорок лет назад, в апреле 1986 года, мир замер. Взрыв четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС стал не просто аварией. Это стало точкой отсчета новой, страшной реальности. Сегодня, оглядываясь назад, мы называем это событие «Последней битвой Советского Союза». Это была битва, которую страна не выиграла, но в которой её люди проявили невероятную силу духа.

Эта война не была похожа на те, что описаны в учебниках истории. Здесь не было вражеских солдат, танков и самолетов. Враг был невидимым. Радиация проникала всюду: в воздух, в воду, в землю, в тела людей. Она не издавала звуков, не пахла, но несла смерть. И перед этим лицом к лицу встал Советский Союз. Страна, привыкшая побеждать в больших войнах, столкнулась с угрозой, к которой нельзя было подготовиться парадным маршем.

Первые часы после взрыва показали истинное лицо эпохи. Пожарные, солдаты, врачи, шахтеры — тысячи обычных людей бросились в самое пекло. Они часто не знали, насколько смертельна опасность. У многих не было защиты. Но они пошли туда, потому что понимали: если они остановятся, беда придет в их дома, к их детям, ко всей Европе. Их мужество стало настоящим подвигом. Эти люди стали живым щитом. Они были последними рыцарями уходящей империи, которые сражались не за ордена, а за жизнь.

Но на фоне этого героизма четко проявились и трещины в системе. Попытки скрыть правду, замалчивание масштабов трагедии, страх перед паникой — все это только усугубило беду. Железный занавес, который долго ограждал СССР от мира, не смог удержать радиоактивное облако, но помешал вовремя получить помощь и честно рассказать людям правду. Доверие населения было подорвано. Люди поняли: государство, обещавшее светлое будущее, не всегда может защитить их от беды.

Чернобыль стал уроком, который нельзя было забыть. Он показал, что даже самая мощная держава бессильна, если в ее фундаменте есть ложь. Экономика была истощена расходами на ликвидацию, но еще сильнее пострадали души людей. Веру в непогрешимость власти сменили вопросы, которые уже нельзя было заглушить. Многие считают, что именно эта катастрофа ускорила перемены в стране и приблизила конец советской эпохи. Система не выдержала испытания на честность.

Сорок лет спустя зона отчуждения остается тихим напоминанием о хрупкости человеческой жизни. Природа медленно возвращает себе города, оплетая дома плющом, но радиация никуда не ушла. Тысячи людей до сих пор страдают от болезней, полученных тогда. Целые поколения несут на себе отпечаток той ночи.

Но Чернобыль — это не только боль и разрушение. Это еще и памятник человеческому мужеству. Те, кто стоял у реактора, кто очищал крыши, кто строил саркофаг, совершили подвиг. Они победили в главном: они не дали миру погибнуть. Их битва была последней для Советского Союза, но она спасла будущее для нас.

Сегодня этот урок важен как никогда. Он учит нас ответственности. Он напоминает, что в науке и технике нельзя экономить на безопасности. Он говорит нам: правда важнее спокойствия, а человеческая жизнь дороже любых идеалов.

«Последняя битва» закончилась давно. Но пока мы помним имена ликвидаторов, пока мы рассказываем об этом детям — они живы. Их подвиг не должен стать просто страницей в архиве. Это вечное напоминание о том, что даже в самые темные времена человек способен на свет. И в этом смысле, хоть Советского Союза больше нет, память о тех, кто отдал себя ради других, должна оставаться в наших сердцах навсегда.

Давид ЖДАНОВ

Альменевский аграрно-технологический техникум

ПОДВИГ В ТЕНИ РЕАКТОРА: ЛИКВИДАТОРЫ ЧЕРНОБЫЛЯ

*...Негромкий выброс, а беда какая...
А что, как бомба с пасмурных высот,
Страстям бесчеловечным потакая,
В небытие полмира унесет?..*

Лев Ошанин

Четыре десятилетия назад мир пережил тяжелейшую техногенную катастрофу. В апреле 2026 года исполняется 40 лет аварии на Чернобыльской атомной станции, но до сих пор она остается в центре внимания российской и международной общественности. 26 апреля 1986 г. на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС произошёл взрыв, который полностью разрушил реактор. В воздух одновременно было выброшено огромное количество смертельно опасных радиоактивных веществ. Мощность дозы радиационного поля внутри и около 4-го энергоблока измерялась тысячами и десятками тысяч рентген в час. Изуродованные взрывной волной помещения охватил пожар. Последствия Чернобыля глобальны и вечны. Глобальны, потому что чернобыльская радиация распространилась по всей планете. Вечны, потому что загрязненные земли будут оставаться опасными десятки и даже сотни тысяч лет. Авария и последующее радиоактивное загрязнение стали причиной смерти и болезней многих людей, тысячи жителей пострадавших районов были эвакуированы и навсегда потеряли свои дома. Радиационному облучению подверглись миллионы людей, сотни тысяч - потеряли здоровье и кров, свою малую Родину.

Это произошло в прошлом веке. Мне, живущему в веке XXI довелось прочитать книгу «Чернобыльская хроника» Григория Медведева – атомного энергетика, много лет проработавшего на АЭС. В ней он рассказал о трагических событиях в первые часы и дни ядерной катастрофы на четвёртом энергоблоке, о роковых ошибках и героизме людей в ту трагическую ночь. Сурово и реалистично автор развернул перед читателем картину страшной беды, как специалист, проанализировав её истоки и истинные причины. Информация представлена от первого лица, описание ведётся от первых минут катастрофы, которая изменила жизни тысяч людей, разрушила судьбы, оставила за собой следы радиации и боли. Сразу я не мог до конца осознать масштаб этого бедствия, понять, насколько печальные последствия оно имело. Но чем больше я углублялся в историю, тем

больше погружался в атмосферу того времени, тем яснее становились масштабы катастрофы.

Пришла беда... Из 30-километровой зоны вокруг АЭС, включающей города Припять (47 тысяч человек) и Чернобыль (13 тысяч человек), эвакуировано всё население — более 135 тысяч человек.

Для ликвидации последствий аварии в 30-километровую зону вокруг ЧАЭС стали прибывать специалисты, командированные для проведения работ на аварийном блоке и вокруг него, а также воинские части, как регулярные, так и составленные из срочно призванных резервистов. Их всех позднее стали называть «ликвидаторами». Ликвидаторы работали в опасной зоне посменно: те, кто набрал максимально допустимую дозу радиации, уезжали, а на их место приезжали другие. Основная часть работ была выполнена в 1986—1987 годах, в них приняли участие примерно 240 тысяч человек. Общее количество ликвидаторов (включая последующие годы) составило около 600 тысяч. В ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 1986 по 1990 годы от Курганской области участвовал 2131 житель, от Альменевского района – 31. Сегодня в живых остались 113 человек.

Мой земляк **Александр Викторович Алексеев** поделился воспоминаниями о том времени, о тех событиях. Родился Александр 13 марта 1967 года. После окончания школы в 1981 году он поступил в СПТУ-29 (Альменевское среднее профессиональное техническое училище), обучался специальности «Тракторист-машинист широкого профиля». В 1985 году был призван в Вооруженные силы СССР на действительную военную службу, которую проходил в Свердловской области в городе Верхняя Пышма, в танковом батальоне, подразделение ПВО. Молодой паренёк тогда еще не знал, какие непростые испытания уготовила для него судьба. Позже его перевели в химический полк, расположенный в г. Челябинске. Правда, поначалу ничто не предвещало предстоящих трудностей. С 06.06.1987г. по 06.07.1987г. солдат принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Перед ликвидаторами была поставлена задача: смягчить последствия аварии, в результате которой произошло радиоактивное загрязнение большой территории в Украине, Белоруссии и России. Участники ликвидации подписывали документы о неразглашении тайны. Запрещалось фотографироваться, поэтому у нашего героя почти нет фотографий того времени. Воспоминания даются очень тяжело...

Перед поездкой в Чернобыль было объявлено, что после месяца работ всех отпускают по домам. Были молодыми, о здоровье думали мало. Да и начальство успокаивало, что ничего не случится, что всё будет хорошо.

Военнослужащих разместили километрах в 20-30 от ЧАЭС в больших палатках, по 30-40 человек в каждой, а офицеры жили в вагончике. Подъём в 6 утра, приводили себя в порядок, завтракали. В 07.00 – погрузка в автотранспорт, в 08.00 – уже на Чернобыльской АЭС, где получали дозиметры. Работали по 10-15 минут в час. Затем обязательная мойка. Смена длилась от 4 до 5 часов. Затем нужно было пройти очистку и принять душ, иначе не пускали даже в столовую. Утром кормили кашей с тушенкой. В обед первое, второе, третье, в общем военное питание. Кроме труда на АЭС в полку шла обычная жизнь, характерная для всех воинских частей – хозяйственные работы, ремонт техники, наряды на службу.

Ликвидаторам любой ценой нужно было построить бетонный саркофаг над взорвавшимся четвертым энергоблоком — «укрытие», как его тогда называли. Но, помимо этого приходилось убирать куски радиоактивного графита, который

был выброшен взрывом из реактора, рыли тоннель под реактор и откачивали грунтовые воды, чтобы предотвратить еще один взрыв. Возили песок и щебень, ровняли и засыпали грунт, укладывали бетон, свозили в могильники мусор, который потом утрамбовывали танками, закапывали деревья, мыли дорогу, стоянку техники. После каждой мойки проводили новые замеры. Если замеры превышали норму, то технику отправляли в могильник, а ребята добирались до места дислокации пешком. Работа ликвидаторов – это свидетельство мужества и героизма мирного времени, самая масштабная экологическая катастрофа была побеждена благодаря невероятным усилиям обычных людей. У каждого из этих людей был свой Чернобыль, со своей болью и своим несчастьем, со своими впечатлениями и ощущениями... А Чернобыль остался в памяти Александра Викторовича, как страшное воспоминание. В декабре 1987 года солдат вернулся на родину. По жизни он труженик, построил дом, посадил дерево, вырастил трёх сыновей. Человек с твёрдой жизненной позицией, любящий свою Родину, свой край, примерный семьянин, ответственный работник. На протяжении многих лет несёт службу в ПЧ.

За участие в ликвидации аварии на ЧАЭС Александр Алексеев был отмечен:

- нагрудным знаком «Участник ликвидации последствий аварии ЧАЭС»;
- Орденом «За заслуги перед Отечеством». (2005 год); Знаком «В память о катастрофе на Чернобыльской АЭС. 25 лет». (2011 год);
- медалью «30 лет ликвидации на ЧАЭС». (2016 год);
- Почетной Грамотой Правительства Курганской области.

Только благодаря патриотизму и самоотверженности участников ликвидации последствий чернобыльской аварии был изолирован очаг радиационного заражения, ценой их собственной жизни и здоровья. Авария расценивается как крупнейшая в своем роде за всю историю ядерной энергетики. «Четвертый реактор, именуемый объектом «Укрытие», по-прежнему хранит в своем свинцово-железобетонном чреве около 200 тонн ядерных материалов. Причем топливо

частично перемешано с графитом и бетоном. Что с ними происходит сегодня, не знает никто.

Саркофаг - покойник, который дышит. Дышит смертью. Насколько его еще хватит? На это никто не ответит, до сих пор невозможно подобраться ко многим узлам и конструкциям, чтобы узнать, каков у них запас прочности.

Александр Викторович для меня ГЕРОЙ. Говорят, что у нас нет людей, способных на подвиг, а оказывается, что они живут рядом с нами и беда называет их имена.

В селе Альменево в 2016 году в парке Победы открыт памятный знак «30 лет Чернобыльской катастрофе». *(На снимке: первый справа от памятника Алексеев А.В.)*

«... Но Чернобыль же взывает к разуму и аналитической мысли: не забудьте, люди. Посмотреть на происшедшее ясным взором, не дайте залакировать беду... И потому самый главный урок Чернобыля – это ещё более обострённое ощущение зыбкости человеческой жизни, её уязвимости. Всомогущество и бессилие человека продемонстрировал Чернобыль. И предостерёг: не упивайся своим могуществом, человек, не шути с ним (атом), не ищи в нём суетных благ, утех, блеска славы...» (Г. Медведев). Человечество не должно допустить второго Чернобыля. События уходят в прошлое, но мы должны помнить об этих уроках жизни. Мы вспоминаем не только ужасы радиации, но и мужество людей, честность тех, кто не побоялся говорить правду, силу памяти, которая соединяет поколения.

Дмитрий ИСТОМИН

Курганская СОШ № 40, 9 кл.

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ...

Ходили ли вы когда-нибудь босиком по росе? Слушали соловья? Гуляли под дождём? Ловили ртом снежинки? Трудно представить, что всего этого может не быть, если человечество накроет какая-нибудь катастрофа. И сейчас, во время проведения СВО и во время конфликта между США и Ираном, такое вполне возможно. Конфликтующие много говорят о применении «грязной бомбы». Погуглив, я узнал, что данная бомба не так опасна, как ядерное оружие, но последствиями тоже является радиоактивное загрязнение местности. И я задаюсь вопросом: «Неужели человечество не сделало никаких выводов? Неужели люди, пострадавшие при радиоактивном загрязнении на Маяке, на Чернобыльской АЭС, в Хиросиме и Нагасаки, не стали живым уроком?»

Попробую разобраться. 26 апреля 1986 в 1 час 24 минуты произошла крупнейшая в истории человечества техногенная катастрофа на Чернобыльской АЭС. Радиоактивное облако прошло над европейской частью СССР, Восточной Европой, Скандинавией, Великобританией и восточной частью США. Около 200000 человек было эвакуировано из зон, подвергшихся загрязнению. Я считаю, что судьба каждого человека тесно связана с историей его народа, а события, которые происходят в стране, отражаются на каждой отдельно взятой личности, имеющей отношение к этой стране. Люди нашей многонациональной страны откликнулись на помощь. Из Курганской области на ликвидацию последствий катастрофы был призван 2131 зауралец.

Был даже открыт специальный счёт, и люди делились сбережениями.

От бабушки я узнал, что в нашем доме когда-то жил **Байбородов Владимир Петрович**, работал в автоколонне 1230, воспитывал дочь. Как и большинство советских людей, увидев повестку в почтовом ящике, явился с вещами, а как иначе? Владимир Петрович - первоклассный механик и водитель. Сначала - сборы в Златоусте, затем кропотливая и опасная работа в тридцатикилометровой зоне в районе Припяти. Вывозил на «КамАЗе» из зараженных зон снятые слои грунта, остатки строений, бытовой мусор из населённых пунктов. Помимо уборки грунта массово пилили и закапывали деревья, отмывали дороги, стоянки техники, чтобы по возможности снизить количество радиоактивной пыли, разносимой вместе с транспортом. К сожалению, работы не всегда выполнялись в специальной одежде. Затем он лечился в госпитале в Киеве, лечился и дома, но так и не смог оправиться от облучения. В 1995 году Владимира Петровича не стало. Численность ушедших из жизни ликвидаторов последствий в нашей области составила уже 1120 человек. А сколько погибших и пострадавших по всей стране и прилегающих территориях? Точных сведений мне найти не удалось. Данные разнятся в зависимости от источника и составляют до полумиллиона человек. А ведь были ещё колоссальные затраты на ликвидацию аварии. Это ли не повод задуматься?

Понимали ли люди, прибывшие по зову Родины, о грозящей им опасности? Наверное, нет. Осознание пришло позже, когда через «сарафанное радио» многое узнали и о масштабах трагедии, и об угрозе здоровью людей. Остановить угрозу распространения удалось лишь благодаря мужественному и самоотверженному труду простых советских людей, живущих по правилу: Родина сказала: «Надо!» Такие события должны запоминаться на много-много лет и передаваться из поколения в поколение, ведь Чернобыль показал, что радиация не знает границ. К сожалению, после Чернобыльской катастрофы случались и другие.

И вновь я задаю вопрос: «Неужели человечество не сделало никаких выводов?» С одной стороны, катастрофа заставила мировое сообщество пересмотреть подходы к строительству и эксплуатации атомных станций. С другой стороны, агрессивная политика «сильных мира сего» вполне может привести к новому радиоактивному заражению больших территорий, если они всё-таки воплотят свои чудовищные планы.

Андрей ДОМОЖИРОВ

Курганский технологический колледж

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Конечно, я слышал про аварию на Чернобыльской АЭС. Но я никогда не задумывался над тем, чем жертвовали ликвидаторы, чтобы ограничить воздействие радиации на других людей. Я решил найти информацию об этом в интернете. Я узнал, насколько тяжело было людям, пережившим эту катастрофу.

26 апреля 1986 года произошёл взрыв атомного реактора на Чернобыльской АЭС. Ликвидаторы действовали всеобщими усилиями: тушили пожар, очищали поверхность от радиоактивных веществ, выводили жителей из зоны радиации. Ликвидаторами аварии на ЧАЭС признаны 600 000 человек.

Одним из таких ликвидаторов был **Владимир Павлович Правик**. Он со своим отрядом в числе первых прибыл к месту происшествия и организовал тушение огня на крыше, несмотря на смертельный уровень радиации, активно участвовал

в борьбе с огнем. Уровни радиации превышали допустимые нормы в сотни тысяч раз, но пожарных это не остановило. Необходимо было как можно быстрее локализовать огонь, чтобы пожар не перекинулся на другие энергоблоки и атомные реакторы станции. Лейтенант Владимир Правик поднялся на самую опасную точку разрушенного здания реакторного зала и приступил к тушению огня. Уже через 15 минут он почувствовал себя плохо, но работу не бросил, а когда прибыло подкрепление, стал отправлять своих бойцов на нижние этажи, чтобы не подвергать их опасности. Как вспоминали пожарные, Правик кричал им: «Уйдите отсюда, я все сделаю сам! Я уже не жилец!». Герои смогли потушить пожар и, тем самым, спасти огромное количество людей. Владимир Павлович, как и многие другие ликвидаторы, впоследствии умер от лучевой болезни. В 1986 году лейтенанту присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

После того, как отбили первый огненный удар, бойцы пожарной охраны продолжали свой ратный труд. На огневой рубеж вступили сводные отряды из пожарных частей всей страны. Руководил их действиями подполковник внутренней службы **Владимир Михайлович Максимчук**. В ночь на 23 мая на АЭС снова вспыхнул огонь, который подобрался к машинному залу, заполненному тоннами масла, и к трубопроводам, где был водород. Малейшее промедление могло привести к страшному взрыву. Оценив обстановку, Максимчук избрал единственный правильный в той ситуации метод тушения. Пожарные входили в опасную зону звеньями по пять человек, работали там не более 10 минут, а затем их тут же заменяло другое звено. Сам Владимир Михайлович почти 12 часов не выходил из зоны пожара и, уже отдавая последние силы, сделал расчет пенной атаки, которая добила оставшиеся очаги огня. Позднее медики определили: в эти драматические часы подполковник Максимчук получил сверхвысокую дозу радиации — около 700 рентген. С тяжелыми лучевыми ожогами его доставили в больницу. Долго шла борьба за жизнь офицера, но как только Владимир Михайлович почувствовал себя лучше, он вернулся в строй. Несмотря на тяжелую форму лучевой болезни (последствие Чернобыля), Владимир Михайлович продолжал трудиться. 22 мая 1994 года Владимира Михайловича не стало. Именем отважного офицера назвали школу, пожарный катер и специализированную пожарную часть N2, в которой он начинал свою службу в Москве. В 2003 году указом президента Российской Федерации Владимиру Михайловичу Максимчуку посмертно было присвоено звание Героя России.

Я задумался о том, что могло бы произойти, если бы такие герои, как Владимир Правик, Владимир Максимчук и многие другие не потушили пожар на реакторе. Если бы произошел ядерный взрыв, жизнь всего континента оказалась бы под угрозой. Ценой своей жизни эти люди предотвратили мировую радиационную катастрофу и спасли десятки тысяч жизней.

Виталий ЛЕОНТЬЕВ

Курганский технологический колледж

НЕ ВСЕ ГЕРОИ НОСЯТ ПЛАЩИ!

Авария на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года потрясла весь мир своей масштабностью и последствиями. Взрыв был даже сильнее, чем у ядерной бомбы. Многие люди лишились домов, получили ранения,

несколько десятков людей погибли в результате взрыва и лучевой болезни. На самом деле, жертв было бы еще больше, если бы не ликвидаторы, которые бросились помогать людям, и, не пожалев ни капли своего здоровья, помогли многим выбраться живыми и здоровыми. Они шли рука об руку для того, чтобы помочь пострадавшим и уничтожить последствия страшной катастрофы. К сожалению, многие из этих добровольцев заразились лучевой болезнью и вынуждены были жить с ней до конца жизни, и это доказывает их героизм, мужество и отвагу: не каждому хватит смелости и мужества для того, чтобы спасти людей ценой собственного здоровья и даже жизни. Чтобы понять весь ужас аварии на ЧАЭС и то, что прошли ликвидаторы, вспомним нескольких героев, участвовавших в ней.

Виктор Николаевич Кибенок - 23-летний лейтенант, начальник караула пожарной части №6 по охране ЧАЭС был одним из первых, бросившихся тушить пожар. Его подразделение прибыло на место в первые минуты после страшного взрыва. Не имея средств защиты от радиации, он с товарищами тушил пожар на крыше машинного зала, предотвращая его распространение на третий блок. Кибенок, как командир, находился на самых опасных участках и получил радиационную дозу в 10 зивертов, в то время как смертельная доза для человека – 5-6 зивертов. Его отправили в Москву, где, умирая в 6-й клинической больнице, он просил врачей рассказать, как его ребята, и смогли ли они ликвидировать последствия. Кибенок стал героем по долгу службы: он не задумывался о последствиях, не боялся огня, а ценой своей жизни тушил огонь и спасал людей. 25 сентября 1986 года посмертно присвоено звание «Герой Советского Союза».

Леонид Петрович Телятников - подполковник внутренней службы, начальник военизированной пожарной части №2, охранявшей ЧАЭС. Он принял на себя руководство всей пожарной операцией. Он не просто координировал действия с земли. Телятников понимал, что в любой момент может произойти ещё более чудовищный взрыв, поэтому он, наряду с другими ликвидаторами, находился в самом эпицентре и давал указания. Тушением он руководил так, чтобы снизить шансы взрыва соседних блоков. Несмотря на гигантскую дозу радиации, которую он получил, его организм справился с ней. Благодаря решимости, мужеству и отваге Телятникова, удалось предотвратить взрывы других блоков. Он не побоялся ступить в самый эпицентр аварии, чтобы потушить огонь и не допустить взрывов других блоков, из-за чего могло погибнуть ещё большее количество людей. Л.П. Телятникову было присвоено звание «Герой Советского Союза», умер он 2 декабря 2004 года.

Алексей Михайлович Ананенко – инженер-механик, известен как один из «чернобыльских дайверов», который должен был справиться с новой угрозой взрыва. Оказалось, что в затопленных подреакторных помещениях находятся тысячи тонн радиоактивной воды. Раскаленная активная зона в любой момент могла прожечь плиту и встретиться с водой, вызвав чудовищный взрыв. Ананенко нужно было вручную открыть задвижки и слить воду. Вместе с Валерием Беспаловым и Борисом Барановым они надели лёгкие гидрокостюмы и со слабыми фонариками почти в полной темноте справились со своей задачей. Их подвиг длился несколько минут, но требовал крайне большой решимости. Они понимали, что могут в любой момент погибнуть, но не побоялись этого и храбро отправились выполнять миссию ради предотвращения более страшных последствий. Герой Ананенко и по сей день живёт обычной жизнью, избежав лучевой болезни.

Чернобыльская авария привела к ужасающей катастрофе, за ликвидацию которой пришлось расплачиваться человеческими жизнями. Но герои-ликвидаторы

торы не побоялись ради жизни и здоровья людей жертвовать собой, не боялись умереть, ведь они знали, что если не они, то ещё много людей погибнет и пострадает. Кто, как не они, ликвидируют последствия этой страшной аварии? Ликвидаторы шли не за славой, не за деньгами, а за победой над катастрофой. Им ничего не было нужнее, чем как можно больше спасённых жизней людей. Мы должны помнить и чтить героев, отдавших свои жизни и здоровье ради других, гордиться их мужеством и храбростью, научиться у них не бояться даже чего-то ужасного и быть готовыми не побояться отдать свою жизнь ради других людей.

Маргарита КУЗЬМИНА
Курганская СОШ № 59, 5 кл.

ГЕРОЙ МОЕЙ СЕМЬИ: ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ПЕТРОВИЧА КУЗЬМИНА

Чернобыльская катастрофа, случившаяся в ночь на 26 апреля 1986 года, навсегда оставила глубокий след в истории человечества. Эта крупнейшая техногенная авария XX века, произошедшая на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС, унесла жизни, разрушила судьбы и оставила после себя невидимую, но смертоносную угрозу – радиацию. Вспоминая об этом трагическом событии, я хочу рассказать о человеке, который стал частью этой истории, о моем дедушке – **Кузьмине Леониде Петровиче**.

Леонид Петрович родился 13 января 1956 года в селе Давыдовка Курганской области. Его детство и юность прошли в деревне Туманово, где он получил базовое образование, окончив восемь классов сельской школы. Жизнь в деревне научила его трудолюбию и ответственности. Получив профессию тракториста, он с юных лет осваивал непростое ремесло, которое требовало силы, выносливости и умения работать с техникой.

В мае 1974 года, в возрасте восемнадцати лет, Леонид Петрович был призван на военную службу. Два года, проведенные в армии в звании рядового, закалили его характер и привили чувство долга. Вернувшись домой, он продолжил работать по своей специальности, став трактористом и комбайнером. Его мастерство и усердие не остались незамеченными: он неоднократно участвовал в конкурсах по уборке урожая и занимал первые места, демонстрируя высокий профессионализм.

5 марта 1987 года в жизни Леонида Петровича произошло важное событие – он заключил брак с моей бабушкой, Галиной Степановной Попугаевой. А 8 мая того же года на свет появился мой папа, Александр Леонидович Кузьмин. Казалось бы, впереди была спокойная семейная жизнь, наполненная радостью отцовства и продолжением трудовой деятельности.

Но судьба распорядилась иначе. В 1987 году, когда страна еще не оправилась от последствий Чернобыльской катастрофы, мой дедушка, как и многие другие мужчины, был призван для ликвидации ее последствий. С 26 января по 13 марта 1990 года он находился в Припяти, в зоне отчуждения. Этот период, хоть и был относительно коротким, стал для него настоящим испытанием. Он работал в условиях повышенной опасности, вдыхая воздух, пропитанный невидимым врагом.

Причиной досрочного возвращения дедушки домой стала травма ноги у моего папы. Но даже за это короткое время пребывания в Припяти дедушка получил

значительную дозу облучения – 1,741 БЭР. После завершения работ по устранению последствий катастрофы он был награжден медалью «Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС» и памятной книгой «Страну заслонили собой». Эти награды – не просто знаки отличия, а свидетельство его мужества и самоотверженности.

К сожалению, последствия полученной радиации проявились спустя годы. В 2002 году дедушка начал болеть, и врачам долго не удавалось поставить точный диагноз. Лишь в 2003 году, когда его парализовало, стало ясно – у него рак головного мозга, опухоль, образовавшаяся в результате воздействия радиации. Была проведена операция, но, к сожалению, она лишь продлила его жизнь на полгода. 18 февраля 2004 года Леонид Петрович скончался.

Но память о нем живет. 26 апреля 2011 года в городе Курган, в парке Победы, был установлен памятник «Зауральцам – ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС». На мемориальной доске, среди множества имен тех, кто рисковал своей жизнью ради спасения других, увековечено и имя моего дедушки – Кузьмина Леонида Петровича.

Для меня мой дедушка – настоящий герой. Он не искал славы, не стремился к подвигам. Он просто выполнял свой долг, защищая свою страну и своих близких от страшной беды. Его жизнь – пример мужества, самоотверженности и безграничной любви к Родине.

Виктория БРАТЧИКОВА
Шумихинский МО
Карачельская СОШ, 7 кл.

ГЕРОИ ЖИВУТ РЯДОМ

Прошло 40 лет, а эта трагедия продолжает волновать людей. Чернобыль – это одно из тех событий, которое невозможно забыть. Это незаживающая рана в сердце каждого, кто видел, знал о трагических событиях весны 1986 года.

Чернобыль – это не только о месте, а также и о людях, чьи жизни были в одночасье изменены. Это страдания ликвидаторов, которые шли на страшное и неизвестное, чтобы спасти напуганных людей, чтобы минимизировать ущерб, чтобы взять на себя всю тяжесть выживания в условиях, которые невозможно себе представить.

Вдали от шумных городов, за Уралом, расположилось село Стариково. Село наше небольшое, около пятисот человек, но в нем много известных людей, которые внесли свой вклад в развитие сельского хозяйства, культуры, образования. Есть у нас и свои поэты, прославляющие красоту родного края, воины – интернационалисты, выполнявшие священный долг в далёком Афганистане, а также ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС.

Мухорин Александр Викторович родился в 1952 году в посёлке Юриново в Марийской АССР. После окончания школы поступил в Карагандинское профессионально-техническое училище после его окончания получил квалификацию слесаря-монтажника.

Спирин Валерий Васильевич родился в 1948 году в селе Куликово Шумихинского района. Окончил среднюю школу, отслужил в армии и приехал в село, где работал шофёром.

За этими скупыми строчками биографий скрывается жизнь людей, которые принимали участие в ликвидации последствий атомной аварии на Чернобыльской АЭС, в 1988 году в течение месяца работали в Киевской области в посёлке Оранное. Эти люди были патриотами, они поехали туда, где было трудно, нужна была помощь. Этим людям уже нет среди нас, но они остались в вечной памяти близких и родных людей, односельчан. За свой подвиг они награждены правительственными наградами, благодарственными письмами командира воинской части.

Мы, учащиеся 7 класса средней школы, обратились с просьбой рассказать о событиях далёкого 1986 года нашего земляка **Дядюхина Валерия Фёдоровича**, который с 12.08.по 30.09.1988г. принимал участие в работе по ликвидации аварии, в должности дегазатора. Как и все юноши того времени он закончил Стариковскую среднюю школу и поступил в Тобольское речное училище, где получил квалификацию рулевого моториста, отслужил в армии и, вернувшись домой, стал работать слесарем. В августе 1988 года поехал на ликвидацию последствий аварии в составе группы из Курганской области. Брели мужчин от 30 до 45 лет, семейных, имеющих не менее двоих детей. К тому времени у Валерия Фёдоровича была семья и двое детей.

26 апреля 2026 года исполняется 40 лет со дня взрыва, но события, о которых рассказывает наш земляк, предстают перед глазами, как будто это было недавно.

Валерий Фёдорович рассказывает: «Сначала нас довезли до Киева, а потом до Белой Церкви. От Киева мы ехали по асфальту, с обеих сторон которого росли плодовые деревья. Мы просили водителя останавливаться, для того чтобы нарвать яблок, но нам говорили о том, что нельзя их есть, а мы не слушали. К станции подъехали, а там надпись: «Рыбачить и охотиться нельзя». Бросишь камень в воду с моста, а оттуда рыба выпрыгнет, а ловить нельзя. Кругом деревья от радиации стали жёлтые. Я был в Киевском показательном округе. В палатке проживало от 15 до 20 человек. После завтрака возили на работу, на станцию в разное время. Если сегодня с утра, то на следующий день с обеда. Мы жили в 30 километрах от станции. Нам выдавали три листика (марля с проволокой). Мы надевали их во время поездки на работу, во время работы и по возвращении. У нас была промасленная форма. Когда мы приезжали, главный был с дозиметром и измерял излучение, после чего давал команду: «Работать!» Работали всего десять минут. Выполним работу, затем приступают другие. После работы шли в душ, переодевались в другую одежду и возвращались обратно. Ехали час, а работали десять минут. Помню: первый день, когда приехал, сидел в палатке, отдыхал, вдруг сильно разболелась голова, весь покраснел. Как выяснилось позже «поймал радиацию», но вскоре привык. Сначала трудились снаружи, а потом в здании. Это была больница. Там ещё был «золотой коридор», длинный весь жёлтый, поэтому и такое название. Убирали кабинеты, помогали врачам. На территории выкапывали большую яму и всё сбрасывали в неё: и хорошее, и плохое. Кормили нас хорошо: сыр, масло, банками ели сгущёнку, дважды в день привозили газированную и минеральную воду. Трудностей мы не испытывали, боясь, что будет дальше. Находясь там, вдали от дома, я переживал за жену, детей, радовался, когда получал весточку из дома, на душе становилось теплее, как будто дома побывал. Там я приобрёл новых друзей, с некоторыми из них переписываюсь, встречаюсь».

- Чем Вы занимались в свободное время?

- Мы играли в шашки, писали письма домой.

«Какой скромный человек», - думали мы, слушая рассказ Валерия Фёдоровича. Ни слова об испытаниях, выпавших на его долю.

Валерий Фёдорович вернулся домой, стал инвалидом третьей группы, получил дозу облучения 2, 921 рентген, был награждён медалью «За спасение погибающих».

Мы гордимся такими людьми как Валерий Фёдорович Дядюхин, который мужественно, преодолевая боль и страдания, выполняли свой гражданский долг на Украине.

Денис КОКШАРОВ

Шумихинская школа № 3, 7 кл.

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

*Двадцать шестого апреля
Мирно спала вся страна.
Атом взбесился, ввысь устремился
И началась с ним ВОЙНА.*

Владимир Огинский

В 1971 году началось строительство Чернобыльской атомной электростанции. Она возникла недалеко от того места, где река Припять впадает в Днепр и начинается Киевское водохранилище. Рядом с АЭС вырос большой населённый пункт, который, как и река, стал называться Припятью. Это красивый белокаменный многоэтажный город. Милое место, утопающее в зелени, всё в вишнях и яблонях. Рядом лес с ягодами и грибами, река с рыбой. АЭС получила название Чернобыльской от названия района, в котором она расположена. Сначала возвели два энергоблока, потом ещё два. Шло сооружение третьей очереди - пятого и шестого энергоблоков. С вводом их в строй Чернобыльская АЭС стала бы самой мощной в Европе.

Но в ночь на 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС случилась авария.

170 тонн ядерного топлива взрывом было выброшено из 4 энергоблока. Чернобыльская АЭС готовилась к плановому ремонту, проводились испытания режимов работы турбогенератора №8. Персоналом станции были допущены грубейшие ошибки и нарушения в программе испытаний и в управлении реакторной установкой. Реактор оказался в трудно управляемом состоянии, возможность его автоматической остановки была потеряна. Аварийная защита оказалась неэффективной.

Мощность реакторной установки внезапно резко возросла и, по свидетельству очевидцев, 26 апреля в 1 час 23 минуты раздался 2 последовательных взрыва. Над четвёртым блоком взлетели горящие куски и искры, часть упала на крышу, и вызвался пожар. Из сообщения Совета Министров СССР: «Авария привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, некоторые утечки радиоактивных веществ. При аварии погибли 2 человека».

О том, что произошло в то время на четвёртом блоке, свидетельствуют записи рассказов тех, кто принял первый удар на себя. «Вода пошла на третий блок. Надо было откачать, а для этого подать энергию. Кроме нас этого никто не мог сделать. Поэтому мы и остались, хотя знали, что уровень радиации высокий». Ра-

диоактивному загрязнению подверглось около 150 тысяч квадратных километров территории России, Белоруссии, Украины. Чернобыльская авария потрясла весь мир. Пострадало около 600 тысяч человек, более 250 тысяч человек принимали участие в ликвидации последствий аварии. Они жертвовали своим здоровьем, а иногда и жизнью, атаковали взбесившийся и вышедший из - под контроля атом. Большинство не представляли, что боролись тогда с самой крупной техногенной катастрофой за всю историю человечества. Чернобыльская авария стала общим горем, памятью и долгом.

Трагической странице истории Зауралья, участию наших земляков в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы посвящена книга «Страну заслонили собой». Книга издана по инициативе военного комиссара Курганской области Владимира Викторовича Усманова в 2003 году в городе Кургане. Эта книга о людях - ликвидаторах, о их подвигах, значение и роль которого почти не освещена в литературе. Сколько их, героических бойцов и свидетелей катастрофы? К сожалению, больше всего об этом знают сами бойцы-чернобыльцы, истинные участники ликвидации катастрофы.

В ликвидации последствий катастрофы из Шумихинского района участвовали 109 человек. Они прибыли для оказания помощи населению и выполнения других задач по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной станции.

Некоторые из земляков награждены орденами и медалями. Теляков В.В., Пивоваров А.Г. награждены орденом Мужества. Ирюпин С.Н., Майоров М.И. награждены медалью «За спасение погибавших». Капитан Евдокимов В.Б. награждён орденом «За службу Родине» 3 степени. Они не представляли, какой смертельной опасности подвергают свои жизни! Ведь радиация - это страшный враг, невидима, без вкуса и запаха, её не пощупаешь и не отодвинешь в сторону техникой. Она везде! И боролись с ней отчаянно, мужественно, без страха и упрёка. Каждую минуту, каждый час, круглосуточно!

Этот взрыв не разрушил ни одного жилого дома и даже не остановил работу самой АЭС. Сейчас уже за 40 лет после аварии от болезней, вызванных радиацией, погибли десятки тысяч человек – ликвидаторов той страшной экологической катастрофы. Жить на этой территории, превышающей 1000 квадратных километров, будет нельзя и через 300 и 400 лет.

В 2026 году будет 40 лет с той роковой и трагической точки отсчёта, когда за тысячи километров от Зауралья случилась страшная экологическая катастрофа, которая так или иначе, коснулась наши семьи. Наши деды добровольно отправлялись на помощь в катастрофе! Это наши деды! Они настоящие герои – ликвидаторы Чернобыльской катастрофы! Я склоняю голову перед мужеством людей, прикрывших собой страну. Нужно делать всё, чтобы память о чернобыльцах – ликвидаторах не померкла никогда!

В городе Шумихе есть общественная организация «Чернобыль», председателем которой является Раис Рафаилович Гизитдинов. В нашем городе есть памятник участникам последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Спасибо Вам, ветераны – ликвидаторы Чернобыльской катастрофы! Спасибо Вам за мирную жизнь для нас!

Есть Курганская общественная организация Союз «Чернобыль».

Вот уже 40 лет мы живём в мире, который называют «после Чернобыля». Мир, в котором вместе с верой в безграничные возможности разума поселились страх и прозрение. Человечество поняло, что оно смертно.

Очень хорошо жить без катастроф! Хочется, чтоб ничего подобного не повторилась!

Люди со смертью играли
И, не щадив живота,
Долг выполняли, жизнь сокращали.
Такою реальность была.
Многие умерли в муках,
Много страдает ещё,
Многие ждут своей участи,
Но их не вспомнит никто.
Ну, что ж и на этом спасибо,
Что душу бередите нам.
Чернобыльцы, дольше живите,
Здоровья и радости Вам!

Владимир Огинский

Александра ПАХОМОВА
Макушинская СОШ № 1, 5 кл.

ЗЕМЛЯ, ОПАЛЁННАЯ ЧЕРНОБЫЛЕМ

В 2026 году наша страна и весь мир отметят скорбную дату – 40 лет со дня катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции. Это была трагедия колоссального масштаба, но она же явила миру примеры величайшего мужества простых советских людей. Сотни тысяч добровольцев и военно-

бязанных встали живым щитом на пути невидимой смерти – радиации. В их числе были и наши земляки. Из Курганской области на ликвидацию последствий аварии отправились более двух тысяч человек. С Макушинского района 40 человек. Среди них был и наш герой – житель города Макушино **Филатов Владимир Геннадьевич**.

Макушинская земля – это край неброской, но суровой красоты зауральских степей и озёр. Она всегда славилась людьми труда – хлеборобами и механизаторами. Именно из такой простой, рабочей семьи происходил Владимир Геннадьевич. Он родился в селе Комсомольское Макушинского района Курганской области 11 ноября 1952 года в крестьянской семье. В мирное время он, как и тысячи его земляков, занимался обычным делом, пахал и растил хлеб, жил в селе Комсомольское, затем в селе Садовод Макушинского района. Но когда Родина позвала на помощь, он не стал искать причин для отказа.

Точная дата призыва Владимира Геннадьевича июнь 1987 года, именно тогда его направили на ликвидацию аварии, и поехал он из села Садовод по зову Родины. В Чернобыльскую зону направляли тех, кто уже имел за плечами армейскую службу и гражданские профессии: водителей, строителей, механизаторов. Люди ехали туда, понимая смертельный риск, чтобы «запечатать» разбушевавшийся атом, построить тот самый саркофаг, который остановил распространение заразы.

Вот что чувствовал Владимир Геннадьевич, когда, покидая родное Макушино, садился в поезд, уходящий на запад: «За моей спиной оставались покой и уют малой родины, а впереди ждала неизвестность. Работа в «зоне» была адской: кто-то смывал радиоактивную пыль с крыш и дорог, кто-то хоронил заражённую землю и технику, кто-то возводил спасительную стену саркофага. Дозы облучения накапливались с каждым днём, и ликвидаторы знали, что это может стоить им жизни».

Три месяца пробыл Владимир Геннадьевич в зоне ликвидации последствий катастрофы, выполняя долг гражданина Советского союза.

Затем вернулся в родное село Садовод. Вместе с супругой Верой Ивановой воспитали двоих сыновей и помогают воспитывать внука, а их у них четверо.

Подвиг таких людей, как наш земляк, не измеряется количеством взорванных врагов или сбитых самолётов. Это подвиг внутреннего достоинства и жертвенности. Они молча делали свою работу, чтобы спасти миллионы других жизней. И спустя 40 лет мы осознаём величие их поступка: ценой собственного здоровья они закрыли мир от ядерной угрозы.

Сегодня, когда мы отмечаем 40-ю годовщину чернобыльских событий, мы с особой остротой понимаем цену мирного неба над головой. Многих ликвидаторов, к сожалению, уже нет с нами — радиация не прощает героев. Но память о них должна жить вечно. На сегодня осталось в живых только 9 участников Чернобыльской катастрофы.

Имя Филатов Владимир Геннадьевич навсегда вписано в историю Макушинской земли. Его мужество – это пример для нас, юных жителей Зауралья. Мы обязаны помнить о том, какой ценой был остановлен Чернобыль, и передавать эту память дальше. Низкий поклон Вам, Владимир Геннадьевич, и всем чернобыльцам за ваш тихий, но великий подвиг. Вы — настоящие герои нашего времени.

Элеонора РЯБОВА

Альменевский аграрно-технологический техникум

В ЗОНЕ РАДИАЦИОННОГО ЗАРАЖЕНИЯ

«...Третий ангел вострубил, и упала с неба звезда, горящая, подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь», и третья часть вод сделалась полынью, и многие люди умерли от вод, потому что они стали горьки... (Откровения св. Иоанна Богослова, (Апокалипсис) 8). Чернобыль – перевод слова «чорнобиль» с украинского на русский. Это производное от растения «чернобыльник» (или «полынь обыкновенная»).

В 1986 году весь мир заговорил о Чернобыле. 26 апреля произошла крупнейшая катастрофа на атомной электростанции. На четвёртом энергоблоке Чернобыльской АЭС рвануло в 01 час 23 минуты 48 секунд. В страшную апрельскую ночь люди, не жалея себя шли в огонь и были насквозь прошиты смертоносной радиацией. За черту радиоактивной зоны было выселено 135 тысяч человек. Печален итог трагедии: 80 тысяч погибших, 3 млн пострадавших, из них 1 млн – дети. 23 % территории Белоруссии заражено радиоактивными выбросами, 179 посёлков и городов Украины и Беларуси прекратили своё существование. Немалые территории этих государств до настоящего времени являются мёртвой зоной.

Со всего Советского Союза огромные материальные и людские ресурсы были направлены на ликвидацию последствий аварии. Только из Курганской области с 1986 по 1990 годы участвовал 2131 житель, из Альменевского района – 31. В их числе уроженец села Альменево **Раиль Миннихатович Кильдегулов**, с которым удалось встретиться. Его фамилия, наряду с другими нашими земляками занесена в книгу «Страну заслонили собой» в издании которой приняли участие генерал-майор В. В. Усманов и Г. П. Устюжанин (первое издание 2016 год).

Из воспоминаний Кильдегулова Р.М.: «За два или три дня до отправки, мне пришла повестка из райвоенкомата, а 15 июля 1987 года нас привезли на сборный пункт в Курган из разных районов области, порядка сотни человек. Доставили на электричке в Челябинск, а затем в Златоуст. Переодели в военную форму и уже из Челябинского аэропорта на самолёте ИЛ-76 мы прилетели в Гомель, где из зауральцев сформировали несколько подразделений, а затем развезли в разные места. Нас разместили в больших, утеплённых палатках. На следующий день предложили: «Кто пойдёт добровольцем на водоразборную станцию?» и предупредили, что доза радиоактивного облучения будет большая. Мы, вместе с Сергеем Трофимовичем, работавшим в то время корреспондентом-радиоведущим районной газеты «Трибуна», согласились не раздумывая.

Водозаборная станция, на крыше которой предстояло работать нашим землякам, находилась в сотне метров от четвёртого энергоблока атомной станции. Нашими орудиями труда были лопаты, носилки и метлы, с помощью которых мы

убирали с крыши металл, камни, мусор, снимали кровлю. Запускали поочередно пятёрками всего на 20 секунд. В дальнейшем, по мере уменьшения уровня радиации добавляли ещё по 10-20 секунд. Если не позволяла погода, влияющая на «Розу ветров», то мы работали в других местах. Вместе с Сергеем Трофимовичем, который, к сожалению, рано ушёл из жизни, а также другими земляками из нашей области, мы очищали крышу от радиоактивных остатков в течение 29 дней. У нас были дозиметры, которыми

замерялась получаемая доза радиации, так называемые «стаканчики». Отечественного производства были хуже, а вот японские, гораздо точнее, поэтому, как говорится, понахватали мы там рентгенов и бэров.

После каждой смены, «одноразовая» военная форма старого образца, которую выдавали ежедневно и марлевые повязки-лепестки – утилизировались. Проводился дозиметрический контроль, помывка и отправка через реку Припять к месту дислокации на отдых. Так продолжалось ровно 29 дней. Затем нас доставили обратно в Челябинск на военно-транспортном самолёте АН-12».

Вернувшись домой, Раиль Минниахатович продолжил работу в отрасли энергетики нашего района, которой посвятил более 40 лет своей жизни. Супруги Кильдегуловы воспитали дочь Айгуль и сына Вадима. Радуются внукам. В своих воспоминаниях мой собеседник особо подчеркнул, что большая заслуга в морально-психологической поддержке принадлежит его супруге Альфии Фаритовне, с которой живут в браке около 50 лет.

– Я уверен, что случись сегодня такая страшная катастрофа, Россия бы не оставила в беде Украину, потому что там живёт братский нам народ. А политика – это уже дело второе, – считает Раиль Кильдегулов, награждённый за свой подвиг в Чернобыле Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени и юбилейными медалями. Часто ему на память приходят слова Гимна чернобыльцев-ликвидаторов «Будем жить, мужики, будем жить»:

...Будем жить. Будут дети расти —
Наша радость сквозь горечь полыни...

Время уносит в прошлое те события. 40 лет...Но Чернобыль навсегда останется в памяти. Здоровья всем, кто продолжает жить. Светлая память тем, кого нет с нами. Все чернобыльцы-ликвидаторы мужественные и бесстрашные патриоты нашей земли. Именно они приняли на себя самый сильный смертельный удар. Они совершили гражданский подвиг во имя будущих поколений. Благодаря их самопожертвованию удалось спасти миллионы жизней мирных людей, предотвратить страшные последствия катастрофы.

ТИХАЯ НОЧЬ НАД ПРИПЯТЬЮ

Двадцать шестое апреля 1986 года. Чернобыль, тихая ночь над Припятью. В час ночи и двадцать три минуты с крыши машинного зала ЧАЭС в небо ударил призрачный столб голубоватого света - зловещее Черенковское свечение ионизированного воздуха. Это было началом величайшей техногенной трагедии XX века.

Ее основа - роковое стечение обстоятельств. Во время запланированного эксперимента в реакторе 4-го энергоблока скопились «отравляющие» изотопы, а операторы, стремясь выполнить программу, подняли управляющие стержни сверх допустимого. Реактор вышел из-под контроля. Нажатая кнопка аварийной защиты АЗ-5 должна была заглушить его, но фатальная конструктивная ошибка превратилась в приговор: графитовые наконечники стержней вместо торможения на доли секунды резко усилили цепную реакцию. Мощность взлетела в сотни раз, последовал тепловой взрыв, а затем - объемный, сорвавший многотонную крышку реактора. В воздух взметнулись искры раскаленного графита и топлива.

Уже через минуту на пульт пожарной части ЧАЭС поступил вызов о пожаре на крыше машинного зала. Первыми навстречу адскому пламени и невидимому смертоносному излучению выдвинулись дежурные караулы под руководством лейтенантов **Владимира Правика** и **Виктора Кибенка**. Молодые пожарные, считавшие, что имеют дело с обычным возгоранием, оказались в эпицентре радиационного апокалипсиса.

Владимир Правик, один из лучших выпускников Черниговского пожарно-технического училища, прибыл на место первым. Он мгновенно оценил масштаб и странный характер пожара - горела крыша, но пламя почти не было видно, лишь отсветы и дым. Именно Правик первым сообщил на пульт о высоком уровне радиации, запросив дополнительные силы и дозиметристов, хотя штатные приборы зашкаливали. Он лично руководил тушением на крыше машинного зала, в зоне, где радиационный фон достигал 20 000 рентген в час (смертельная доза - 500 рентген). Уже через 20 минут он почувствовал вкус свинца во рту и сильную слабость.

Рядом сражался Виктор Кибенок, уроженец украинского села, целеустремленный и физически очень сильный парень, также с отличием окончивший пожарное училище. Его отделение боролось с огнем на крыше реакторного отделения и вокруг вентиляционной трубы, где куски графита и топлива создавали сотни очагов пожара. Кибенок неоднократно спускался в задымленные помещения, чтобы отыскать и вывести своих подчиненных, получая новые и новые дозы облучения.

Они стояли по колено в радиоактивной воде, среди графитовой пыли, под невидимым смертельным ветром, пытаясь затушить огонь, питаемый раскаленными обломками активной зоны. Уже через полчаса у них начались невыносимая головная боль, слабость и «ядерная» рвота - первые симптомы острой лучевой болезни. К 6 утра их, вместе с другими пожарными первого часа отправили в медсанчасть Припяти.

Их подвиг стал жертвой во имя спасения миллионов. Через шестнадцать мучительных дней, одиннадцатого мая 1986 года, в московской больнице №6 Владимир Правик и Виктор Кибенок ушли из жизни, став первыми официальными жертвами чернобыльской катастрофы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1986 года

лейтенантам внутренней службы Владимиру Павловичу Правика и Виктору Николаевичу Кибенку было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Их имена навечно высечены на мемориалах памяти, а подвиг первых пожарных ЧАЭС стал символом беспримерного мужества и профессионального долга, оплаченного самой высокой ценой.

Трагедия Чернобыля - суровый урок всему человечеству. Она обнажила страшную цену самонадеянности, пренебрежения безопасностью и сокрытия информации. Катастрофа показала, как технологическая ошибка, помноженная на человеческий фактор, может обернуться долгосрочными последствиями планетарного масштаба, разорвать тысячи судеб и оставить незаживающую рану на теле Земли. Чернобыль навсегда должен остаться напоминанием: перед лицом могучей атомной энергии нет места беспечности, а подлинная безопасность основывается только на абсолютной честности и профессионализме.

Дарья ВЕРЕМЕЕНКО
Петуховский техникум МЭСХ

40 ЛЕТ ПАМЯТИ О ЧЕРНОБЫЛЬСКОМ ПОДВИГЕ

26 апреля 1986 года — дата, навсегда вписанная в историю человечества чёрными буквами. В ту ночь на четвёртом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции произошла авария, ставшая не просто крупнейшей техногенной катастрофой XX века, но и символическим финалом целой эпохи. Это была последняя великая битва Советского Союза. В ней не гремели пушки и не рвались снаряды, но враг был коварнее и страшнее — невидимая, всепроникающая радиация. И в этой битве, как и в годы Великой Отечественной, проявились лучшие качества советского народа: мужество, самопожертвование и готовность отдать жизнь за будущее других.

Первые минуты после взрыва стали проверкой на прочность для тех, кто оказался на передовой. Пожарные караула Владимира Правика прибыли на станцию, не имея представления о масштабах трагедии. Они видели лишь горящую крышу. В обычной брезентовой одежде, без средств защиты от радиации, они вступили в бой с огнём, который был лишь видимой частью катастрофы. Их действия предотвратили распространение огня на другие блоки, но цена этого подвига оказалась чудовищной. Все они получили смертельные дозы облучения и в страшных муках ушли из жизни в московской клинике. Их жертва стала первым актом этой долгой и мучительной войны с последствиями аварии.

Главной задачей ликвидаторов стало предотвращение ещё более страшной беды. Оплавленное ядерное топливо продолжало плавить бетонное основание реактора, угрожая прожечь его и вступить в контакт с водой в бассейне-барботёре. Это неминуемо привело бы к мощнейшему паровому взрыву, который сделал бы огромные территории Европы непригодными для жизни на столетия. Чтобы спустить воду из-под реактора, требовалось открыть запорные клапаны в затопленных помещениях. На этот смертельный риск пошли трое добровольцев: старший инженер Алексей Ананенко, инженер Валерий Беспалов и начальник смены Борис Баранов.

В полной темноте, по колено в радиоактивной воде, они нашли нужные задвижки и открыли их. Этот подвиг спас мир от катастрофы планетарного мас-

штаба. Борис Баранов вскоре скончался от лучевой болезни. Ананенко и Беспалов выжили, но их жизнь навсегда разделилась на «до» и «после». Этот эпизод — ярчайший пример того, как ответственность и профессионализм оказались сильнее страха смерти.

Следующим этапом битвы стало возведение объекта «Укрытие», вошедшего в историю как «Саркофаг». Перед строителями стояла задача невероятной сложности: накрыть разрушенный реактор гигантской конструкцией, чтобы изолировать радиоактивные выбросы. Работы велись в экстремальных условиях, при запредельных уровнях радиации.

В этой стройке века участвовали военные строители, инженеры и шахтёры со всего Советского Союза. Они работали посменно, «заезжая» в зону на короткие сроки, чтобы минимизировать облучение. Всего за 206 дней они возвели сооружение весом около 30 тысяч тонн. Это был титанический труд, настоящий трудовой фронт, где каждый понимал: от его работы зависит здоровье и жизнь миллионов людей не только в СССР, но и во всей Европе.

Почти у каждого из нас есть отец, дед или родственник, который участвовал в ликвидации последствий аварии. Мы помним их рассказы — скупые, без пафоса, о том, как их призывали «на сборы», как они работали в зоне отчуждения. Мы видим шрамы этой битвы в их пошатнувшемся здоровье, в полученных орденах Мужества. Сохранение этой памяти — наш нравственный долг. Это урок для будущих поколений о том, какова цена человеческой ошибки и какова сила человеческого духа.

Чернобыльская катастрофа стала последней великой битвой Советского Союза — битвой за жизнь. В ней не было победителей в привычном смысле слова, но не было и побеждённых духом. Ликвидаторы выиграли самый главный приз — время и будущее для своих детей и внуков. Их подвиг стал символом негибкости народа перед лицом невидимой угрозы.

Пока мы помним их имена и чтим их жертву, пока рассказываем об этом своим детям, битва за историческую правду продолжается. И эта память — самый надёжный памятник тем, кто вступил в свой последний бой ради жизни на Земле.

Никита КАРПОВ

Курганская СОШ №40, 6 кл.

СТРАНУ ЗАСЛОНИЛ СОБОЙ...

В этом году исполняется 40 лет со дня трагедии Чернобыльской АЭС, но эта тема, мне кажется, не теряет актуальности и сегодня. Она не потеряет актуальности и в будущем, если память об этой трагедии, её последствиях и тех, кто заслонил собой нашу страну от опасности радиационного отравления, будет сохраняться и передаваться подрастающему поколению. Мне грустно осознавать, что большинство моих одноклассников даже не слышали о Чернобыльской аварии, о её последствиях, о героях-ликвидаторах... Я провел опрос и выяснил, что из 26 учащихся только 9 слышали об этой катастрофе. Но что произойдет, если наше поколение забудет об этом? Я считаю, что это может привести к более серьезным чрезвычайным ситуациям в будущем, ведь урок, который нам преподнесла история, получается, неусвоен? Катастрофа показала всему человечеству, насколько может быть опасен «мирный» атом.

Почему меня так интересует данная тема? Я много читал об аварии, смотрел документальные фильмы, но главное – я лично общался с героем-ликвидатором **Юковым Федором Александровичем**. В детском саду его жена, мой воспитатель, Юкова Надежда Николаевна, рассказывала нам, совсем еще малышам, об этой трагедии. Тогда мы еще в большинстве своем даже не осознавали того, о чем она говорила. Но шли годы... Мысль о страшной катастрофе не выходила у меня из головы. Мне кажется, что люди, которые отправились на ликвидацию аварии, имеют право на то, чтобы память о них жила как можно дольше, чтобы моё поколение, будущие поколения не забывали об этом. Это «живая» история нашей страны!

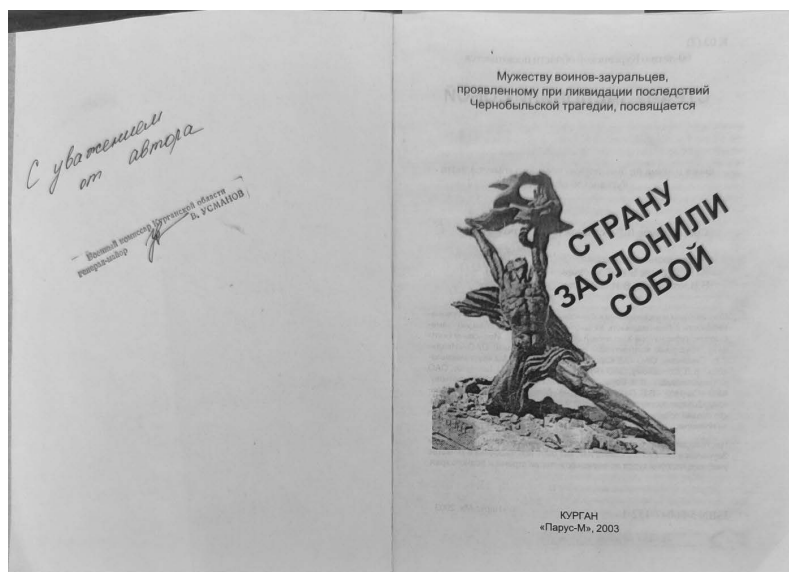
Надежда Николаевна показала мне книгу В.В.Усманова и Г.П. Устюжанина «Страну заслони собой», изданную к 60-летию Курганской области. Она была подарена Федору Александровичу лично автором и даже имеет автограф.

В этой книге рассказывается об аварии, есть информационные сообщения тех дней, гимн Общероссийской организации инвалидов Союз «Чернобыль» России, а также информация о зауральцах-ликвидаторах последствий аварии на ЧАЭС. Среди них, конечно, есть имя Юкова Федора Александровича. Всего 5 строчек, но за ними целая жизнь, настоящий подвиг героя...

Юков Федор Александрович родился в Куртамышском районе Курганской области, в деревне Ключики 5 мая 1957 года. С детства Федор Александрович был очень ответственным, внимательным, а самое главное, всегда заботился о своей семье, так как рос без отца. Быть одним мужчиной в семье непросто.

В 1976 году был призван в армию и служил в ракетных войсках. Службу нес доблестно, был награжден нагрудным знаком (отличник СА, №80 от 27518 в/ч75310 запись в военном билете). Отслужив, вернулся в родную деревню, работал по специальности. За добросовестный труд был поощрен различными грамотами и премиями, о чем свидетельствуют записи в трудовой книжке.

В 1985 году же-

нился на Надежде Николаевне, а в 1988 году переехали жить в город Курган, он устроился на работу в совхоз «Тепличный».

26 апреля 1986 года вся страна узнала об аварии на Чернобыльской АЭС. Разве Федор Александрович мог остаться в стороне? Нет! Несмотря на семейные обстоятельства, жена студентка и маленький ребенок, Федор Александрович отправился на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС. С 17 февраля 1990 года по 24 апреля 1990 года он был там. Связь с семьей поддерживал письмами, в которых был немногословен и никогда ни на что не жаловался, а писал, что все они работают, не жалея сил и здоровья, не зная выходных и праздников. Страшно уставали, но работали, понимая, что спасают не только атомную станцию и зону, спасают всех жителей огромной страны. Ежедневно в обязательном порядке меняли обувь и нижнее белье, одежду обрабатывали специальным порошком, а особо зараженную одежду и технику закапывали в специальных могильниках...

Он выполнял свой долг и получил звание ликвидатор Чернобыльской АЭС. После всего вернулся домой.

Ежегодно принимал участие в митингах, посвященных аварии на Чернобыльской АЭС, неоднократно был награжден благодарственными письмами, памятными подарками и медалями: на одной медали большой крест, на другой медали - капля красной крови. А еще у Федора Александровича есть боевая медаль «За отвагу».

Участие в ликвидации последствий катастрофы не могло не сказаться на здоровье всех ликвидаторов, в том числе и на здоровье Федора Александровича. Он получил инвалидность, но никогда не терял жизненного оптимизма и любви к окружающим. Наверное, именно по этой причине он никогда не жалел себя.

Федор Александрович
умер 17 марта 2024 года.

Все ликвидаторы сохранили свою честь ценой своего здоровья и спасли страну от экологической катастрофы, не думая о наградах и почестях, просто выполняли свой долг.

Все дальше уходят дни чернобыльской трагедии. Уже прошло 40 лет с той роковой и трагической точки отсчёта. Общая беда и трагедия сплотила людей, и они без страха и сомнения приходили на помощь друг другу.

Я считаю, что память — это наша нравственная ответственность перед теми, кто оказался на острие удара. Ликвидаторов часто называют «героями-невидимками». Они не носили сверкающих доспехов; они были в простых свинцовых фартуках, а в первые дни — в обычной хлопковой робе, которая не спасала от гамма-излучения. Они сгоняли радиоактивный графит с крыш, «кричащих» от радиации, работая секундами, чтобы набрать дозу, отпущенную на жизнь. Подвиг этих людей уникален тем, что он был осознанным. Они знали, на что идут. Они не спасали Родину в порыве боевого сражения, они спасали мир ценой собственной жизни в тишине атомной пустоши. Забыть это — значит предать их жертву, позволить их страданиям стать бессмысленными.

Арина СВЕТЛАКОВА
Каргапольская СОШ, 11 кл.

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Обращение к этой теме носит для меня и личные мотивы. Мой дедушка Кандаков Леонид Викторович был призван в Чернобыль и непосредственно участвовал в работе на четвертом энергоблоке. Это добрый, отзывчивый и скромный человек. Считаю, что для моих сверстников его пример и пример его товарищей может служить образцом гражданственности и патриотизма.

В книге «Страну заслонили собой» перечислены имена наших земляков, призванных для ликвидации последствий аварии с территории Курганской области. В ней есть фотографии и краткие биографические данные: дата рождения, сроки пребывания в Чернобыле, награды. Мне захотелось рассказать настоящую и правдивую историю о людях, ликвидировавших последствия аварии на Чернобыльской АЭС.

Я расскажу о Сохаре Викторе Васильевиче и Кандакове Леониде Викторовиче.

Сохарев Виктор Васильевич родился 25 сентября 1954 года в деревне Шабарчина Каргапольского района. В 1971 г. окончил Каргапольскую среднюю школу. Устроился в колхоз имени XXII съезда КПСС трактористом. Пошёл туда потому, что любил работать.

«Учителя нашей школы до сих пор вспоминают, какую огромную работу проводил он в производственной бригаде. Надо пахать – садиться на трактор, не гнушался и тяжелого физического труда. Работая на кирпичном заводе, он организовал соревнование, кто больше унесет кирпичей. И когда он сам стал носить по 17 кирпичей, то пришлось вмешаться учителю и остановить это начинание», - эту информацию я почерпнула из очерка «С любовью к делу», который был написан ученицей нашей школы в 1982 году. Многие факты очерка были взяты из беседы с самим Сохаревым В.В., его семьей и коллегами. Отслужив в армии, снова вернулся в свой колхоз.

Для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС призван в сентябре 1986 года. Служба на самой станции проходила с 20 января по 17 мая 1987 года. В обязанности Виктора Васильевича входило закрытие крыши четвертого энергоблока, где содержание радиации было очень высокое. По словам вдовы, Сохаревой Людмилы Петровны, «они бросали по разу лопатой песок и уходили, так и работали».

В письме командира войсковой части №332 Баталова от 7 мая 1987 года отмечается: «Выполняя задание Советского правительства в необычайно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение патриотического долга перед Родиной».

Виктор Васильевич очень разносторонний человек. Одно из его любимых увлечений – резьба по дереву. Когда мы шли в гости к Людмиле Петровне Сохаревой, я сразу обратила внимание на дом, он выделялся своим убранством. Разделочные доски, хлебницы и даже мебель в доме была сделана его умелыми руками. Работы Виктора Васильевича были на выставке, организованной Каргапольским музеем. Несколько домов в нашем поселке украшают его наличники.

Помимо работы по дереву любил «истинно мужское занятие – рыбалку, ведь как приятно утром сесть с удочкой на пустынном берегу озера и наслаждаться пробуждением природы. А какие потом вкусные пироги испечет любимая супруга!»*

Еще одно увлечение - народный театр. Из воспоминаний Локосовой Н.М.: «В свое время талантливого парня заметил Заслуженный работник культуры, великолепный режиссер Ф. И. Леканов. С тех пор сцена завладела душой и сердцем Виктора. Сколько ярких, запоминающихся ролей было сыграно им. Это и зритель богоугодных заведений из пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор», это колоритная фигура одного из женихов со смешной фамилией Яичница в гоголевской «Женитьбе», а какой удачей для актера была роль генерала в пьесе Л. Филатова «Про Федота – стрельца, удалого молодца». Виктор Васильевич сам выучился играть на гармошке, и ни одно семейное торжество не проходило без его наигрышей.

А еще он писал стихи, но, к сожалению, в семейном архиве они не сохранились. Осталось только четверостишие из очерка 1982 года:

На всей земле профессий есть начало,

Их перечислить невозможно все.

* Манакова Е. Настоящий мужчина. //»Сельская правда», №53-54, 2003 год

Рабочий с хлеборобом – вы в начале,

А кто же знает, что сказать в конце.

26 февраля 2009 года Сохарев Виктор Васильевич скончался.

Виктор Васильевич был очень ответственным человеком во всем, за что бы ни брался. Таким его воспитали отец Василий Иванович, участник Великой Отечественной войны и мать Сохарева Надежда Ивановна, ветеран труда.

Дед Виктора Васильевича, Сохарев Иван Григорьевич, тоже участник Великой Отечественной войны, погиб в 1942 году от ранения в госпитале Ленинграда, похоронен на Пискаревском мемориальном кладбище. Действительно, в этой семье не понаслышке знали, что такое долг перед Родиной и ответственность за свои дела.

Свой рассказ об этом удивительном человеке я хочу закончить словами его младшего сына Алексея: «Про саму работу по ликвидации аварии со мной не разговаривал. Даже когда я спрашивал, старался уйти от ответа и перевести разговор на другую тему. Это был его долг - быть нужным стране в момент необходимости».

Сохарев Виктор Васильевич награжден медалью «За спасение погибавших» и юбилейными медалями.

Кандаков Леонид Викторович родился 5 сентября 1951 года в деревне «Заозерное» Каргапольского района. В 1959 году пошел в Скоробогатовскую восьмилетнюю школу. Девятый класс заканчивал в Майской школе. После школы работал в колхозе. В январе 1969 года уехал в Шадринск учиться на шофера, в этом же году осенью был призван в армию. После армии работал строителем.

В апреле 1987 года был призван военкоматом для отправки на борьбу с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС.

Сначала их отправили в учебный центр в городе Златоусте Челябинской области. Шестого мая 1987 года самолетом были отправлены в Чернобыль. Леонид Викторович входил в Киевскую бригаду. Первую неделю работал на самой станции – заливал пробоины стены бетоном.

Работали по 4 часа в день. Как вспоминает Леонид Викторович: «Бывали дни, когда я работал по 30 секунд и по 45 секунд в день». Такое строгое ограничение времени работы было там, где доза радиации была особенно высокой.

Вскоре перевели на БРАМ-2, где он на машине возил научного сотрудника по всей зоне отчуждения. Там они изучали местность, брали анализ воздуха.

Жили в палатках за 30 километров от станции, в селе Ораное. Ходили по зоне в армейской форме и респираторе «Лепесток». По воспоминаниям Леонида Викторовича: «Выходишь из комнаты, там пропускной пункт, где измеряли норму радиации, кидаешь одежду, идешь в душ, вскоре получаешь новый комплект одежды». В зоне чернобыльской АЭС был 45 дней с 6 мая по 19 июня 1987 года. Несмотря на меры безопасности, получил дозу больше девяти рентген. Приехав, встал на учет в больницу, прошел комиссию. «К новому году выпало шесть зубов и полголовы стало лысой», - вспоминает он. После Чернобыля работал в городе Карталы Челябинской области водителем, а потом вернулся в Каргаполье. На пенсию вышел в 50 лет с предприятия «Дорожник», где работал охранником.

Ныне Леонид Викторович - волонтер общественного движения «Для СВО-их». Вместе с женой Валентиной Ивановной они собрали за полгода 150 посылок на СВО. Они ведут большую работу по сбору овощей для изготовления супов быстрого приготовления, помогают плести маскировочные сети на фронт. В декабре прошлого года появилась в газете «Сельская правда» заметка о бригаде «Ух». Автор статьи Елена Вяткина пишет: «Единственный мужчина в бригаде - Леонид Викторович Кандаков. Без его участия было бы не обойтись. На нем все транспортные заботы. Съездит за макулатурой и овощами к тем, у кого нет возможности доставить к нам в редакцию самим. Отвезет посылки на почту, вместе с Валентиной Ивановной развезут домашнюю работу своим помощникам. Да и вообще, если что-то нужно, два раза просить не надо. Незаменимый человек!»

18 февраля 2025 года региональное отделение партии «Единая Россия» отметило их семью благодарственным письмом. «Благодаря Вашей активной гражданской позиции, равнодушию к происходящему в зоне боевых действий, наши бойцы чувствуют надежную поддержку от своих земляков», - говорится в тексте письма.

У Леонида Викторовича большое количество наград, одна из самых значимых - Орден мужества, которую он получил 18 ноября 2000 г. А также 8 медалей посвященных юбилейным датам со дня Чернобыльской АЭС.

Именно на таких отзывчивых и ответственных людях держится страна в трудные для нее годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогой читатель! <i>С. Мишкарёв</i>	3
Уважаемые читатели! <i>С. Кокорин</i>	4
Очерки-воспоминания	5
Статьи	33
Рассказы	61
Стихи	92
Памяти земляков	111
Молодежь о Чернобыле	185

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Посвящается всем участникам ликвидации
последствий аварии на Чернобыльской АЭС –
людям, чьё мужество стало частью
истории нашей страны

Свёрстано и отпечатано в ООО «Типография Дамми»
г. Курган, пр. Машиностроителей, 13А
тел.: 8 (3522) 255-540, 8 (3522) 255-545
e-mail: sales@dammy.ru
Заказ № 129978. Тираж 300.